

Битва у Славкова

или

На поле

под Аустерлицем

Написал

проф. Алоиз Словак.

Перевела Нина Белявская

Предисловие к переводу

Русская армия шла из украинского Радзивилова и от Балтийского моря, с востока. Французская — с берегов Ла-Манша, с запада. В центре Европы австрийская армия ждала союзников — русских и неприятелей — французов. Три армии встретились на земле Моравии, чтобы сойтись в битве, которая увенчала славу Наполеона ещё одной победой и стоила жизни больше чем 10 тысячам солдат. Весь мир знает о сражении под Аустерлицем. Но местные жители называют город Аустерлиц иначе. По-чешски это Славков-у-Брна.

Два тиража книги *Bitva u Slavkova* («Битва у Славкова») были изданы в 1897 и 1898 годах за счёт автора, католического священника, профессора богословия и педагога Алоиза Словака. Он не был профессиональным историком, но любил историю родной земли и читал своим ученикам лекции, которые очень скоро стали популярны не только среди студентов. В 1898 товарищ и коллега Словака Клеменс Яначек перевёл текст на немецкий язык и опубликовал с заголовком *Die Schlacht bei Austerlitz*. Прибыль от продажи книг предназначалась в фонд строительства памятника «Курган мира». В 1908 г. вышел и перевод этой книги на французский.

Памятник «Курган мира» (чеш. *Mohyla míru*) был установлен на вершине Пратецкого холма, одной из ключевых точек битвы, спустя более чем сто лет после Аустерлицкого сражения. Строительство памятника было инициировано не государством, а группой энтузиастов, лидером которой был Алоиз Словак.

Его замыслом было сооружение «...*кургана на поле Славковской битвы не ради прославления памяти великого француза Наполеона, перед которым я, конечно, преклоняюсь, а потому, что хотел более всего, чтобы курган был курганом мира и любви, напоминая человечеству об ужасах войн*».

В 1922 году была опубликована новая работа профессора Словака *Na bojiště Slavkovském*, «На поле Аустерлицкого сражения». От выхода первых книг и собрания комитета по строительству памятника прошло больше двадцати лет. Памятник на холме Пратецком был построен. Отгремела Первая мировая война, куда более страшная, чем наполеоновские войны. Чехословакия стала независимой республикой.

Новая книга — уже не столько историческое исследование, сколько путеводитель, предназначенный для знакомства местных жителей и туристов с историческими событиями на территории Моравии — и, конечно, реклама собственно Кургана мира. В силу жанра это более краткий текст, чем издание 1898 г., однако он содержит фрагменты, не входившие в ранние издания. В первую очередь это описание собственно памятника. В 1923 году вышел перевод на этот раз на французский язык *Sur le champ de bataille de Slavkov (Austerlitz)*.

Половину денежной суммы на строительство памятника выделило в 1904 г. военное министерство Российской империи. Именно поэтому смысл русской надписи на памятнике отличается от трёх других — чешской, немецкой и французской.

А вот перевода на русский язык книг Алоиза Словака, кажется, до сих пор не было.

В основу данного перевода я взяла издание 1898 года, наиболее подробное, в том числе содержащее главы с «картинами военных бедствий». Но часть глав и фрагментов, без которых история памятника была бы неполной, взяты из издания 1922 года. Тем более что меня интересует не столько история войны, сколько история памяти о войне и стремления к миру.

ПАМЯТИ ВОИНОВ, ПАВШИХ
В БИТВЕ ПОД
АУСТЕРЛИЦЕМ
2 ДЕКАБРЯ 1805 г.

«УМЕРШИЕ ЖИВЫ В ПАМЯТИ ЖИВЫХ»

Вступление к изданию 1898 г.

Уже как богослова меня немало занимала воинственность Наполеона, одного из величайших людей всех времён. Будучи равно великим организатором и законодателем, он, после потрясений Великой революции, заложил во Франции основы новой здоровой государственности. Если бы он ограничил свою деятельность благополучием и возвышением французского народа, мало знал бы свет правителей лучше. Но безграничное честолюбие в сочетании с бесстрашием довело его до того, что он оставил землю, на которой возросло всё его могущество и слава. Сам он о себе говорил — к сожалению, поздно — в изгнании: «Никто не вредил мне так, как я сам себе. Могу сказать, что в своём лице я имел единственного врага». Да, блеск короны так опьянил разум Наполеона, что он начал для своих эгоистических целей использовать народ, суверенитет которого был основой его могущества.

Ни об одном из правителей прошлого не говорят так много, как о Наполеоне, ни один из них не упоминается так часто, как он. Но ни один из правителей не был виновником стольких человеческих вздохов и слёз, потому что никто перед ним не растратил столько денег, столько пота и крови — как Наполеон!

В полной мере всегда моё внимание привлекала битва у Славкова, о которой — как справедливо говорит барон Шонгалс — сообщения на диво столь противоречивы и столь неудовлетворительны, а её место действия простирается недалеко от ворот столицы нашей Моравии¹. Довольно я о ней читал и слышал, часто посещал отдельные места поля битвы Славковской, или скорее Праценской, как я бы её называл. И как часто в тех печальных местах, когда нога моя ступала там, где тысячи павших героев покоились вдали от милых своих, как часто приходила мне в голову мысль: «Не заслужили ли те храбрецы, чтобы память о них сохранилась у нас и у потомства?»

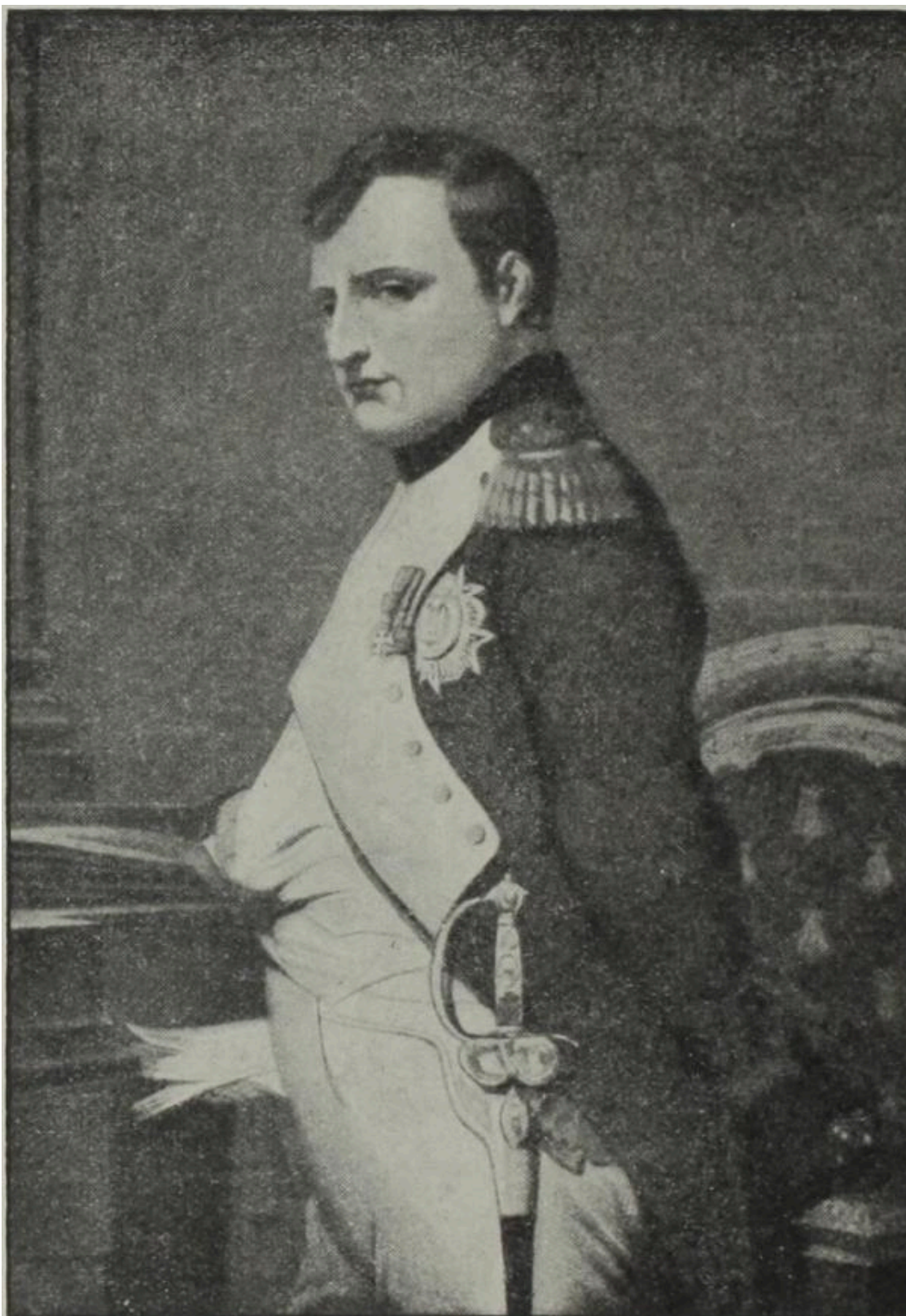
Вероятно, единственный памятник на поле Аустерлицкого сражения стоит на императорской дороге у Жарошиц на углу трактира (Сильнична), это простой крест с надписью «Памятник битве русских у Славкова в 1805 г. Обновлён к чести и славе Божьей в 1887 г.». Крест стоит на месте, где был похоронен флигель-адъютант Фердинанд фон Тизенгаузен, кавалер орденов Марии Терезии и Св. Анны, который был в битве тяжело ранен, позднее перенесён в Маликов трактир, где и умер. Спустя четыре месяца его тело было извлечено из земли и отправлено в Россию. Семья умершего подписалась выплачивать ежегодно на поддержание креста 60 рублей до девятого колена. Когда же хозяин трактира, который содержал крест в роскошном цветнике благоуханных роз, несколько лет спустя попросил, чтобы вместо 60 рублей ежегодно ему была одноразово выплачена разумная сумма, он получил от администрации в Брно 400 золотых.

Ещё один подобный памятник — простой крест в поле недалеко от Збейшова с надписью: «Памятник павшим воинам в битве здесь и в округе, 2 декабря лета Господня 1805 г. Да покоятся в мире!».

Пусть же поскорее украсит славный мавзолеей вершину Пратецкую, смоченную несчётными реками крови! Конечно, подходящим к этому случаю была бы столетняя годовщина битвы Славковской, которую мы будем отмечать через семь лет.

¹ Город Брно находится примерно в 17 километрах от территории, где разворачивалось Аустерлицкое сражение. — NB

Когда же, примерно два года назад, в руки мне попала книга, вышедшая в 1806 г. в Гамбурге, в которой австрийский офицер, очевидец, описывает битву Аустерлицкую, сподвигла она меня к новой работе, итог которой предлагаю общественности как приношение к истории милой родины.

Наполеон I, император Франции.

Причина войны третьей коалиции 1805 г.

Уже с 1792 г. Европа была сценой жестоких войн, и не было им видно конца и краю.

Вера Наполеона в прочный мир в начале XIX века не была сильнее, чем вера англичан. После мирных договоров Люневильского (1801 г.) и Амьенского (1802 г.) знали французы единственного извечного врага, Англию, которая в 1803 г. затеяла новую войну, под предлогом того, что Франция ущемляет её торговлю и мореплавание. Последним и важнейшим условием возможного мира была торговля; Англия хотела сохранить торговые связи, Франция хотела их приобрести. Великий правитель Наполеон стремился к одной великой цели — повергнуть господство Англии на море и вернуть водам свободу. Потому уже летом 1803 г. он начал собирать, обучать и строить свою армию в Булонском лагере (на проливе Ла-Манш). Было построено около ста кораблей, чтобы переправить эту армию в Англию. Даже две торжественные коронации, императором французским 2 декабря 1804 года в Париже и королём итальянским 26 мая 1805 в Милане, не уменьшили его усердия в деле вооружения флота в Булонском порту. Опасаясь этого французского вторжения, Англия (министр Уильям Питт) заключила в апреле 1805 года с Россией, в августе с Австрией и в октябре со Швецией третью коалицию против экспансии Наполеона. Пруссия оставалась в неопределённом нейтралитете, чтобы не участвовать в делах, но торжествовать в случае победы; южно-немецкие государства (Бавария, Вюртемберг, Баден) примкнули к Наполеону, Испания также поддержала Францию.

Операционный план союзников.

Союзники планировали наступать на Францию по четырём направлениям.

Фельдмаршал эрцгерцог Карл, лучший австрийский генерал и решительный сторонник мира с Францией, должен атаковать в Ломбардии с главной австрийской армией (80 000 человек), эрцгерцог Иоганн (30 000 чел.) должен поддержать в Тироле и Форарльберге соединение итальянской армии

со второй австрийской армией (80 000 чел.) в Германии, которая под командованием эрцгерцога Фердинанда дождётся на реке Лех прихода 90 000-й вспомогательной русской армии. К молодому эрцгерцогу Фердинанду был назначен генерал-квартирмейстером (начальником главного штаба) фельдмаршал-лейтенант Карл Мак, муж весьма тщеславный, советы и решения которого эрцгерцог Фердинанд должен был, по приказу императора Франца, всегда выслушивать и ими руководствоваться. Затем объединённое русско-австрийское войско проникнет через Швейцарию и Франш-Конте (вольное графство Бургундское) во Францию.

Русско-английский корпус (30 000 чел.), который следовало переправить с Мальты и Корфу в Неаполь, очистит Нижнюю Италию и вступит в Ломбардию,

другая же армия, русско-шведско-английская (более 40 000 чел.), тем временем опять займёт Ганновер. —

Наполеон не замедлил с ответом. Хорошо понимая, что против него готовится и что главным полем боя против него может быть только южная Германия, он 27 августа распорядился свою армию, собранную в Булонском лесу против Англии, как можно скорее направить к Рейну, а оттуда через Баварию проникнуть к сердцу Австрийской монархии. Расстояние от Булони до Страсбурга — 500 км, то есть 25 переходов, французская армия преодолела за 29 дней. Замыслом Наполеона было разгромить австрийскую армию ещё до прихода вспомогательной русской армии. В то время как австрийское командование полагало главным местом действия Италию, защиту Венеции, Наполеон же, с позиции современной стратегии, ставил себе главной целью быстрый и основательный разгром неприятеля. Если эта цель будет достигнута, все остальные успехи (приобретение или защита провинций) придут сами собою. Поэтому на вторичный военный фронт в Италию Наполеон послал лишь один корпус под командованием выдающегося «железного» маршала Массены с 50 000 чел., поручив ему ждать на реке Минчо в обороне.

Операция в Германии.

Фельдмаршал-лейтенант Мак, следуя полученному приказу, ещё до прихода русских перешёл 8 сентября реку Инн, вторгся в Баварию и до 18 сентября расставил свою армию на реке Иллер, от Боденского озера до Ульмской крепости, выслав разведчиков в Шварцвальд. Император Наполеон, собрав к 24 сентября на реках Рейн и Майн лучшую из всех, что были под его командованием, «Великую армию» силой почти в 200 000 чел. (7 армейских корпусов и кавалерия принца Мюрата), за несколько следующих дней перешёл Рейн между Страсбургом и Мангеймом и, выслав против Иллера лишь часть своей кавалерии, двинулся по большой дуге, открытой к юго-западу, по направлению на Ингольштадт-Диллинген. 7 октября, перейдя Дунай и оставив на его левом берегу только шестой корпус маршала Нея напротив Ульма, разделил на правом берегу свои силы на три части: два корпуса (первый и третий) пошли к Изару на Мюнхен, чтобы задержать русскую армию, четвёртый корпус (маршал Султ) через Аугсбург на юг, чтобы не дать австрийцам возможности отступить в Тироль, главное же его войско шло маршем на Ульм.

Негибкий полководец Мак, сосредоточив свою армию около Ульма, занялся составлением планов — только на бумаге — как выбраться из сжимающихся клещей. Но тщетно. Понеся поражение от Нея при Эльхингене и в ещё нескольких богатых на потери боях, австрийское войско 17 октября было принуждено сдаться, после чего 20 октября перед Наполеоном сложили оружие 18 генералов, 912 офицеров и 24 435 солдат. В 3 часа пополудни австрийская армия в парадной униформе выступила из крепости и, промаршировав под звонкую музыку перед Наполеоном, получила салют от каждого французского полка, и солдаты сложили недалеко от города оружие и сдали 60 орудий и 40 знамён. Полностью разоружившись, каждое отделение возвращалось опять в крепость. Офицеры были под честное слово не участвовать в дальнейших боях отпущены, а пленные солдаты отправлены во Францию.

Главнокомандующий армии, эрцгерцог Фердинанд, напрасно уговаривавший Мака покинуть Ульм единственной свободной дорогой на север, пока ещё есть время, вышел оттуда ночью 14 октября с 11 эскадронами. Сопровождаемый фельдцейхмейстером Коловратом и фельдмаршал-лейтенантом Шварценбергом и собрав по дороге несколько разрозненных пеших и конных отрядов, упорно преследуемый кавалерией Мюрата до самого Нюрнберга, он счастливо ушёл в Хеб (23 октября). Отправленный в Форарльберг фельдмаршал-лейтенант Елачич, хотя и сохранил большую часть своего корпуса, позднее (14 ноября) был вынужден сдаться с 4000 солдат.

Погода, уже давно плохая, к 9 октября испортилась совершенно. К сильному ледяному дождю со снегом, полностью промочившему войско, добавился морозный ветер, на дорогах и полях лежал глубокий мокрый снег, под каждым шагом обращавшийся в грязную лужу. Войска от такой погоды страдали невыносимо. И тем не менее — за двадцать дней Наполеон без главной битвы, только быстрыми маршами и несколькими стычками, уничтожил и рассеял 80-тысячную австрийскую армию в Германии. Довольный, он написал супруге Жозефине: «Я достиг своей цели и разбил австрийскую армию одними маршами!» Французские солдаты уже тогда говорили: «Император изобрёл новый способ воевать — нашими ногами, а не штыками». Так исполнились в Ульме слова Наполеона: «Крепости — ловушки для армий».

«Видите перед собою несчастного Мака», — обратился генерал Мак к Наполеону, вручая ему свою шпагу. Утром 21 октября перед отъездом из Ульма Мак простился с австрийскими генералами и штабом: «Я защитил Австрийскую империю и теперь еду в Вену к Его Величеству». В Вене, однако, его не допустили к императору, но отправили в Жидлоховице ожидать высочайшего решения. Там он прожил три недели в замке со своим адъютантом Калсером, а позже и со своей семьёй. Принимал в гостях тамошних чиновников и наносил ответные визиты. Жидлоховский замок был тогда сильной крепостью, окружённой высокими валами и глубоким рвом. Военный суд присудил Мака к смерти. Однако из милости ему заменили наказание на гражданскую казнь *cum infamia* (лишение офицерских чинов с позорным обрядом), с утратой всех орденов и заключение в крепости Йозефовской, куда он отправился 15 ноября. Но и это наказание было с него в 1808 г. по ходатайству эрцгерцога Карла снято, и Мак поселился в Санкт-Пёльтене, где и умер в полном одиночестве в 1828 г. в возрасте 76 лет. —

И всё же горькая капля упала в чашу упоённого победной славой Наполеона. В морской битве у Трафальгара (западнее Гибралтарского пролива) 21 октября славный адмирал Нельсон одержал победу над сильнейшим франко-испанским флотом под командованием французского адмирала Вильнёва и испанского Гравины, хотя победа досталась дорогой ценой — смертью героя-флотоводца Нельсона. Могущество французского флота было окончательно сломлено владычицей морей Англией, и Франция отказалась от неравного боя на море.

Лазутчик Наполеона.

Ни одна армия не обходится без лазутчиков, недостаточно посылать только разведывательные выезды, тогда как лазутчик, так называемый «шпион», может сразу прояснить каждому военачальнику нужные сведения.

Потому и Наполеон тщательно пестовал лазутчиков. Его принципом было: хорошо знать врага, но ещё лучше врага обхитрить. Лазутчики Наполеона хитростью входили во вражеский лагерь и сообщали вражеским полководцам сведения, которые Наполеон им сам же и надиктовал, коварно втираясь в доверие. Наполеону равно служили и правда — и ложь. «Бонапарт был лишен всех благородных чувств и абсолютно беспринципен; он творил то, что мог, дабы жил и преуспевал, без всяких угрызений совести», — справедливо пишет Р. У. Эмерсон.

Главным лазутчиком Наполеона был Карл Людвиг Шультейстер, уроженец Бадена. Имя его вряд ли настоящее, дворянство, на которое он претендовал, более чем сомнительное. Он родился в 1770 г. и получил хорошее образование. Должен был стать торговцем, но желание скорее разбогатеть повело его другим путём — он стал контрабандистом. Хорошая школа для его будущей военной специальности — шпионажа!

* * *

30 сентября 1805 года, прежде чем Наполеон покинул Страсбург, в его резиденции в замке произошло следующее событие.

Генерал Савари, глава и распорядитель отряда разведчиков и полевой жандармерии, был вызван рано утром к императору.

— Мне нужен надёжный человек для очень важного поручения.

— Сир, я знаю ловкого человека.

— Кто он?

— Бывший контрабандист.

— Не годится, — резко бросил Наполеон.

— Прошу прощения, Ваше Величество, это умный и образованный муж.

— Ну же, пусть войдёт. Я хотел бы с ним познакомиться.

— Сир, есть одно препятствие.

— Какое?

— Этот человек арестован за долги.

— Плохая рекомендация.

— В прошлом году он под видом владельца табачной фабрики ездил в Вену, чтобы узнать тамошние условия, для чего ему и нужны были деньги; два месяца назад он продал свой сад за 4000 франков, но весь долг выплатить не смог, потому теперь под арестом.

— Пусть войдёт!

В залу вошёл человек весьма приличного, даже благородного вида и предложил императору свои услуги в качестве разведчика.

— Кто вас рекомендовал?

— Никто, сир! Я сам себя рекомендую.

— Не нуждаюсь в ваших услугах.

Наполеон отвернулся и отошёл за ширму — обычный знак просителю уйти.

Примерно через минуту император вернулся и на том же месте, где стоял предыдущий проситель, увидел незнакомца.

— Как вы посмели явиться без приглашения? Кто вы? - воскликнул Наполеон.

— Простите, сир, что я не ушёл — я тот, кто две минуты назад предлагал Вам свои услуги как разведчик.

Наполеон был изумлён.

Незнакомец успел переодеть наизнанку свой сюртук, надел парик и изменил черты лица, так что выглядел пожилым человеком. Никто не узнал бы в нём прежнего просителя.

В залу вступил Савари.

— Сир, — сказал генерал, глубоко поклонившись, — это мой протеже. Ему обязаны мы первыми сведениями из Вены.

— Как вас зовут?

— Карл Людвиг Шульмейстер.

— Вы француз?

— Нет, я родом из Бадена.

— А теперь живете здесь?

— Да, сир.

— Савари, — обратился император к генералу, — заплати его долги, а ты, — Наполеон обернулся к Шульмейстеру, — следуй за мной в кабинет.

С той поры лазутчик пользовался доверием Наполеона; Наполеон же обращался на «ты» только к тем, кому доверял и симпатизировал.

* * *

Шёл год 1805, пора главного дела Шульмейстера.

Как уже не раз случалось в австрийской истории, так повторилось и на этот раз: Австрия, связанная союзами со всем миром, в решительный час осталась в полном одиночестве.

Австрийская армия стояла в Баварии, ожидая русскую армию, которая находилась ещё на расстоянии пятидесяти дневных маршей и едва приближалась.

Неудачей Австрии в этот решительный момент стал фельдмаршал-лейтенант Мак, главнокомандующий австрийской армии, на котором сбылось выражение: «В каждом есть столько тщеславия, насколько ему не хватает ума». Наполеон не мог найти себе «лучшего» противника. Его замыслом было: сделать австрийскую армию неспособной к бою до того, как подойдёт русская армия. И это ему удалось!

В ту роковую пору лазутчик Шульмейстер смог проникнуть в лагерь Мака.

3 октября рано утром Шульмейстер, размахивая белым платком, приблизился к австрийским часовым и попросил, чтобы его проводили в главный лагерь, чтобы сообщить Его Сиятельству Главнокомандующему важное известие.

Офицер привёл его к капитану Венду, командиру наших разведчиков.

— Ваше благородие, большая честь и отрада для меня с вами познакомиться, верно, мы будем теперь часто общаться, – сказал Шульмейстер. — Однако примите во внимание, что я не просто разведчик, но бывший офицер французской армии, и твёрдо знаю, что определённые сообщения следует передавать лишь высочайшей особе, будь то сам эрцгерцог либо его главнокомандующий. Если Его Сиятельство барон Мак поделится с Вами тем, что от меня узнает, то уж его дело. Что касается моей особы, с удовольствием дам Вам, Ваше благородие, надлежащие объяснения.

— Извольте.

Шульмейстер вытащил свои бумаги и показал их капитану.

— Савари послал Вас к нам разведчиком?

— К Вашим услугам, Ваше благородие.

— И Вы хотите передать нам, что знаете?

— Только Его Сиятельству, главнокомандующему.

— Почему Вы предаёте своего императора?

— Из мести, я был из-за него по одному лишь подозрению подвергнут политическому преследованию. Я провёл девятнадцать месяцев в тюрьме. Три дня назад Наполеон меня вызвал и обещал свободу и прощение, если я стану шпионом и принесу ему известия, замышляете ли вы отступить в Тироль или защищать Ульм. Чтобы получить свободу, я обещал ему всё и пришёл к вам — назло Наполеону.

Капитан Венд сообщил о Шульмейстере барону Маку, и через четверть часа шпион был у главнокомандующего.

Шульмейстер получил от Наполеона примерную характеристику не только Мака, но и всех командующих австрийскими корпусами, поскольку император в дни мира поручал своим посланникам и агентам собирать данные, которые ему пригодятся в дни войны.

«Мало знать неприятельскую армию, должно изучить и её полководца», — таков был принцип Наполеона.

Потому и Шульмейстер хорошо знал многочисленные слабые стороны Мака, с наибольшим же удовольствием льстил его тщеславию.

Красноречие, хорошие манеры и военные знания Шульмейстера импонировали Маку; щедрость его ошеломила.

Мак был тогда, как каждый австриец, врагом Пруссии. И на этом тоже играл Шульмейстер тем сильнее, чем больше сам ненавидел прусских правителей.

Отношения между Маком и Шульмейстером стали доверительными, лазутчик был ежедневным гостем. Эрцгерцогу Фердинанду и другим генералам Мак рекомендовал Шульмейстера как своего «лучшего» разведчика. Шульмейстер добился полного доверия Мака. Рассказывал, дескать, англичане уже высадились на берегу Франции, чтобы соединиться с австрийской армией, а целая Франция бунтует против Корсиканца, и часть армии Наполеона уже дезертировала. Мак всему верил.

Однако Шульмейстеру довелось и правду говорить! 13 октября он открыто советовал Маку в присутствии эрцгерцога Фердинанда и фельдмаршал-лейтенантов князя Шварценберга и графа Гауляя либо отступить из Баварии, либо решительно выступить из Ульма в поле против Наполеона, чтобы не дать тому себя окружить. Напрасно. Мак вбил себе в голову, что Наполеон отступает. Потому он призвал к себе Шульмейстера и, дав денег, приказал немедленно отправляться в Штутгарт и принести оттуда надёжные сведения. Шульмейстер, приняв деньги, ушёл — и более не возвращался.

Ещё 14 октября эрцгерцог Фердинанд пытался убедить главнокомандующего, что не остаётся другого выхода, кроме как перейти Дунай и силой проложить себе дорогу на левом берегу, — но тщетно. Той же ночью эрцгерцог со своей кавалерией под командованием Шварценберга с тяжёлыми потерями добрался до Богемии, легковёрный же Мак остался бездействовать в Ульме. Неудивительно, что некоторые современные писатели называют ослеплённого Мака безумцем и даже предателем.

Так вот, Наполеон отступал, а «несчастный» Мак 17 октября перед ним — капитулировал!

Когда 13 ноября французы вошли в Вену, Шульмейстер получил от Наполеона должность префекта венской полиции. Позже, будучи своим государем по-королевски вознаграждён, он вернулся в Страсбург, где жил в большой роскоши, но конец его был печален. После жизни, богатой материально, но бедной нравственно, умер Шульмейстер в Страсбурге в нужде, презираемый и покинутый всеми.

Так закончил исторический лазутчик Наполеона.

Вторжение Наполеона в Австрию.

Ульмская катастрофа совершенно перевернула положение дел. Основной замысел Наполеона в этой военной операции — отрезать австрийцев от русских гениально задуманным и мастерски проведённым маневром — совершенно удался. 24 октября Наполеон прибыл в Мюнхен, чтобы выступить против русской армии. Свой шестой и седьмой корпуса (маршалов Нея и Ожеро) он отправил в Тироль против эрцгерцога Иоганна.

Тем временем 11–22 октября до побережья реки Инн добралась первая русская армия в составе пяти колонн под командованием генерала Михаила Илларионовича Кутузова² в составе 32 000 чел. и соединилась у Браунау с австрийским корпусом Кинмайера, который отступил из Баварии с более чем 20 000 солдат и перешёл под командование фельдмаршал-лейтенанта Мерфельда. Однако же после капитуляции Ульмской не оставалось иного выхода, кроме как перейти к отступлению перед подавляющей силой неприятеля, которое благоразумный Кутузов начал 25 октября и после нескольких боёв своего арьергарда с быстро наступающими французами (у Рида, Ламбаха, Штайра и Амштеттена) вполне искусно провёл. У Штайра Кутузова покинул фельдмаршал-лейтенант Мерфельд с главной силой австрийского войска (12 000 чел.) и по своему разумению повернул на юг к Штирским горам, где был скоро настигнут французским третьим армейским корпусом (маршал Даву), и при дальнейшем отступлении к Грацу его корпус был вторым французским корпусом (генерал Мармон) почти уничтожен.

Чтобы сохранить русские войска от горькой участи, которая постигла армию Мака, и соединиться с войском, только теперь вышедшим из России, Кутузов предпринял дальнейшее отступление к Вене, перейдя Дунай ночью с 8 на 9 ноября у Маутерна, уничтожив за собой мост, разгромил 11 ноября в скалистом ущелье у Дюрнштайна³ оставшуюся в одиночестве французскую дивизию Газана восьмого корпуса маршала Мортье, после чего, соединившись со своей шестой и последней колонной, начал поход от Кремса через Зноймо⁴ в Моравию. Мортье, хотя и потерял половину солдат, не пал духом, что погубило бы всё войско. Некоторые офицеры даже советовали Мортье сесть в лодку, чтобы спастись хотя бы самому. Но Мортье с обнажённой саблей в руке отвечал: «Я не покину таких храбрых солдат! Либо спасусь с ними, либо с ними и умру!»

В ночном бою у Дюрнштайна пал генерал-квартирмейстер штаба, австрийский фельдмаршал-лейтенант Генрих фон Шмитт. Его потеря была для союзной русско-австрийской армии дорогой и, как позднее стало ясно, невозполнимой ценой за одержанную победу. Храброму Шмитту позже был у Кремса поставлен достойный памятник.

² Кутузов, знаменитый полководец русский, тогда шестидесятилетний, прославился уже ранее в войнах турецких. Будучи в битве у Очакова ранен в голову, потерял правый глаз.

³ В крепости Дюрнштайн содержался в плену у австрийского герцога Леопольда V английский король Ричард Львиное Сердце в 1192–93 гг.

⁴ Чешский город Зноймо в русской литературе о наполеоновских войнах обычно называется немецким именем Цнайм (*Znaim*) — NB.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, главнокомандующий союзной русско-австрийской армией у Славкова.

Вена после слабой обороны была занята французами уже 13 ноября. В спешке и беспорядке, с которыми совершалась эвакуация из Вены, было много смешного. Из военной канцелярии были отправлены в Венгрию деревянные лавки, зато в городском рву, в императорской и городской оружейной осталось лежать до ста ружей, пушек и мортир. Умно поступили сапожники. Их гильдия выполнила большой казенный заказ на обувь. Однако, поскольку за работу им до сих пор не было заплачено, сапожники вскрыли склад и так сохранили обувь для себя и для казны.

Дунай французы перешли очень простым и хитрым способом. Князь Ауэрсперг, задачей которого было защищать заминированный и сильно укрепленный большой Таборский мост через Дунай, позволил себя провести французам, утверждавшим, что заключено перемирие, и не дал разрушить мост, который был быстро занят принцем Мюратом. Наш артиллерист хотел выстрелить по спокойно переходившим мост коварным французам, но в решительный момент маршал Ланн выхватил у него из рук горящий фитиль и бросил в Дунай с лживыми словами: «Несчастный! Что ты творишь? Разве не знаешь о перемирии?» Князь Ауэрсперг был за это отстранен от командования и осужден на заключение в крепости.

Принц Мюрат отправился по дороге на Зноймо в погоню за Кутузовым. 16 декабря князь Багратион у Шенграбена (Обер-Холлабрунн) хотя и проиграл Мюрату, всё же достиг своей цели: отвлек внимание Мюрата и тем прикрыл отступление Кутузова в Моравию и спас русскую армию от неизбежной гибели. Мюрат, обнаружив на Зноемско-Венской дороге слабую колонну Багратиона (около 6000 чел.), думал, что встретился со всей армией под командованием Кутузова. Чтобы точно разбить наголову всю армию, он хотел дожидаться, пока подойдут войска, а потому предложил Багратиону трехдневное перемирие, которое Кутузов с благодарностью принял, чтобы отступить своим корпусом к Зноймо. Наполеон, который был в это время в Шёнбрунне, едва узнав от Мюрата о планируемом перемирии, тут же распознал эту хитрость и послал Мюрату письмо следующего содержания:

«В Шёнбрунне, 16 ноября 1805.
Принцу Мюрату.

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою обеспокоенность. Вы командуете только моим авангардом и не имеете права заключать перемирие без моего приказа. Ваша вина в том, что Вы чуть было не лишились плодов всего военного похода. Немедленно прервите перемирие и выступайте против врага! Скажите ему, что генерал, подписавший эту капитуляцию, не имел на то права и что право это есть лишь у русского императора.

Конечно, если русский император согласится с приведёнными условиями, соглашусь с ними и я; но всё это не что иное, как обман. Ступайте вперёд и уничтожьте русскую армию... Можете получить в свои руки её обоз и всю артиллерию.

Генерал-адъютант русского императора — мошенник. Офицеры ничего не значат, если у них в руках нет полномочий; у него их нет. Австрийцы дали себя провести при переходе Венского моста, а Вы даёте себя провести адъютанту императора.

Наполеон».

Памятники на полях боёв у Дюрнштайна и Обер-Холлабрунна и ныне возвещают храбрость воинов русских, французских и австрийских.

Французы в Моравии.

17 ноября Наполеон вторгся в Моравию, где главная битва должна была решить европейский вопрос. В Моравию же прибыло и главное войско русское, предводимое царём Александром. Сюда же в Брно явился в начале ноября и австрийский император Франц I (II).

Военный корпус Кутузова был как можно скорее переправлен из Зноймо в Брно на транспорте, а именно пехота на сельских телегах с сиденьями, по 10 человек, колоннами по 6000–9000 солдат, офицеры по 4 человека в колясках, предоставленных дворянами, чиновниками, мельниками и горожанами. Потребность в транспорте была необычной, потому что кроме пехоты надо было перевозить и артиллерию, и кавалерию. Транспорт давали края брненский, зноემский и градиштский.

Император Франц покинул Брно 17 ноября. Главный лагерь союзной армии 18 ноября был в Шлапаницах, на следующий день уже в Вышкове.

19 ноября Брно без боя было занято французами. Уже ранним утром в городе появились сообщения о приближении неприятеля. После стычки русского арьергарда с французской кавалерией у Войковиц принц Мюрат во главе двух кирасирских полков во второй половине дня въехал в город через Брненские ворота, пообещав посланным к нему городским представителям по возможности избавить горожан от трудностей военного времени. Мюрат разместился на Большой площади⁵ в доме № 26. В тот же день 30 000 французов расположилось в городе. В Шпильберке, совершенно опустевшем, они захватили 60 пушек, 6 000 ружей, 300 000 фунтов пороха, большое количество жита и муки, а также значительный запас одежды — весьма чувствительная потеря для объединенной австро-русской армии!

Главный лагерь французов был 18 ноября в Зноймо, 19 ноября в Погорелицах.

Грустное свидетельство грабительского марша французов сохранилось в домашнем протоколе Лехвицкого прихода (у Зноймо):

«В ноябре 1805 г. в Лехвице пришли французы. Большая часть неприятельской армии, в основном кавалерии, двигалась по новопостроенной императорской дороге из Зноймо в Брно. Тогда не только господские управляющие, но и местный настоятель был жестоко притеснен и ограблен. Чтобы сохранить жизнь, покинул он Лехвице и ушёл в Простомержице к дстп. протоиерею К. Зейтцу. Во время его отсутствия неприятели силой вломились в приходской дом, выломали замки и, разломавши всю его мебель, забрали всё, что нашли. Но досточтимый священник снёс бы терпеливо и мужественно все лишения, если бы те безбожники не посягнули на самую святыню, на прекрасный паломнический храм Божьей Матери Лехвицкой. 24 ноября 1805 г. был тот несчастный день, когда французские разбойники, не знающие никаких законов, крепкими дубинами выломали кованые двери храма, скинию разбили, а святые дары по полу храма разбросали! Украли священные сосуды и облачения, нанеся всему храму Господню ущерба на 3976 гульд. 30 кр. Даже по статуе Девы Марии, за главным алтарём за стеклом укрытой, эти злодеи стреляли. Целых два месяца не было в Лехвицах богослужений, пока мы не получили наконец из Кридловиц чашу и какое-то старое облачение. В Кридловицах же французы убили священнослужителя».

Ночь с 19 на 20 ноября Наполеон провёл в приходском доме в Погорелице, где за 32 года до него спал и Иосиф II. До сих пор можно видеть комнату и место, где почивал Наполеон. Над постелью висит портрет Наполеона с известной латинской надписью: «Ты, который мнишь

⁵ Сейчас Площадь Свободы — NB.

себя высоким кедром, достающим ветвями до облаков, гляди, как бы не рухнул ты тем тяжелее⁶». О пребывании Наполеона так пишет памятная книга Погорельского прихода:

«17 числа главный лагерь австрийский был в Погорелицах под командованием князя Иоганна Лихтенштейна, который с многочисленным отрядом остановился в приходском доме. 18 ноября после отъезда последних русских гусар к 3 часам пополудни приехала французская кавалерия генерала Себастьяни, который поселился в приходском доме и своим строгим, даже грубым обращением и избыточными запросами возбудил великий страх во всём нашем селении. (Иначе, как мы позже увидим, судит об этом генерале памятная книга прихода Кучеровского.) Его адъютант взял у приходского священника трёх лошадей.

Утром 19 ноября к нам прибыл мягкий и спокойный принц Мюрат, а вскоре за ним к 10 часам допозднати император Наполеон в сопровождении Бертье, военного министра и начальника штаба, и многочисленных генералов. Прежде, чем разместиться в приходе, Наполеон выехал на Ледецкий холм, где получил сообщение, что город Брно добровольно сдался.

Приходской настоятель Себастьян Либишер, который своё жильё не покинул и должен был ночевать на лавке в кухне, много претерпел от французских солдат, особенно от личного мамелюка Наполеона, Рустама, который обычно спал у дверей Наполеона. Однако пастору была оказана милость быть представленным Наполеону. Генерал Рапп с помощью переводчика спросил пастора - которого из двух он считает императором? За столом же сидели Наполеон и Бертье. Пастор решил, что Бертье, грудь которого украшали многочисленные отличительные знаки и ордена. Тогда как Наполеон был одет в простую военную униформу с орденом Почётного легиона.

Наполеон задавал священнику разнообразные вопросы, в том числе такие: Давно ли он получил приход? За что его получил (купил)? Что за человек епископ, посещает ли он епархию и часто ли? (Брненским епископом в то время, 1800-1816, был князь Шраттенбах.) Проводятся ли во время этой войны особые молебны? Почему не одет в духовное облачение? Почему так плохо выглядит?

Пастор пожаловался на французских солдат, грабивших в приходе, что Наполеон назвал неминуемым следствием военной поры; однако же приказал генералу Раппу выплатить священнику за взятых лошадей военную компенсацию 25 золотых (наполеондором по 40 фр.), утешив его несколькими словами.

Об особом внимании Наполеона свидетельствует тот факт, что он завел часы, стоявшие у его кровати.

На следующий день император уехал. В полночь приехал Каффарелли со своим корпусом, поселился в приходе с двумя десятками офицеров и тем же числом денщиков и оставался там до 29 ноября. Был человеком спокойного нрава. Приходской дом Погорельский был постоянным местом проживания французских генералов до 12 января 1806, когда французы ушли.

О большой битве у Славкова 2 декабря мы не знали до вечера 3 декабря, когда через Погорелице провели до 20 000 (?) пленных русских».

⁶ Procera es cedrus, cogitas iam cernere nubes — Attendas, lapsu ne graviore ruas.

Наполеон в Брно.

На следующий день (20 ноября) улицы города Брно⁷ были с самого утра необычайно оживлены. Постоянно входили новые отряды французских солдат, в 1 час пополудни прибыл Наполеон. Своим появлением привлёк он всеобщее внимание. При въезде в город его сопровождали около тысячи верных конных гвардейцев и 40 мамелюков. Он был одет в серый плащ, на голове низкая шляпа. Был Наполеон невысокого роста, коренастый, носил тёмно-зелёный мундир с красной отделкой, золотыми эполетами и двумя звёздами на груди. Выражение его бледного лица было серьёзным и задумчивым. Он занял нынешний губернаторский дворец. Часто можно было видеть, как он, проходя по комнате, останавливался у окна и оглядывал площадь.

В 5 часов пополудни того же дня принц Мюрат отдал приказ, чтобы по случаю приезда Наполеона город был вечером освещён — по две свечи за каждым окном, чему горожане скрепя сердце и подчинились.

Хотя войско Наполеона в Брно соблюдало строгую дисциплину, всё же реквизиции и налоги на город и жителей от неприятеля достигали невыносимых размеров.

На некоторых улицах жители должны были покинуть свои дома и квартиры на первом этаже, из которых были сделаны — конюшни! Мяса в Брно было достаточно, но — только для французов. Они согнали со всех окрестных деревень и дворов скот, который забивали прямо на городских площадях, по большей части перед редутой на Капустном рынке, где кровь буквально текла рекой. 29 ноября, когда уже почти всё войско ушло, потребовали от магистрата 300 центнеров копчёного мяса, 200 центнеров солонины и 3000 бутылок вина! Всеобщее недовольство в городе возбудило меню министра иностранных дел Талейрана, когда его повар затребовал в городской ратуше для своего господина и его гостей: переднюю и заднюю часть вола, одного барана, шесть индюшек, четырёх откормленных гусей, 10 откормленных каплунов, 8 кур, 10 цыплят, 4 фазанов, 2 больших карпов, 2 щуки, 12 форелей, 24 рака, фунт сыра пармезанского, фунт швейцарского, кроме того овощей разных видов, масла, сала, яиц, лука и чеснока!

До 1 декабря французы забрали 3000 коней, 4000 коров и волов, и 6000 овец.

В воскресенье 24 ноября Наполеон позволил отслужить в 12 часов у св. Томаша святую мессу. Ежедневно, утром и вечером, проходил смотр войск, этих самых великолепных воинов, каких кто-либо видел. Одним из великолепнейших был парад 27 ноября. Всё, сколько было войска в Брно и окрестностях, встало между деревьями Лишень и Тураны. Император провёл смотр после 12 часов. По этому случаю можно было увидеть Наполеона, этого солдатского императора, в его славе, в его могуществе, оказывающего удивительный, непреодолимый эффект на армию. Все — от наивысшего маршала до последнего солдата — все были ему преданы, преданы самоотверженно, до самой смерти; они жили в его лучах, как цветы в лучах солнца, как краски в лучах света. В нём видели своё предназначение, свою силу, в нём конечную цель своего существования. Видеть Наполеона солдаты желали не менее, чем обыватели. Как только он приближался, восклицали: «Вот он идёт!» Без Наполеона для них жизнь солдатская не имела никакого смысла.

⁷ Немецкое название города - Брюнн (*Brünn*) — NB.

Военная кампания в Италии и Тироле.

Эрцгерцог Карл в начале октября в Италии на реке Адидже вместо обещанных 142 000 солдат смог собрать только 80 000. Против него на реке Минчо стоял с 50 000 солдат неустрашимый маршал Массена, которого Наполеон, за его выдающиеся успехи в сражениях на севере Италии назвал «любимцем удачи». Победы французов в Баварии оставили Массену в обороне против эрцгерцога, который получил из Вены приказ наступать. Это привело к кровавой трёхдневной битве при Кальдиеро, к востоку от Вероны, 29, 30 и 31 октября, в которой эрцгерцог Карл выстоял, но уже 1 ноября начал отступление через Горицию, Любляны и Целе к Коницу. Здесь он соединился с армией своего брата эрцгерцога Иоганна, который после нескольких упорных боёв был вынужден, вследствие отступления австрийских войск из Италии и русских от Инна, покинуть Тироль и долинами Пустерталь и реки Дравы уйти через Филлах и Клагенфурт к Марибору и Коницу. Эти объединённые армии числом 80 000 чел. пошли дальше в Венгрию к Кёрменду, куда добрались 6 декабря. —

Первый акт кровавой военной драмы 1805 г. завершился капитуляцией Ульма, второй акт — захватом Вены и наследственных земель, начался третий акт, на новой сцене и отчасти с новыми силами — у достопамятного Аустерлица!

Лагерь войска союзников под Оломоуцем.

Генерал Кутузов, отступая как можно быстрее от Зноймо, у Погорелиц встретился с австрийским армейским корпусом (13 000 чел.) под командованием Иоганна Лихтенштейна, шедшим из Вены, после чего они продолжили поход вместе через Райград, Жидлоховице и Менин до лагеря у Шлапаниц. 19 и 20 ноября эти войска встретились у Вышкова с главной русской армией, которой командовал генерал Буксгевден, после чего отступили к Оломоуцу.

22 ноября союзное австрийско-русское войско, утомлённое ускоренными маршами, заняло весьма выгодную и сильную позицию под Ольшанами (у Оломоуца). Когда же 25 ноября туда добралась и императорская русская гвардия под командованием великого князя Константина, вооружённые силы союзников насчитывали 86 000 человек и 16 000 коней.

Главкомандующим союзной армии был — по крайней мере формально — русский генерал Кутузов, муж пожилой, полководец прозорливый. Здесь могли и должны были союзники ожидать атаки французов с наилучшим результатом; но они оставили эту позицию и пошли против Наполеона на Брно, что было их первой ошибкой и неудачей. Оба императорских двора, австрийский и русский, остановились в Оломоуце, русский на Новой улице, австрийский на Новосадах.

Миролюбивый император Франц, правитель мягкий и опытный, имел много причин подождать с битвой. Однако же нетерпеливый царь Александр, жаждущий военных лавров, не дождался помощи ни из Богемии (эрцгерцога Фердинанда), ни из Италии, откуда эрцгерцог Карл с 80 000 солдат быстрыми маршами спешил к Вене. Кроме того, следовало бы дождаться решения Пруссии, которая предлагала Наполеону проект мирного договора и, если бы этот проект не был принят, присоединилась бы к коалиции.

Незнающий военного дела и малоопытный царь Александр слишком прислушивался к своим льстивым приятелям, которые быстро склонили молодого, очаровательного императора к своим планам, что после признавал и сам Наполеон в письме Талейрану⁸. Те полагали, что напуганная и более слабая французская армия избегает решительного сражения с русскими, так скорее на Брно, где достаточно припасов, где ожидают победа и слава! Дескать Наполеон отступает, а значит, нужно немедленно выйти в поле, чтобы он не ускользнул.

Предводителем этого воинственного русского дворянства был велеречивый князь Долгорукий, который после боя у Вышкова был послан на переговоры, предложенные Наполеоном, во французский лагерь. Напрасно благоразумный Кутузов, осторожный князь Адам Чарторыйский, князь Шварценберг и другие опытные полководцы предупреждали об отважном Наполеоне, который выиграл уже столько битв, о его обученном и закалённом в несчётных боях войске, которое уже ничего не боится, и которое сам Наполеон назвал «наилучшей армией», — военный совет окончен, младшая партия возобладала над старшей. Предвзятый разум не поддается влиянию более веских доводов, чем он сам; истина раздражает его, а не убеждает. Всех вдохновляла слава русского оружия, все прониклись надеждой и излишней уверенностью в грядущей победе. Молодые головы полностью отдались тщеславию и беспечности. Они не задавались вопросом, как именно

⁸ Министр иностранных дел, бывший епископ Отёнский.

победить бы французскую армию, только как её окружить и захватить. Императора Франца на совет даже не позвали, возможно, опасаясь его несогласия.

План операции разработал австрийский генерал Вейротер, более теоретический, чем практический знаток военного дела. Вейротер, глава австрийского генерального штаба, пользующийся благосклонностью царя Александра, занял место незаменимого генерала Шмитта, павшего 11 ноября в стычке у Кремса (Дюрнштайн). Император Франц, узнав в Брно о гибели Шмитта, был глубоко поражён и опечален.

Случилось так, что австрийские войска за год до того проводили манёвры в тех полях, где теперь должны были сразиться с французами.

Французы наступают от Брно к Вышкову.

19 и 20 ноября, как и в последующие дни, французские войска продвигались от Брно и Погорелиц к Славкову и Вышкову⁹.

Наполеон покуда оставался со своей гвардией и корпусом маршала Ланна в своей главной ставке в Брно, откуда регулярно выезжал к Славкову. Проезжая Пратецкую и Славковскую возвышенности, останавливался на каждой вершине, велел измерить расстояния и часто повторял своему штабу: «Господа, изучите как следует местность, здесь у вас будет дело!»

Дивизии корпуса Сульта, идущие вправо от Погорельской дороги через Немчице, собрались у Славкова, кавалерия Мюрата у Вышкова. Главный лагерь этого французского авангарда был в Новом Роусинове.

Затем 28 ноября союзная австрийско-русская армия подошла от Оломоуца к Вышкову, застала французов врасплох и, захватив 100 пленных, выгнала их из города. Австрийский и русский император въехали в Вышков и расположились в замке. В тот же день к вечеру два русских батальона после жестокого артиллерийского обстрела заняли Роусинов и поставили перед ним посты.

Французский авангард отступил к Брно.

Наполеон, узнав о прибытии Александра, послал к нему своего адъютанта генерала Савари. Эта учтивость не была напрасной. Из беседы Савари с молодыми офицерами, окружающими русского самодержца, Наполеон сразу понял, что кабинетом Александра завладели высокомерие и беспечность.

Царь Александр послал с ответным визитом во французский лагерь своего неразумного адъютанта князя Долгорукова. Наполеон принял его у себя на передовом посту и после краткой беседы отпустил со словами, произнесёнными тоном сухим и недовольным: «Если это всё, что Вы имеете мне сообщить, передайте императору Александру, что я не поверил его предложениям, когда хотел с ним говорить. Я бы показал ему свою армию и согласился бы со справедливыми условиями. Но он так хочет, значит, будем драться! Я умываю руки».

Отпустив Долгорукова, Наполеон отошёл, говоря про себя: «Странные люди! Хотят, чтобы я очистил Италию, а сами не в силах отнять у меня Вены. Что они замышляют? Что бы они сделали с Францией, если бы я проиграл? По вере моей — пусть всё идёт, как Богу угодно!»

Наполеон был недоволен, и показывал своё раздражение тем, что стегал кнутом комья земли на просёлочной дороге. Часовые его заметили. Один старый солдат, не глядя на него, сидел у дороги с ружьём на коленях и спокойно дымил своей трубочкой. Наполеон, проходя мимо, пробормотал: «Они там думают, что нас проглотят!» А старый солдат ответил: «Это вряд ли... мы им комом в горле станем!» Эти удачные слова рассмешили Наполеона, он сел на коня и вернулся в лагерь в хорошем настроении.

Обе армии стремились к решительному сражению!

⁹ В русских текстах, в том числе, в «Войне и мире» Льва Толстого, Вышков упоминается под немецким названием Вишав (*Wischau*) — NB.

Союзная армия на марше от Оломоуца к Славкову

27 ноября союзники покинули укреплённый Ольшанский лагерь — войско существенно страдало от недостатка снабжения — и неспеша направились по дороге к Брно пятью колоннами, оставив гвардию в арьергарде. Совершенно не спеша; преодолев за пять дней марш всего лишь в 70 км, союзники уже так подарили Наполеону достаточно времени, чтобы ещё вечером перед битвой к нему присоединился маршал Бернадот и часть корпуса Даву (дивизия Фриана).

Маршал Бернадот стоял тогда со своими дивизиями у Зноймо и Моравских Будеёвиц (по направлению к Йиглаве) против эрцгерцога Фердинанда. В субботу 30 ноября Наполеон послал к нему офицера с письмом: «Послезавтра сойдёмся в битве. Если хотите поучаствовать, поспешите!» И Бернадот — утром в понедельник (2 декабря) был на поле боя!

Даву же, спеша от Вены, прошёл со своею дивизией 1 декабря через Микулов и утром 2 декабря уже стоял на правом крыле французов у Тельнице и Сокольниц.

Благодаря лишь только этой гибкости вспомогательных войск и быстроте комбинаций, при которых отдельные отряды перемещались в нужный день и час на поле боя из самых отдалённых мест, Наполеон добился такого успеха в Италии, стал победителем у Аустерлица и Ваграма!

Оба императора, Франц и Александр, 27 ноября ночевали в Простееве, 28 ноября в Вышковском замке, 29 в Богдалицах, 30 в Крижановицах, а 1 ноября в замке Славковском (Аустерлицком).

Грустные записи о походе русского войска от Оломоуца к Славкову сохранились в хрониках Кучеровского прихода, написанных достопочтенным приходским священником и деканом Антонином Майкснером, бывшим Забрдовским проповедником.

«Ко мне и в поселения, относящиеся к моему приходу, 22 ноября добрались французы, а именно конные егеря, люди грубые, дикие и необузданные, склонные к грабежу и насилию, при нужде или сопротивлении не останавливающиеся и перед убийством. Первое их появление и нападение было самым страшным; у меня, который незваных гостей хотя и не приветствовал, но и сопротивления не оказывал, за полчаса забрали более 100 центнеров сена, то есть запас корма, которого должно было хватить на целый год, да 152 меры овса. Сено и овёс увезли в соседние деревни. Также искали моих четырёх лошадей, при поисках вывернули весь мой дом наизнанку, да и в горах искали, и забрали бы коней без всякой жалости, если бы нашли. Однако мои кони и другие вещи были спрятаны в Уграх у Тренчина.

И какие же грабежи и бесчинства я перенёс, ах! за все три дня, из комнат и гардеробов всё, что им нравилось и можно было забрать, забирали, из знаменитого погреба моего вино вёдрами выносили, да и разливали, и в соседние селенья посылали. На четвёртый день моих страданий приехал ко мне на квартиру генерал Себастьяни, который, если не считать еды и напитков, которые я должен был давать ему с его двенадцатью офицерами, грабежу конец положил. Жил у меня до 28 ноября, когда, при приближении русских, так быстро уехал, что мне даже «спасибо» от него не досталось. Себастьяни, по роду близкий своему императору — корсиканец — был муж примерно 30-летний, спокойный, разумный, очень тщательно исполняющий свои обязанности, отличавшийся хорошими манерами. За время

своего пребывания у меня он своим высоким положением защитил меня от нескольких вторжений, поборов и реквизиций, и даже от военного налога, чем спас меня, деревни моего прихода и Богдалицкое имение от ущерба по меньшей мере в 5000 зл. Неизвестно, однако, какой выкуп он наложил бы на нас, если бы ему не пришлось так внезапно бежать!

Бегущих французов преследовали наши гусары полка принца Гессен-Гамбургского; за ними со всех сторон валили спешащие на битву русские, верные наши союзники. Эти русские приходили с нашими от Дрысиц, Вышкова и Лулеча. С 9 утра до 9 вечера шли Кучеровым и по всей округе, долгой цепью. Заполнили всё, от лесовских границ аж до Гвездлице, по сёлам и по полям, как саранча, пожирающая урожай; дым от их костров стоял, как густой туман. Воистину мы, подвергшиеся такому разграблению, имеем право называть тот день 29 ноября несчастнейшим в своей жизни. Русские солдаты, рождённые, что переносить невзгоды и терпеть всякие беды, немногим более, чем скот, грубые, тяжёлые, сверх всякой меры жадные и прожорливые, они всё, что на земле лежало, и под землёй надёжно было укрыто, находили, крали, тащили, даже и когда им самим слишком тяжело было. Ни одна яма, ни один погреб, подвал или замок не были достаточно глубоки или прочны, чтобы их не открыли или не взломали силой, и всё, что там находилось, не присвоили. Не брезговали даже колыбельками, перинками и детскими пелёнками! А ведь это были наши друзья, наши защитники! Лучше бы было их назвать нашими губителями! По всей округе все заборы, все сараи, дрова, и всё, что могло гореть, всё уничтожила русская лень за одну ночь, хотя со всех сторон их леса окружали, так нам досталось, будто не для отражения неприятеля они к нам приведены были, а чтобы нас безжалостно погубить и голоду обречь.

В первом этаже моего дома, как в главной ставке, жил главный русский генерал Неопистут граф Буксгевден, муж особенно тщеславный и гордый, но — если не ошибаюсь — разума невеликого, которого постоянно сопровождали и развлекали князь Долгоруков и 15 других генералов.

Французы старались узнать ландшафт по картам. Но Буксгевден вместо этого привёз с собою к моему приходскому дому багаж, включая охотничьих псов и другие мерзости, о которых из уважения к приличным людям даже упомянуть здесь не могу, на 11 колясках и стольких же телегах, так что число верховых коней для него, его генералов и слуг, и число его бесчисленной охраны возросло на 139 человек и 96 коней, которых я должен был кормить, на пределе возможности. Богу бесконечная хвала, что не допустил он, чтобы эти невыразимые страдания длились дольше, чем один день. И это нам учинили друзья, защитники, союзники — что они ещё могли бы натворить, если бы пришли как враги?! Если бы они ещё дольше у нас остались, они бы мой весь разграбленный дом наизнанку вывернули!

В тот же день 29 ноября изволило и Его Величество наш яснейший император Франц меня и мой дом милостью своего посещения удостоить. Предполагая, что русский царь Александр у меня находится, пришёл ко мне искать в сопровождении министра Кобенцля и генералов Ламберти и Шварценберга. Более четверти часа благосклонно со мною говорить изволил. Спрашивал о вторжении французов и ущербе, причинённом мне, либо костёлу, утешал меня, полный отцовской заботы, и с помощью божьей скорый конец этих бед и страданий милосердно обещал. Упомянул некоторые вещи, касающиеся скорого сражения с неприятелем и, побыв милостиво не менее часа с четвертью в моей спальне на нижнем этаже, отправился в Богдалицы на ночь, которую провёл с царём русским Александром, мужем молодым, лицом и фигурой изящным и грациозным. Там оба самодержца после

короткого совещания переночевали, а именно русский в господском замке, а наш у управляющего, генерал Кутузов, главнокомандующий союзных войск, в Павловицах, а наш генерал князь Лихтенштейн, муж верный, доблестный и возвышенный, в Новых Гвездлицах. Родной брат русского царя, великий князь Константин, командующий прекрасной императорской гвардией, в рядах которой находились многие представители русского дворянства, остановился в Медловицах, поскольку он следовал позади других отрядов.

На следующий день, то есть 30 ноября, вся союзная армия вышла в поход, и направилась на предназначенные себе места».

Такова памятная книга Кучеровского прихода. Впрочем, не отличалось от русских и поведение французов перед битвой, что подтверждает та же книга, а также домашние хроники Позорского, Шлапанского, Погорельского, Лишенского, Менинского, Уездского, Тельницкого, Лехвицкого и мн. др. приходов. Приложим на этом месте хотя бы некоторые.

Картины военных бедствий.

Из рукописи бывшего вышковского декана и приходского священника Йозефа Ульриха:

«21 ноября 1805 в 11-м часу пополудни в Вышков ворвался отряд французских гусар 9 полка, а поскольку накануне городом проходила русско-австрийская армия, неприятельские кавалеристы проезжали по улицам, выслеживая австрийских и русских солдат, возможно, отставших или раненых, которые остались в городе и скрывались.

Сразу после вторжения командир потребовал 5000 зл. выпаленого (то есть выкуп за то, что не спалят город). После многих просьб декана Ульриха и почтмейстера Шайбнера французский офицер позволил снизить выпаленое до 2000 зл., которые необходимо было предоставить через полчаса. Однако через некоторое время офицер эти деньги вернул обратно. После вторжения французов солдатам должны были выдать вино и другие напитки.

Тем временем до города доехало несколько офицеров французского генерального штаба, которые первым делом, добравшись до почты, собрали там все письма и отослали их Бонапарту в Брно.

Поскольку главный штаб французского авангарда был в Новом Роусинове, из Вышкова была туда отправлена депутация, состоявшая из декана Йозефа Углира, старосты Ондржея Зелинки, синдика Франта. Бейера и почтмейстера Франт. Шайбнера. Депутация приехала в Роусинов и, хотя о ней было сразу же доложено принцу Мюрату, зятю Бонапарта, должна была ожидать, поскольку принц Мюрат обедал. После обеда он допустил депутацию к себе и спокойно выслушал. Депутация просила о расследовании и защите частной собственности, что ей Мюрат и пообещал.

Кроме Мюрата в Роусинове были маршалы и командующие корпусами Ланн и Сульт, несколько дивизионных генералов, среди них генерал кавалерии Вальтер, бригадные генералы Каффарелли, Себастьяни, Трельяр, Фоконне и др., а также большое число офицеров генерального штаба.

После часового разговора с принцем Мюратом и другими генералами депутация была отпущена и вернулась в Вышков около половины шестого вечера.

После 6 часов вечера в город вошёл целый полк гусар, числом 500 человек, генерал Трельяр, командир этого полка, остановился в вышковском замке, а полк разместился во внутреннем городе.

И тут пришла Вышкову беда! Требования вина и продуктов со стороны неприятеля, начиная от генерала и до последнего солдата, не имели конца, и были почти не по силам жителям.

Требовалось готовить и подавать неприятелям отборнейшие блюда; а коням овёс и сено.

В понедельник 25 ноября, около 3 часов утра с оломоуцкой стороны к городу подъехало около 5000 казаков; дерзкими криками призвали главную стражу у оломоуцких ворот сдать и пустить их в город; затем они забросили в город гранаты и обстреляли приходскую церковь и настоятельский дом. Но, хотя французских гарнизон в городе мог свободно отступить, главная стража у ворот не сдалась, и потому русские ушли ни с чем.

В тот же день гарнизон в городе был усилен 10-м полком гусар и одним полком конных егерей, так что всего в городе было три полка кавалерии. Всех этих людей и коней требовалось разместить во внутреннем городе, потому что в предместьях французы стоять не хотели.

Всякому ясно, в какое состояние пришёл город! Три неприятельских полка в городе, и всё им подай, что им будет угодно! Каждая капля вина, каждое зерно кофе, весь овёс или сено, всё пришлось отдать. Поскольку ниоткуда ничего в город нельзя было пригнать или привезти, пал весь крупный рогатый скот, и овцы, все были забиты для неприятельского войска. Птицу и свиней французы сами собирали в округе, и приходилось для них варить и печь.

Это продолжалось до четверга 28 ноября. В тот день пришла к Вышкову союзная австрийско-русская армия, застала французов врасплох и, захватив у них 100 пленных, выгнала из города. Императоры австрийский и русский въехали в Вышков и разместились в замке».

Из домашней хроники Жданицкого прихода: «22 ноября утром из Архлебова приехали к нам первые 18 французских офицеров, среди них генерал Вандам, и разместились в замке. Господский инспектор с чиновниками вышли «гостям» навстречу, прося о милосердной защите, которая им хотя и была обещана, но не исполнена. Пополудни того же дня дошла с офицерами и двумя генералами пехота, которая встала лагерем частью у нас, частью в Ловчицах и в Архлебова. Сразу установили меню на каждый день: утром плотный завтрак, в 4 часа пополудни богатый и сытный обед с вином, крепким кофе и ликёром. Так, напр. предписано старосте, чтобы на хлеб для солдат ежедневно в 10 ч. утра выдавали 660 зл. Из господских погребов ежедневно каждый солдат получал старую мерку¹⁰ вина, не считая того вина, которое подавали на стол офицерам в замке. Подобная же судьба постигла местных жителей и священника. Кроме того, правление должно было ежедневно выдавать достаточное количество выпечки. — Ежедневные занятия уважаемых гостей состояли в еде и выпивке, кроме генерала Шеньера, имевшего 12 гончих, который с несколькими офицерами ежедневно выезжал на охоту за птицей, зверем, зайцами и куропатками. Эти добрые люди только 28 ноября отправились к Славкову».

Из памятной книги Немчицкого прихода: «19 ноября прибыло в Немчицы 10 000 французов с маршалом Сультом и прочими генералами. Маршал разместился в замке, второй генерал с сопровождающими у приходского священника, остальные по домам. Вскоре после прихода они занялись разграблением погребов. В первом погребе за час опустошили 11 бочек вина, во втором за половину следующего дня 25 бочек и уже вломились в третий, приходской. Однако их прогнал адъютант генерала, квартировавшего у причта. И поставили там охрану, которой пастор заплатил за пять дней 65 зл.

Ключи от замковых погребов были у самого маршала, который позволил раздать солдатам по кувшину вина из более чем 20 больших сосудов. В Немчицах всё вино выпили, а когда оно закончилось, должны были привозить из окрестных имений.

Кроме вина им постоянно подавали и хорошую еду. И платье они крали, обувь мужскую и женскую, и прямо на улице, так что местный люд ходил в лохмотьях. Едва ушёл этот отряд

¹⁰ В чешском тексте *máz* — мера объёма, происходившая от немецкого *Maß*, масс, соответствующая большой пивной кружке. Моравский масс — 1,07 литра.

французских разбойников, пришёл новый, и учинил то же. Приходской священник понёс ущерб более 3000 зл. Разграбленная деревня должна была дать 75 лошадей, 40 телег и много скота всех видов. Деревня и имение насчитали ущерб на 105 000 зл. Вскоре французы уехали вслед за первыми, оставив 75 солдат с капитаном и чиновниками, которые должны были охранять обоз нескольких полков и 14 телег, полных добычи. В приходе у генерала Вандама было 4 повозки с «багажом».

Об этом какие-то горожане из Густопече сообщили русским, стоявшим лагерем возле Павловиц и Врбице, предлагая добыть этот оставленный французами в приходе багаж. Русские охотно приняли приглашение. 2 декабря — в день битвы — около трёх часов ночи около 300 казаков и гусаров прискакало в Немчицы, ведомые неким Пудилем, кузнецом, и Схолдой, мясником из Густопече. Семь французов во дворе замка убили, а 23 взяли в плен, остальные тем временем сбежали. Придя к приходскому дому русские громко зазвонили, а поскольку никто из прислуги, испугавшись, не открывал, вышел капеллан достопочт. Ян Дворжачек в ночной одежде и, приняв русских за французов, обратился к ним по-французски. Русские, не спросив, кто это, рубанули его по голове и руке и ранили смертельно. На шум вышел священник и закричал солдатам: «Не рубай — он поп, я поп!» Но русский его не послушал и, думая, что это французы, опасно ранил священника в голову и в руку.

Когда, наконец, поняли, что смертельно раненый капеллан был местным служителем, отнесли его в капелланскую, где в молитвах ожидали врача из Густопече. Вскоре бедняга умер! Настоятель не мог пошевелиться, пять месяцев лежал в постели, за ним приходилось ухаживать, как за ребёнком, и кормить его, лишь позднее в Пиштянах ему стало легче, но рукою он уже до смерти шевелить не мог. Русские, когда это всё увидели, наложили в штаны, пленных французов связали и уехали. Трудно сказать, чего, собственно, русские от нас хотели, хотя могли все возы с поклажей и лошадьми беспрепятственно забрать, не сделали этого, — дорогие и ценные грузы оставили, унесли только мелкие вещи, разбросав по дороге. Убедившие французы вернулись к 10 часам и увезли оставшиеся телеги с поклажей в Брно.

На следующий день после победоносной битвы у Славкова — 3 декабря — снова уж тут были французы, а именно жадный до золота и серебра генерал Вандам. Обнаружив исчезновение своего багажа, он сильно разгневался, и сгоряча приняв управляющего имения Новака за виновника ущерба, угрожал деревне огнём и казнями. К настоятелю, увидев его раненого, отнёсся ровно, оставив ему для охраны 4 солдат, которые свои обязанности честно исполняли до 2 февраля 1806 г. Заодно он выписал священнику свидетельство, что тот был ранен русскими солдатами. Хотя селение ради раны пастора поджигать не стали, но управляющего Ант. Фр. Новака на несколько дней посадили в тюрьму, затем отправили в Микулов, однако по дороге у Дольних Вестониц освободили, и он вернулся домой в смертельной тревоге.

Об этом деле прознал и Наполеон. И Немчицким была назначена контрибуция 30 000 франков, то есть 12 000 золотых в два дня под страхом казни. К счастью, за нас вступился инспектор поместья Ондржей Хичманн, который доказал, что немчицким ничего нельзя поставить в вину, и передал дело младшему графу Морицу Дитрихштейну, который блистательно защищал наше дело перед военным министром Бертье. Тогда только Немчицы вздохнули спокойно, когда французы ушли, оставив только раненых.

Пострадавшему от «жестокое недоразумения» декану и приходскому священнику достопочт. Франтишку Яблонскому была по прямому приказу Е. В. Императора Всероссийского — Александра — особым декретом, по-французски написанным, назначена пожизненная пенсия 600 зл. р. м., которая выплачивалась ему в русском посольстве в Вене по квитанции каждые 6 месяцев, начиная 1 января 1809 г.»

Большой ущерб нанесли французы имению в Жидлоховицах. Господский погреб в Ледце был полон старого вина, и всё оно пропало даром. Поскольку у больших бочек не было кранов, в каждую из них стреляли, набирали вытекшее из отверстия вино, сколько надо, а остальное текло по земле, так что ходили аж по колени в вине. Только в этом погребе ущерб составил 29 298 зл. 24 кр. Кроме того, имение лишилось: 18 коней, 1 мула, 65 коров, 26 телят и 841 овцы. Всё имение с подданными понесло ущерб на 664 450 зл. 51 кр.

Из богатого и интереснейшего архива Хрлицкого имения, кладовые которого были перед битвой полностью обчищены, приведём следующую запись:

«Рыцарь Гостерадский сообщает, что 21 ноября 1805 французы жителей на дороге раздевают и обирают, дома грабят и вещи крадут.

Модрицкий трактирщик, владевший двумя трактирами, один в Модрицах, другой на тракте на Обраве, насчитал себе ущерба 16 500 зл.,
модрицкий приходской священник 1032 зл.,
туранский трактирщик 8698 зл.,
шлапанский купец Куммер 5266 зл.,
модрицкий мельник Фр. Й. Райхель 3622 зл.»

Не говоря уже о бесконечных списках потерянного скота во всём имении Хрлицком!

Из домашней хроники Менинского прихода: «Из всех сёл имения Менин испытал больше всего военных тягот. Перед наступающей французской армией остатки разбитого австрийского войска шли через Менин. Пришли сюда 17 ноября и встали лагерем. Был мороз, поэтому уже эти войска сожгли все заборы и многие ворота; 300 костров, разложенных на площади и около домов, превратили тёмную ночь в ясный день. Командующий генерал Кинмайер квартировал у управляющего Либера. 19 ноября императорское австрийское войско ушло к Йиржиковичам, только 40 гусаров осталось на страже, и те в 3 часа пополудни оставили Менин, заметив приближающуюся по тракту от Немчиц синюю колонну французов.

В своей наивности селяне хотели задобрить неприятеля торжественным приветствием, и для этого вышли навстречу французам праздничным ходом под звуки труб и бубнов, с хоругвями и духовным пастырем во главе. Французы с генералом Вандамом во главе, придя под звуки весёлых песен, обошлись с деревней сурово и жестоко, людей и духовного пастыря разули и раздели, и били тех, кто оказывал сопротивление. Этот отряд прошёл Менином и встал на границах Тельницких, солдаты оттуда вернулись, и всё, что нашли, забрали. На следующий день отправились к Славкову; четыре дня шли не переставая неприятельские войска к Славкову. Один пеший полк, который вернулся 29 ноября, после ночной тревоги быстро отступил — приближались русские! 30 ноября в Менин вошли австрийские драгуны и русские казаки и дрались у Жачанской мельницы с французами. 1 декабря войск в Менине не было и снова впервые за десять дней в храме Господнем отслужили мессу».

Из домашней хроники Шлапаницкого прихода: «19 ноября 1805 главный лагерь союзной австрийско-русской армии находился в Шлапаницах. Командующий князь Иоганн Лихтенштейн квартировал в приходе, его канцелярия разместилась в школе. Армия стояла на полях около Шлапаниц, но всё селение было полно русскими, которые на всех улицах лежали, разводили костры и варили себе то, что удалось добыть. У священника забрали две головы скота, назначенного к забою, и всю птицу, сено, солому и дрова.

Вначале говорили, что главный лагерь союзной армии останется в Шлапаницах ещё на несколько дней, но уже той же ночью пришёл приказ к отступлению, которое прошло утром по направлению к Вышкову. На следующий день до нас добрался уже авангард французов, требуя в приходе вино, деньги, бельё и обувь, и сверх того ещё жестоко обошлись со священниками. Через день два французских офицера с адъютантом объявили местному старосте Матоушу Галламоде следующие реквизиции: 7 коров, несколько овец, свиней, гусей, кур, яиц, сала, 500 хлебов, 1000 мер вина, две бочки пива, несколько вёдер бренди и т. д. Реквизированное отвезли в Подоли 17-му егерскому полку. В Шлапаницах осталось только около 30 солдат с двумя офицерами, в качестве охраны.

Тишина и покой, в которых мы прожили несколько дней, были внезапно нарушены в субботу накануне первого воскресенья адвента приходом корпуса маршала Сульта, у которого был адъютант ч... подобный. Ещё вечером этот негодяй потребовал от священника выставить угощение для 24 особ, взяв себе ключи от всех домашних кладовых и запугав хозяина. Священник лишился 22 вёдер вина, которые хранились в домашнем и в мельничном погребе, купец из Подоли, Ян Вибус, 15 вёдер, а здешний мельник пяти.

Вершина страданий настала 1 декабря, в первое воскресенье адвента. Всюду полно французов, которые срывали крыши с домов, разбивали и сжигали двери, ворота, столы, кровати, телеги, плуги, калитки, забирали сено, солому, в садах у деревьев было полно лошадей.

На следующий день (2 декабря) была битва, славная битва Славковская, после неё были в здешнем храме заперты на ночь 400 пленных русских, а раненые французы и русские были положены в школе и в замке. Вскоре было заключено перемирие, и, наконец, долгожданный мир.

Ещё несколько раз приходили к нам французы, но уходили спокойно, ничего не находя. Двенадцатого января настал тот счастливый день, когда французы должны были покинуть Брненский край.

Шлапаницкий священник понёс ущерб 1500 зл. суммарно, своё бельё и перины сохранил тем, что часть укрыл в костёле, а часть закопал на кладбище.

После битвы вспыхнули многочисленные болезни, так что священник Франтишек Арн. Франке со своим помощником, недавно рукоположенным Йозефом Котуланем, посещали до 13 больных ежедневно, и от 1 декабря 1805 до 31 декабря 1806 умерло 345 человек, включая детей. — Господь Бог, сохрани каждую страну от войны, и от её неизбежных, но печальных последствий! В 1809 г. опять у нас были французы».

Из памятной книги Дразовской: «17 ноября 1805 г. пришли в наше село две сотни русских егерей. Офицеры были в приходе. Вели себя тихо, и 19 ноября ушли. В тот же день прискакали к нам два французских кавалериста и вымогали от села 200 зл. 21 ноября

приехал целый отряд французов; едва они нас покинули, пришли другие, которые мой погреб, кладовую и кухню обчистили и ушли.

22 ноября пришёл полк французской пехоты, его офицеры были у меня; 23 ушли и появились другие; 16 офицеров стояло в приходе, и полный двор коней. Всех их я должен был кормить до 28 ноября, когда в 10 часов утра раздались крики, что приближаются русские, так что все французы, которые тогда завтракали, в большом страхе из-за стола вскочили и поспешили уйти.

В эти дни из покоев моего помощника Йозефа Юречки пропал большой серебряный потир Летонского костёла».

Из приходского архива в Лулече (записки бывшего настоятеля дп. Рогачка): «В 1805 году после несчастных событий под Ульмом дошли французы аж до Лулеча, не встретив нигде сопротивления. 19 ноября вошли они в Брно, а 20 были уже в Лулече. Сперва приехали разведчики, которые потребовали от села 250 золотых, однако удовольствовались моим конём и 100 золотыми; другое отделение забрало ещё ведро вина. После того въехал в село генерал Мийо (или Мило), командир французской лёгкой кавалерии, с полковником 22 полка конных егерей, с генералом Латур-Мобуром и другими офицерами. Они прекратили дальнейшие грабежи, обойдясь со мной, со всем моим домом и моими прихожанами весьма вежливо. Заставили меня, чтобы за обедом я сидел с ними за одним столом. Генерал Мило сказал мне:

— Мы не хотим, чтобы ты нам прислуживал; сядь по правую руку от меня, доколе не положу врагов твоих в подножие ног твоих; что у тебя есть, то дай, а чего нет, и спроса нет!

Спал я с генералом в одной светлице, и он мне говорил: — Спи спокойно, ничего не бойся, ничего плохого с тобой уже не случится!

Утром 21 ноября вся округа была полна французскими войсками.

В воскресенье 24 ноября французы присутствовали на святой мессе. Генерал Мило молился во время всей службы, преклонив колена на особой скамеечке, для него приготовленной. Пока военные условия позволяли, он поддерживал повсюду порядок.

В понедельник 25 ноября в половине 5-го утра из Вышкова приехал к генералам вестовой с сообщением, что русские потревожили французов, стоявших в городе. Вследствие этого французы, стоявшие у нас, поднялись по тревоге и выехали против русских, а когда их отогнали, вернулись к обеду. Чтобы соединить французов из Лулеча с теми, что были в Вышкове, генерал Мило 27 ноября после завтрака уехал в Дрновице, оставив у меня на попечении солдата, сломавшего ногу.

Когда же 28 ноября объявились в большом числе русские, с казаками во главе, и с царём Александром и нашим императором Францем, выгнали французов из Вышкова и Дрновиц, устроив при этом на французов настоящую охоту. У нас в селе Лулече два казака погнались за десятью французами. И осталось у нас семь французов раненых, а в поле два казака мёртвых.

Французы отступили аж к Брно, но уже в субботу 30 ноября началась драка. Русские, проезжая Лулечем, грабили в приходе и в селении, как злые и голодные псы бросались и уничтожали всё, что могли. Это продолжалось до самой ночи. Сражение между русскими и французами началось в субботу, продолжалось в воскресный день 1 декабря и наивысшей степени достигло в понедельник; битва продолжалась с утра до вечера; с начала и до 11 часов дня складывалась для русских довольно благоприятно; но когда около полудня французам удалось сломить правое крыло наше, отогнали русских и австрийцев назад. И так осталась победа за французами, но полегло много людей с обеих сторон, возможно, французов пало больше, чем русских.

После этой битвы во вторник 3 декабря в 10 часов дня снова приехал в Лулеч генерал Мило, оставив своих людей у императорской дороги, поблагодарил меня и сказал:

— Мой милый пастор! Сердечно благодарю тебя за твоё гостеприимство! Скажи твоим прихожанам, что не только тобой, но и ими я совершенно доволен, и хотел бы отслужить тебе и им.

4 декабря в Лулеч пришёл пеший полк числом 1400 человек с полковником Никола и подполковником Родилином. Я показал им *salva guardia* (охранный лист), который мне вручил генерал Мило со словами:

— Добрый пастор! Ничего не бойся, ничего тебе не сделают!

И так у нас побыли в тишине два дня, вечером уходя и утром возвращаясь.

Генерал Мило оставил мне охранника, солдата Йозефа Шаффера, его я оставил у себя на 30 дней; затем, поблагодарив его и заплатив 30 зл., послал его домой. Через некоторое время мне пришло от генерала Мило из Санкт-Пёльтена это письмо:

«Я за тебя молюсь и прошу тебя, чтобы и ты за меня молился. Пошли нам обратно во Францию солдата, которого я у тебя оставил для охраны дома твоего и прихода твоего; прими наилучшие пожелания от меня тебе, людям твоим и твоей любезной племяннице Марьяне. Да пребудут с тобою мир, благословение и защита Божья!

Мило»

Союзная русско-австрийская армия и её позиции перед битвой.

Вся французская гвардия покинула город Брно 28 ноября. После небольшой стычки у Вышкова и Роусинова 28 ноября, оба войска встали 1 декабря на расстоянии одного лишь пушечного выстрела, так что передовые разведчики целый день гарцевали друг перед другом.

Хотя Наполеон, отступая от Вышкова и Роусинова к Брно, мог легко занять Праценские высоты и здесь вести битву, он умышленно оставил эти вершины, отступил к Брно и остановился за Речкой, где заодно хотел дождаться приближающихся подкреплений. Он не хотел провести «обычную битву» — как сам говорил — но одержать победу решительную для всей военной кампании.

Тем временем союзники наступали от Вышкова направлением, которое им указал Наполеон своим нарочитым, притворным отступлением, и доверчиво заняли позиции на поле боя, которое он сам выбрал и куда их хотел привести!

Австрийское командование полагало к тому же — совершенно напрасно — что французская армия отступает от Роусинова и Славкова, потому что Наполеон замышляет за Речкой ожидать в обороне атаки союзников или вообще отступить к Брно. Из-за этого был изменён первоначальный план Кутузова, который замышлял обойти левое крыло Наполеона у Брно и из леса на него напасть, и вечером 28 ноября наш военный совет постановил:

«расположение Наполеона у Брно усиленным левым крылом обойти, заняв Тельнице, Сокольницы и Кобельницы, атаковать правое крыло французов, поразить Наполеона между Туржанским лесом и Шлапаницами и либо к северу, либо к юго-западу отогнать и от Вены отрезать».

Этот окружающий манёвр был весьма медлительно исполнен в 29 и 30 числах ноября и 1 декабря, так что отдельные отряды союзников только поздно вечером 1 декабря добрались до Праценских высот. Неспешным проведением этого манёвра и похода влево через Кучеров, Богдалице, Малковице, Бучовице и Кржижановице к Славкову — была Наполеону предоставлена возможность разобратся в плане союзников так, как будто он был среди них на совете генерального штаба вечером 28 ноября в вышковском замке. Ожидая, как выше подчёркивалось, свои срочно вызванные подкрепления от Йиглавы, да ещё и из Нижней Австрии, он отступил перед союзниками за Речку, чем утвердил их в мнении, что избегает сражения. С тою же целью он умышленно ослабил своё правое крыло у Сокольниц и Тельнице, сосредоточив главные силы своей армии в центре - у Шлапаниц!

Союзное австрийско-русское войско, почти 84 000 чел. (68 000 русских, 15 700 австрийцев) встало вечером 1 декабря на Праценских высотах в линию длиной 14 км от Блажовиц до Уезда, защищённое с юго-запада болотистой Речкой, с юга Зачанским и Менинским прудами, которые с тех пор уже давно были спущены и высушены, так что трудно себе представить значение, которое они имели в день битвы Славковской. С западной стороны это расположение достаточно хорошо прикрывал склон Праценского холма.

Таким образом стояло войско австрийско-русское вечером 1 декабря (см. карту):

На самом крайнем левом крыле, на высотах над Гостерадками и Уездом («Старая гора») первая армейская колонна (А) Дохтурова (13 810 человек). Егерский полк занял село Уезд.

Возле первой колонны вправо к Праце вторая колонна (В) Ланжерона, урождённого француза (11 090 человек).

На северо-восток от деревни Праце на высотах («Старые Винограды») встала третья колонна (С) Пржибышевского (8 320 чел.),

за ним к Крженовицам и Збейшову четвёртая колонна (D, центр) Коловрата (16 065 чел.).

Пятая колонна (Е) вместе с 69 слабых эскадронов кавалерии австрийского князя Иоганна Лихтенштейна (5600 чел.) заняла позицию восточнее Праце под вершинами, где стоял третий корпус.

Передовой отряд (F) храброго князя Багратиона¹¹, правое крыло (13 000 чел.), расположился на равнинах от Блажовиц через Круг, Голубице и императорский тракт по направлению к Коваловицам.

Резерв (G, царская гвардия) великого князя Константина, брата Александра, (9380 чел.) встал от Крженовиц к Велешовицам у дороги из Славкова в Брно¹².

Командующий австрийской кавалерии Кинмайер (H) поставил свой усиленный отряд (6380 чел.) в 9 часу вечера перед Уездом лицом к Тельнице.

Промежуток, более 5000 шагов, между правым крылом третьей колонны и левым крылом Багратиона, остался незанятым.

Главный штаб был в Крженовицах.

Сложная и трудная диспозиция к битве была следующая:

Первой колонне (А) идти от Уезда на Тельнице и овладеть сим селением,

второй колонне (В) спуститься по «Золотой горе» и захватить долину между Сокольницами и Тельнице и селение Сокольнице;

третьей колонне (С) перейти у Сокольницкого замка Златый ручей (Гольдбах, Речку). На правом берегу колоннам соединиться и объединёнными силами атаковать правый фланг Наполеона.

Задачей четвертой армейской колонны (D) было из Праце, перейдя заболоченный овраг у Кобельницких прудов, примкнуть к поименованным колоннам и победой завершить день.

¹¹ Выдающийся русский генерал, муж невысокого роста, суховатый, с твёрдым и неподвижным лицом, тогда 43-летний. «Багратион всегда находился при войске, прокладывал ему дорогу к победе или прикрывал своей грудью отступление, бывал первым в бою и последним из него; заботящийся о других, но строгий к себе, и славу, и заботы делил со своими подчинёнными. Багратион умел говорить с солдатами и вдохновлять их на подвиги». Был тяжело ранен 7 сентября 1812 в битве у Бородина, умер 7 октября.

¹² Из этих 9380 человек резерва 3300 человека под командованием генерала Малатина только к полудню дня битвы подошли от Бучовиц, и после поражения центра армии у Праце встали между Славковым и Крженовицами.

Когда бы удалась эта атака, Багратион (F), задачей которого было тем временем отслеживать центр неприятельской армии и сдерживать его, ожидая успеха нашего левого крыла, должен был занять на правом крыле высоты Твароженские и Шлапанские, при поддержке кавалерии Князя Лихтенштейна (E'), после чего всё войско должно было провести перед Слатиной между деревнями Лишень и Ивановице (Неновице) общую атаку. Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу Князя Багратиона.

В неудачном случае назначено было отступить к селениям Годейжице, Немчаны и Гершпице (то есть к Славкову).

Совершенно справедливо сообщает Шонгалс: «В то время как план сражения союзников звучал: напасть на неприятеля за оврагом — за Речкой, Наполеон через неё уже своим левым крылом, центром, а частью и правым крылом отважно и незаметно рано утром в густом тумане перешёл». И это была вторая ошибка и неудача союзников — не узнать, даже накануне назначенного сражения, где, собственно, неприятель стоит! У некоторых отрядов даже не были выставлены часовые. Кроме того, связь между отдельными отрядами была не налажена.

Наконец, диспозицию следует упрекнуть в том, что, хотя переход через болотистые овраги у Кобельницких прудов для колонны, следующей в боевом порядке, был бы весьма труден, если не невозможен, для четвёртой колонны не было определено место ближе. Расположение кавалерии Лихтенштейна у Праце также, как мы позже увидим, было совершенно невыгодным.

Столь же непросто определить места, где союзники могли бы поставить артиллерию так, чтобы эффективно оказывать поддержку пехоте, наступающей за Речку!

Вечер союзников накануне битвы.

Главный штаб союзников был в Крженовицах, где в тот же день около полуночи в просторном сельском доме¹³ прошёл военный совет под председательством главнокомандующего Кутузова¹⁴. Диспозицию сражения разработал и самоуверенно зачитал начальник генерального штаба австрийский фельдмаршал-лейтенант Франц Вейротер, знаток военного дела более теоретический, чем практический.

Когда Кутузов предложил, чтобы битва была отложена, пока не выяснятся силы и расположение противника, и к тому же выразил пожелание, чтобы фронт был уже, а манёвры русских войск менее сложными, Вейротер отвечал, что воля обоих монархов заключается в том, чтобы битва была проведена как можно скорее а местность, которую занял неприятель, он сам знает по манёврам прошлого года. Без царя Александра I, приязню которого пользовался Вейротер, был бы благоразумный Кутузов как у Оломоуца, так и у Славкова, более влиятельным. Кутузов и у Славкова хотел остаться верен своему девизу «терпение и время». — «В России и за пределами России были известны многие достоинства благородного царя Александра, полного наилучших устремлений; но и те, кто его лучше всего знал и больше всего чтит, признавали, что не был он чужд тщеславию. Кутузов же был слишком хорошим придворным, который молчал и тогда, когда должен был говорить серьёзно и решительно» (Генерал Толь в своих «Воспоминаниях»).

Ночью диспозиция была переведена русским майором Толем с немецкого на русский и в 8 часов утра, то есть когда войска были уже на марше, отдана отдельным командующим. Как и сообразительный генерал Ланжерон справедливо указывал Вейротеру на военном совете на возможность атаки Наполеона на село и высоты Праценские, так и генерал Багратион, взглянув утром на Позорской почте на диспозицию сражения, сказал: «Не нравятся мне эти отдельные атаки; если не сможем атаковать сразу во всех местах, мы проиграем сражение».

В то время, как план союзников предполагал атаковать неприятеля за Речкой, Наполеон её уже вечером и рано утром в густом тумане со своими главными силами смело перешёл. Плохо просчитанной фланговой атакой Аустерлицкая битва была проиграна ещё не начавшись. В то время как, согласно операционному плану Вейротера, союзники до сих пор был вместе на марше, но теперь порознь шли сражаться, Наполеон до сих пор порознь маршировал, но теперь объединёнными силами шёл сражаться.

¹³ Нынешние владельцы этого дома братья Спачиловы.

¹⁴ В книге *Bitva u Slavkova* приводится пересказ соответствующего эпизода из «Войны и мира» Льва Толстого.

Наполеон перед битвой.

Гениальный Наполеон был полон решимости перейти от обороны к нападению, пересечь Речку и Велатицкий ручей у Йиржиковиц, Пунтовиц и Кобельниц и занять Праценские высоты, когда бы русские их покинули. И на этот раз он остался верен своему принципу и принципу всех великих полководцев: заставить неприятеля врасплох во времени и месте, и действовать в нападении. Если бы удался этот его смелый замысел, битва должна была бы окончиться гибелью войска союзников; так было бы оно разорвано надвое, и одна его часть была бы вытеснена к Оломоуцу, другая же к прудам.

План битвы Наполеон основал на своих установочных поездках по будущему полю боя и составил его окончательно в своём полевом штабе, который он 28 ноября перенёс из Брно в хутор Кандию¹⁵, а 1 декабря на Твароженские холмы.

Полевой штаб (шалаш) Наполеону верные гренадёры построили из хвороста и соломы на вершине у Шлапаниц между Речкой и Велатицким ручьём (холме Журань¹⁶) около своих резервов, откуда открывался лучший вид на поле боя, и оттуда он руководил началом битвы.

В шалаше у Наполеона была небольшая железная солдатская кровать, на ней же он спал на поле боя при Маренго, а позже взял с собой в изгнание на остров Св. Елены. Кровать была завешена зелёным шёлковым пологом.

Накануне битвы Наполеон был в весёлом настроении и так уверен в победе, что, полностью постигнув план битвы неприятеля и способ, которым он этим планом сам воспользуется, открыто поделился этим со своим войском в прокламации, особом дневном приказе по армии, ничуть не опасаясь, что кто-то из его солдат перейдет к неприятелю и его выдаст. Когда позднее Наполеону указывали на эту неосторожность, он отвечал:

— Я несколько не опасался того, что неприятель прознает об этом моём плане; когда бы это и случилось, никто бы в этот мой план не поверил!

Цезарь, Конде, Нельсон и особенно Наполеон выигрывали именно тем, что в худшие моменты прибегали к отчаянным средствам. Верно говорил Суворов: проигранная битва есть та, о которой думают, что её проиграли.

Прокламация Наполеона звучала так:

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтобы отомстить за австрийскую, ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы с тех пор

¹⁵ Низкая, неказистая изба с памятной лавкой сохранилась до сих пор. На лавке с трудом читается надпись по-французски: „S. M. L'empereur Napoléon, fait ici les trois nuits qui ont précédé la bataille d'Austerlitz“ (Е. В. Император Наполеон провёл здесь при ночи перед Аустерлицким сражением). Исторический стол из этой избы хранится в замке Лишенском.

¹⁶ Журань (в просторечии «Шорань») — знаменитый курган, рукотворный холм, в недрах которого находили различные вещи: кости человеческие и конские, остатки какого-то деревянного сооружения, к тому же железные находки необычной формы. Всё это сильно отличается от языческих могил, которые до сих пор находили в наших землях, и предположение . рыц. Хлумецкого, что это может быть монгольский курган от 1241 г., вглядит правдоподобным. Было бы неплохо, если бы раскопки, начатые в 1850 г., были продолжены. (Археологическое исследование Журани в 1948—1950 обнаружило захоронения, относящиеся к нескольким эпохам, от неолита, до времён переселения народов - NB).

преследовали постоянно до этого места. Положения, которые мы занимаем, — могущественны, и пока они будут идти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг!

Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычной храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля, потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести своей нации.

Под предлогом увода раненых не расстраивать ряда! Каждый да будет вполне проникнут мыслию, что надо победить этих наемников Англии, воодушевленных такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня.¹⁷

Наполеон».

Наполеон неизменно верил в свою звезду; упорствовал в наихудшие мгновения и почти никогда не признавал поражения. Конечно же, эту слепую веру с предводителем должно и разделять и войско; и тут опять Наполеон сумел привлечь души солдат, относясь ко всем дружески, полагаясь на них и при случае и сам вырываясь вперед, чтобы разжечь в войске отвагу.

Весь день 1 декабря Наполеон внимательно следил за передвижениями неприятельских подразделений; великая победа 2 декабря должна была перевесить поражение его флота у Трафальгара. Целый день провёл он на коне, осматривая свою армию, полк за полком. На обед вернулся в лагерь и созвал всех своих маршалов. Каждому из них он поставил задачу на завтрашний день, обращая внимание на всё, что должно завтра произойти и что мог бы неприятель предпринять.

Ещё ночью была завершена расстановка французской армии, после чего Наполеон, заслышав ружейную пальбу, заехал с Сультом осмотреть своё правое крыло к Сокольницам, когда высланный вперед адъютант Савари доложил, что там собрались русские. Проходя лагерем, Наполеон интересовался настроением своих солдат. Вскоре его узнали и провожали радостными криками «Vive l'Empereur!» «Да здравствует император!» и горящими пучками соломы, воздетыми на штыках. Вновь и вновь поднимался гул голосов, смешиваясь с шумом и суетой, которые могла устроить только многотысячная армия, и огни постоянно зажигались всё шире по всей линии французского лагеря. Целое море звуков гудело над лагерем. Все были охвачены энтузиазмом, собираясь вокруг любимой фигуры своего победоносного императора, воплощавшего для них образ родной Франции. Секрет армии Наполеона основан был на тесной связи народа и войска, понимавших друг друга благодаря языку и демократическому духу. Войско Наполеона было детищем Великой революции, народной армией в прямом смысле этого слова. С этой армией русско-австрийская армия союзников сравниться не могла.

¹⁷ Перевод Л. Н. Толстого.

Ночь перед битвой у Славкова
(Albert Dawant, Eve of Austerlitz).

Отзвуки ночной радости французских солдат — было слышно только «ааа!» да «ооо...» — производили странное впечатление в лагере союзников на Праценских вершинах напротив.

Один солдат так сказал Наполеону:

— Незачем Вам, сир, завтра свою грудь пулям подставлять. От имени гренадёров Вашей армии обещаю Вам, что Вы будете сражаться только взглядом, мы же преподнесём Вам знамёна и пушки русского войска, на годовщину Вашей коронации¹⁸.

А император, возвращаясь в свой шалаш, ответил:

— Это был прекраснейший вечер моей жизни; но мне больно думать, что завтра я потеряю многих из этих храбрецов. По этой боли я чувствую, что вы вправду мои дорогие дети. Порой я корю себя за эти чувства, боюсь, что они сделают меня неспособным вести войну.

После этого он ещё говорил ещё в своём шалаше за стаканом чая с начальником своего генерального штаба Бертье, личным мамелюком Рустамом и камердинером Констаном о завтрашнем дне. Перед битвой Наполеон спал только несколько часов.

¹⁸ Наполеон коронован 2 декабря 1804 г. в Париже Папой Пием VII.

Позиции французской армии перед битвой.

1-го и отчасти 2-го декабря ранним утром французские войска, снабжённые достаточным запасом снарядов, в совершенстве подготовленные, в радостном настроении и уверенные в победе, становились на назначенные им места на линии фронта. В результате утром 2 декабря французская армия стояла таким образом (см. карту):

Маршал Ланн¹⁹ (f) «храбрый из храбрых», как называл его Наполеон, командовал левым крылом южнее Велатиц до самого императорского тракта, (дивизии Сюше и Каффарелли) перед ним было занятое село и холм Твароженский.

Генерал Клапаред принёс клятву Наполеону, что скорее умрёт, чем отступит с крутого Твароженского холма (называемого Сантон²⁰), где стоял полк лёгкой пехоты и 18 пушек, контролируя дорогу к Оломоуцу. Французы укрепили холм тройным валом, его остатки можно видеть до сих пор. Марианскую часовню на холме французы перед битвой разрушили. О Твароженский холм опиралось мощное левое крыло французов.

От Твароженского холма к Йиржковицам стояли отряды французской кавалерии генералов Вальтера, Бомона и Келлерманна на левом берегу Велатицкого ручья.

За генералом Ланном и частично правее него был принц Мюрат²¹ (e) с ядром своей кавалерии; далее вправо за Йиржковицами Бернадот²² (d), которого Наполеон быстро призвал от Зноймо, и который ещё вечером 1 декабря встал со своим корпусом по обеим сторонам императорского тракта между Брно и Бедржиховицами. Бернадот командовал центром (дивизии Риво и Друэ).

Правое крыло армии Наполеона под командованием Сульта (b) выстроилось от Йиржковиц до Тельнице таким образом, что дивизия Леграна (c) составляла самый край правого крыла от Тельнице к Сокольницам и Кобельницам, в центре от Кобельницких прудов к Пунтовицам на правом берегу Речки была дивизия Сент-Илера

а на левом крыле от Пунтовиц к Йиржковицам по обоим берегам Велатицкого ручья дивизия Вандама²³.

Сильный резерв, старая вышколенная гвардия (g) и гренадёры Удино с 40 орудиями, занял своё место на высотах севернее Шлапаниц.

¹⁹ Был смертельно ранен в битве при Аспрене и Эсслинге 21 и 22 мая 1809 г. — пушечное ядро раздробило ему обе ноги — умер 31 мая в Вене. Жалел о том, что умирает, потому что любил своего императора как друга.

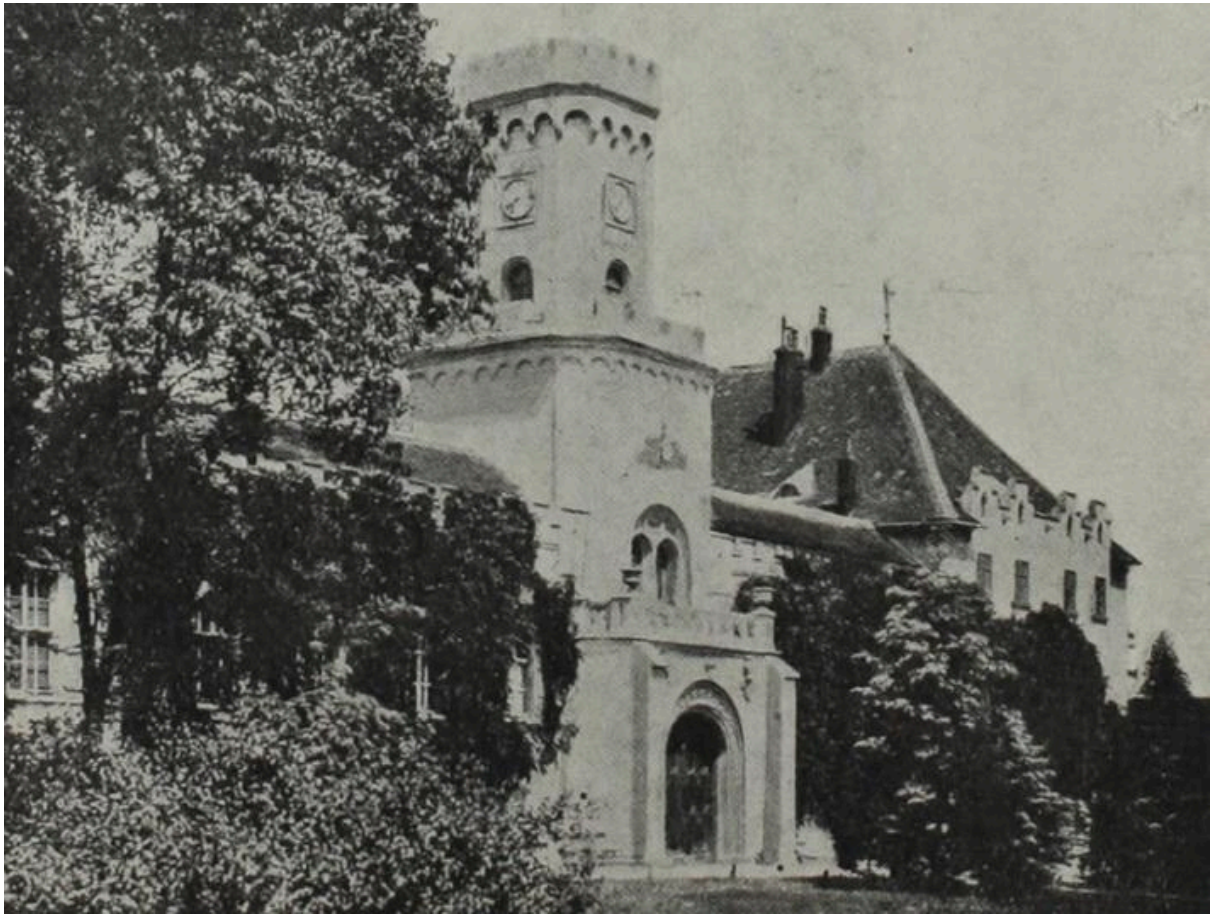
²⁰ Сантон — Saint Antoine (Св. Антоний Пустынный). Так называли Твароженский холм французские солдаты в честь другого подобного холма Египетской кампании (1798 г.).

²¹ Сын простого трактирщика. Наполеон, на сестре которого он был женат, назначил его маршалом, великим адмиралом и принцем французским, в 1808 г. королём Неаполитанским, в 1815 году был при попытке вернуть себе королевство взят в плен, предан военному суду и 13 октября расстрелян. Был человеком спокойного нрава и любителем хорошей кухни. Когда уехал из Брно и находился на поле боя, ему ежедневно привозили еду особой повозкой.

²² Позднее король шведский под именем Карл XIV Юхан. Как главнокомандующий северной армии союзных сил сражался в 1813 г. под Лейпцигом против Наполеона. Умер в 1844 г. в Стокгольме.

²³ В войне беспощадный, даже бессердечный, Вандам 30 августа 1813 года был в битве под Кульмом взят в плен вместе с 10 000 солдат.

У Райграда встала дивизия Фриана корпуса Даву (а), который прибыл ночью из Вены через Микулов, проделав марш в 113 км за 40 часов!

Замок в Сокольнице.

Оба войска были почти равны, французское примерно на 10 000 человек меньше. Сила войска австрийско-русского (на 4/5 русского и на 1/5 австрийского) состояла по приблизительным подсчётам из 84 000 человек, из них 16 000 кавалерии и более 300 орудий; армия французская насчитывала 74 000 человек, из них 14 000 кавалерии и 248 орудий.

Бой на левом крыле союзников.

Настало холодное утро 2 декабря, понедельник после первого воскресенья Адвента, пришёл день великой битвы трёх императоров у Славкова. Густой зимний туман покрывал окрестности вдаль и вширь. Наполеон спозаранку вышел к часовым над Пунтовце, чтобы наблюдать за неприятелем. Часовые видели едва на десять шагов. Во французском лагере стояла тишина, в русском лагере на левом крыле было оживлённое. Костры на Праценских высотах погасли, огни двигались на юг, к Тельнице. Французские разведчики верно заметили, что неприятель полным ходом покидает Праценские вершины и спешит в приготовленную ловушку. Наполеон был спокоен, ожидая, что неприятель закончит ошибочные действия. «Прежде чем на склоне дня эта армия будет в моих руках!» - сказал, говорят, Наполеон своим маршалам, указывая на войска союзников на склонах напротив.

Русские, спускаясь с высот под командованием австрийских офицеров согласно плану сражения, не замечали ничего в густом тумане, пока не подошли на расстояние пушечного выстрела от центра французской армии. Вдруг началась стрельба, вдруг французы оказались там, где их никто не ожидал.

Отряды покинули свои стоянки около 7 часов утра.

На нашем левом крыле после первого пушечного выстрела от часовни св. Антония над Уездом, означающего начало битвы, началась жаркая перестрелка между батареями обеих сторон. После этого артиллерийского состязания завязался первый тяжёлый бой за Тельнице; австрийская кавалерия и пехота Кинмайера (Н') выступив с музыкой от Уезда и прокладывая путь первой колонне, приняла огненное крещение на высотах перед Тельнице (у придорожного столба), где сады и виноградники с глубоким рвом вокруг них создавали готовое укрепление, которое было наконец взято первой колонной под командованием Дохтурова (А') около 9 часов утра.

Даву, привлечённый пальбой, вышел из Райграда и пройдя по высотам над Отмаровскими прудами (а') послал Леграну (с) сильное подкрепление. Вся долина Золотого ручья (Речки) всё ещё была покрыта густым зимним туманом, который сильно снижал видимость и серьёзно усложнял ведение боя. Так, например, 26 легкий полк дивизии Леграна в некоторый момент начал обстреливать 108 полк французов, цвета которого в тумане не могли разглядеть и приняли за неприятеля.

Между тем вторая колонна под командованием Ланжерона (В') около 9 часов захватила Сокольнице, третья колонна Пржибышевского (С') - упорно оборонявшийся Сокольницкий замок. Дивизия Леграна (с) после упорной обороны и больших потерь отступила, и левое крыло союзников заняло позиции между Сокольницами, Тельнице, Отмаровскими прудами (А', В', на Дунавках), хотя Даву (а') и Легран (с) с много меньшей силой войска (13 000 солдат против 33 000), зато с необычной отвагой и упорством сдерживали наступление²⁴, так что дальше вперёд левое крыло русско-австрийской армии, несмотря на все усилия и из-за бездеятельности неспособного генерала Буксгевдена, продвинуться не смогло.

Совершенный успех левого крыла, от которого союзники столько ожидали и на котором согласно данной диспозиции основывался успех битвы, оказался напрасным главным образом из-за того, что отдельные отряды слишком поздно и лениво выходили на назначенные им места и, ожидая согласно плану битвы друг друга, вступали в бой. Большие переходы, которые по

²⁴ Под храбрым генералом Фриантом корпуса Даву в ходе битвы застрелили четырёх коней.

диспозиции были совершенно неизбежны, привели к таким значительным потерям времени, что, когда левое крыло добралось до Сокольников и Тельнице, центр армии Наполеона уже наступал от Шлапаниц на гору Праценскую! Неоднократно замешкавшиеся отряды второй колонны сталкивались в Сокольниках и за деревней с третьей колонной, из-за чего в их рядах возникали немалый беспорядок и путаница.

Несчастьем левого крыла был, помимо прочего, сам его главнокомандующий генерал Буксгевден, чей характер нам уже показали записи памятной книги Кучеровского прихода, и который, говорят, на поле боя был в состоянии невменяемом. Буксгевден был в бою при первой колонне, которой командовал Дохтуров. Свидетельством упорных кровавых боёв у Сокольниковского замка и в деревне служат огромные могилы за господским амбаром. Устрашенные жители Сокольников во время битвы укрывались в подвалах своих домов.

Пржибышевский, желая сохранить связь с колонной Кутузова и сомневаясь, что колонна уже идёт к Кобельницам, отправил в том направлении отряд егерей. Те, однако, у Кобельниц наткнулся на бригаду Левассёра, от которой бежали в диком страхе вдоль парка к замку Сокольниковскому.

Хотя на левом крыле союзной армии начало битвы выдалось успешным, всё же задача ещё не была решена; ключевые события произошли в центре войск, у Праце!

Кризис и решающий бой в центре - у Праце.

Французы стояли на Велатицком ручье и Речке, у Кобельниц, Пунтовиц и Йиржиковиц, тихо в рядах, с нетерпением ожидая приказа к бою, который должен был им принести победу, славу и добычу, приказа, с которым Наполеон выжидал до половины девятого утра, сдерживая их рвение.

Затем вышло солнце, знаменитое «солнце Аустерлица», кроваво-красное и великолепное, зрелище, которым Наполеон утешался позже в дни печали. Туман рассеивался, первой возникла вершина Праценская, подобная острову в море, и, наконец, резкий холодный ветер развеял мглу и в низинах. Праценская вершина, ещё вчера покрытая солдатами и орудиями, сегодня почти опустела; большой, избыточно натянутой дугой русские войска уже частично сошли в долины к ручьям и прудам, к Тельнице и Сокольницам, ввязавшись в кровавый жестокий бой, уже частично покинули Праценские высоты, которые Наполеон хотел атаковать и которые считал ключевой позицией.

Войск не было на месте в решительный момент, который настал в 9-м часу.

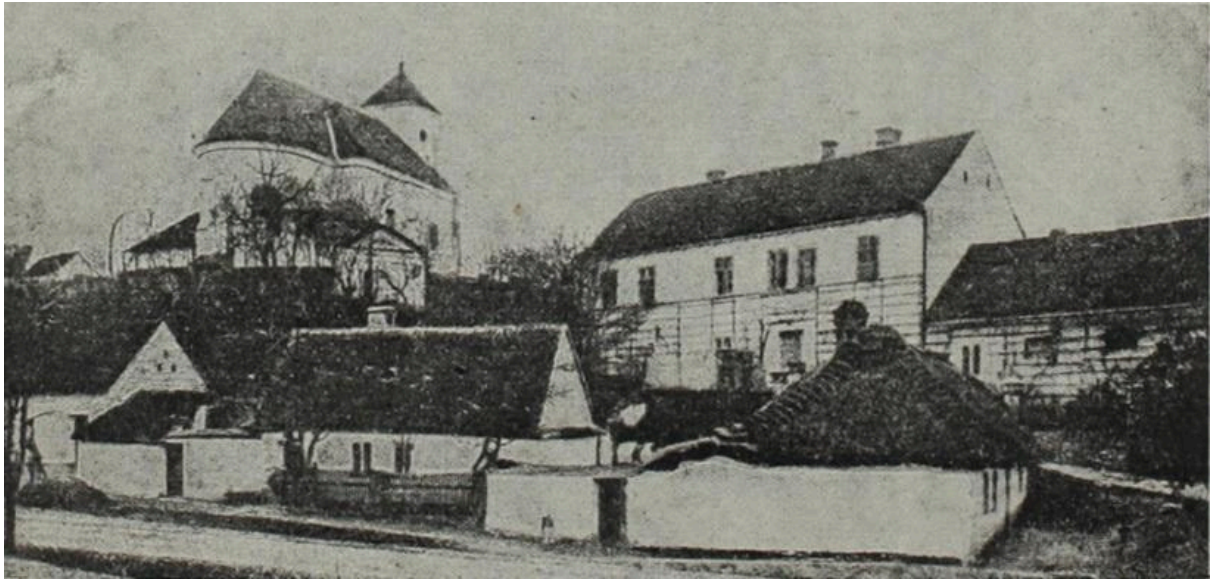
Наполеон, окружённый своими маршалами, был на возвышенности у Шлапаниц, на холм Журань. Он сидел на невысоком сером арабском коне, в синем плаще, на несколько шагов впереди своих маршалов. Сперва он молча глядел на Праценские холмы, которые выступали из моря тумана, и на которых вдали двигались массы русских войск, слышал треск ружейной пальбы и грохот пушек в долине Тельницкой. В его лице не дрогнул ни один мускул, горящие глаза смотрели на одно место. Его предчувствия исполнились, справедливость его расчётов стала очевидной. Когда надо было, паж императора Гольц подставлял плечо и Наполеон клал на него подзорную трубу. Видел, как среди тумана в долине в одном направлении блестели штыки, как в ущелья спускались колонны русских войск, и одна за другой скрывались в море мглы. Тем не менее он всё ещё откладывал начало сражения. Наконец, Наполеон спросил Сульта:

— Сколько времени вам понадобится, чтобы занять Праценскую высоту?

— Не больше двадцати минут, сир, — прозвучал ответ, — тем более, что неприятель моего корпуса ещё не видит.

— Нужно, подождём ещё двадцать минут, чтобы не мешать неприятелю в его ошибочных манёврах.

Наконец в половине девятого он снял перчатку со своей белой руки — обычный его знак к битве — и маршалы со своими адъютантами рысью разъехались во все стороны к своим подразделениям и вскоре уже двинули главные силы французской армии прямо на те Праценские высоты, которые чем дальше, тем более освобождались от русских войск, уходивших налево в долину.

Церковь деревни Праце, ключ Славковского сражения.

Быстро выдвинулись дивизия Вандама от Йиржиковиц и дивизия Сент-Илера от Понетовиц, на расстоянии 100 шагов друг от друга, против высот Праценских, Вандам влево, Сент-Илер вправо от деревни Праце; направлением атаки была башенка церкви в Праце. За ними следовали корпус маршала Бернадота (дивизии Риво и Друэ), гренадёры Удино (генерал Дюрок) и гвардия (маршал Бессьер). Одновременно от Велатицкого ручья выступили обе дивизии Ланна, шагая по обеим сторонам Оломоуцкого тракта «как на учениях», дивизия Сюше на Тварожну, дивизия Каффарелли на Блажовице, опираясь правым крылом на лёгкую и тяжёлую кавалерию Мюрата.

Ещё в эти последние решительные минуты Наполеон обратился к своим полкам с сердечными словами. Так, 28 полку он сказал:

— Надеюсь, что норманны сегодня прославятся!

Солдатам 57 полка:

— Помните, что несколько лет назад я дал вам имя грозного полка.

Скача вдоль линии боя, кричал:

— Солдаты! Окончим военную компанию громовым ударом, который разорвёт неприятеля! Не стреляйте много, но стреляйте уверенно! До вечера мы одолеем эти войска севера, которые отважились с нами меряться!

А солдаты отвечали ликующими криками: «Vive l'Empereur!» «Да здравствует император!»

В то время оставленная в одиночестве четвёртая колонна (D), при которой был Кутузов, нерешительно спускалась с вершины в долину вслед за третьей колонной, оба императора были тут же в сопровождении дворян офицеров, Александр полон радостной надежды, Франц серьёзный и хмурый. Мы говорим: колонна спускалась нерешительно, поскольку Кутузов, хорошо понимая стратегическую важность Праценских высот, несмотря на сонливость, которую он выказал на совете в Крженовицах, покидал эти высоты неохотно, только после устного приказа царя Александра.

— Что же вы не начинаете, Михаил Ларионович? — поспешно обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца.

— Я поджидаю, ваше величество, — отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперед.

Император пригнул ухо, слегка нахмурясь и показывая, что он не расслышал.

— Поджидаю, ваше величество, — повторил Кутузов. — Не все колонны еще собрались, ваше величество.

— Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки, — сказал государь, снова взглянув в глаза императору Францу, но император Франц, продолжая оглядываться, не слушал.

— Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу²⁵, — выговорил Кутузов ясно и отчетливо. — Впрочем, если прикажете, ваше величество, — он тронул лошадь и, подозвав к себе начальника колонны Милорадовича, передал ему приказание к наступлению.

Появление французов прямо перед Праце было полной неожиданностью.

Султ атаковал деревню упорно и настойчиво. Атакующая дивизия Вандама (b'), которая наступала долиной от Йиржиковиц, после жаркого штыкового боя захватила занятый русской пехотой и артиллерией пригорок «Старые Винограды» возле Праце, а дивизия Сент-Илера (b'), двигаясь в гору долиной из Пунтовиц, быстро прошла деревню Праце и, образовав дугу для обороны, живо заполнила Праценские холмы. За ними следовали другие войска (дивизия Друэ корпуса Бернадота, d').

Кутузов, поняв тактическую ошибку плана битвы, быстро остановил свой корпус и поставил войско в твёрдую позицию. В великом и отчаянном бою австрийцы Коловрата и русские Милорадовича перед глазами доблестного царя Александра, позже и часть кавалерии Лихтенштейна, и великолепная храбрая русская конная гвардия, все как львы сражались с французами, однако же безуспешно — из-за превосходящей убойной силы огнестрельного оружия и продуманных манёвров французских войск весь героизм их противников оказался тщетным. Отдельные отряды корпуса Кутузова, посылая смертельный дождь пуль на могучего, быстро наступающего врага и храбро предпринимая всё новые штыковые атаки, опять и опять возвращались ни с чем — удар за ударом всегда отбивал сильнейший противник.

В сопротивлении не было и единства, весь план битвы пошёл прахом из-за того, что без всяких оснований предполагалось расположение противника там, где его не было.

Наполеону было очевидно, что относительно меньшая сила может раздавить более многочисленные войска, если эта сила маневрирует умело, быстро, так, чтобы всегда два солдата вставали против одного там, где идёт бой. Наполеон предсказывал в своём приказе: «пока они будут идти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг!» И справедливость этого предсказания — исполнилась у Праце.

Кровавый бой в деревне начали русские батальоны Милорадовича, но потерпели поражение, и французы при поддержке своей артиллерии заняли селение с церковкой на возвышенности. Добыть утраченные позиции Кутузов отправил две австрийские бригады (Роттермунда и Юрчека); те сражались как львы и отразили французов, один неприятельский полк был окружён и собрался уже сдаться, как пришло подкрепление, австрийскую пехоту отразили, а австрийская артиллерия, приняв французскую униформу за русскую, прекратила стрельбу как раз в тот момент, когда должна была и могла больше всего помочь.

Чтобы заново добыть утраченные высоты, Кутузов дал приказ к штыковой атаке, австрийская и русская пехота обрушилась на неприятеля, полк Зальцбурга и батальон Ауэрсперга показывали чудеса храбрости, генерал Юрчек был тяжело ранен, французы колебались, но беда! У

²⁵ Царицын луг или Марсово поле — открытое пространство в Петербурге, где проводились смотры войск и праздничные гуляния.

союзников не было в этом месте — в самом центре битвы! — никаких резервов, они были оставлены на правом крыле, у Блажейовиц, а французам пришли подкрепления — и решилась судьба сражения!

Кутузов, раненый в лицо ещё в начале битвы, не ожидал появления в Праце французской пехоты, что не делает чести его генеральному штабу. Деревня Праца находится примерно в часе от того места, где располагался главный лагерь французов, а на таком незначительном расстоянии не должно быть ничего неясного для армии, в которой достаточно кавалерии, особенно с той стороны, откуда ожидается опасность.

Ружейная и пушечная пальба с обеих сторон была так сильна, что казалось, что воздух был наполнен взрывчатыми газами, в котором без конца и устали взрывались бесчисленные короткие вспышки. «Говорят, битва в грохоте пушек являла образ страшного суда», — пишет памятная книга Кучеровского прихода. Ведь удержать Працу значило одержать победу в день битвы! И потому, когда Праца и окрестности были союзниками потеряны, началось отступление, просто бегство по направлению к Крженовицам и Важанам, Збейшову и Гостерадкам. Во время бегства большая часть орудий увязла в мягкой глинистой почве того края, в которую глубоко проваливались сильно нагруженные колёса, а русские кони, которые были скорее верховыми, чем тягловыми, не могли вытянуть увязшие пушки. Смертоносные ядра французской батареи долетали до самых Крженовиц, и после полудня сражение продолжалось уже только на восточном склоне Праценской горы.

Если бы в эту решительную минуту три корпуса левого крыла, занятые у Тельнице и Сокольниц, хотя бы большей частью пришли на помощь на Праценские высоты — одна лишь бригада Каменского, разъярённая бурным наступлением французов, вернулась на высоты по приказу Ланжерона и деятельно вступила в бой — кто знает, какой оборот приняла бы в этот час кровавая битва Славковская! Но отряды, послушно следовавшие на назначенные им места, о неприятеле более уже не заботились.

Через два часа — после 11 часов дня — село Праца с вершинами, ключ всей битвы, было захвачено, а оба крыла огромной союзной армии совершенно разделены. Полуденное солнце освещало деревню окровавленную, опалённую, расстрелянную, полную войска живого и мёртвого.

Так исполнилось второе пророчество, которое высказал Наполеон 1 декабря: «Завтра до вечера мы одолеем эти войска!»

Наполеон сильно удивился, когда после полудня нашёл дивизию Бернадота на том же месте, где оставил её до полудня. Он был этим сильно недоволен. Ведь если бы Бернадот преследовал неприятеля, легко мог бы добраться до самого Годонинского тракта, куда отступил наш центр и правое крыло. Тогда бы поражение союзников было окончательным!

Бой на правом крыле союзников.

Теперь посмотрим на правое крыло союзников и левое французское. Здесь, где рельеф подходил для кавалерии, на просторных равнинах, начиная 9 часов утра Ланн (f') и князь Багратион (F), принц Мюрат (e') и князь Лихтенштейн (E') ввязались в битву, богатую на неожиданные повороты, и в конце концов выигранную французами (см. карту).

Князь Иоганн Лихтенштейн, весьма умелый и храбрый полководец, согласно плану Вейротера должен был занять позицию между Шлапаницами и Кругом со своими австрийскими и русскими эскадронами и вытеснить неприятеля к Лишенскому трактуру (Максловка). Однако неприятель его опередил; Лихтенштейн изначально стоял у Праце в центре союзного войска, и кроме того, своевременному выходу его кавалерии помешал третий корпус Пржибышевского. Из-за этого он направился ближе к Кругу (E'). Чтобы сохранить связь с генералом Багратионом, Лихтенштейн быстро отправил к Кругу 10-й эскадрон Елисаветградского полка генерала Уварова, после чего выстроил свою конницу в боевой порядок.

Кавалерия Лихтенштейна (82 эскадрона австрийских и русских) сражалась храбро и стойко, что признавали и французские записи.

Возникший промежуток между центром и правым крылом заполнил великий князь Константин своим резервом (гвардией, G'). Как только Константин выступил со своим резервом из довольно глубокой долины Роусиновского ручья на возвышенность между Голубицами и Блажовицами (G'), он попал под удар французской пехоты и очутился, к своему величайшему изумлению, в первых рядах битвы, хотя командовал резервом!

Уланский полк великого князя Константина, предводимый неукротимым храбрым генералом Эссеном, бросился на лёгкую кавалерию французского генерала Келлермана, которая стояла на северной окраине посёлка Блажовице. Французская кавалерия быстро отступила между отделениями пехотной дивизии Каффарелли, и русские уланы, оказавшись под перекрестным огнем, потеряли 400 солдат и своего генерала Эссена.

Кавалерия действует во многом благодаря производимому впечатлению; земля трясётся под копытами коней, вся громада быстро надвигается и всех поражает; и на самых отважных нападает страх. Нередко случается, что небольшой отряд деморализует целую толпу пеших. В этой битве в один момент отряд из 120 французских кавалеристов взял в плен 2500 русских!

Резня эскадронов на Блажовицких равнинах была тем кровавее, чем сильнее с обеих сторон посыпала шквальный огонь стоящая неподалёку пехота и артиллерия. Один залп сразил целый ряд французских барабанщиков первого полка дивизии Каффарелли. Пушечное ядро раздробило ногу генералу Валюберу. Несколько солдат хотело его отнести. «Останьтесь каждый на своём месте, — обратился к ним генерал, — умереть я смогу и сам. Нельзя из-за одного терять шестерых».

Взлетали, словно волны, подгоняемые штормом, и металась туда и сюда, как молнии, лезвия сабель, на ветру трепетали знамёна, мундиры всех видов, кивера и шлемы разнообразной формы, блеск оружия и пена храпящих коней. Этот чудовищный театр временами скрывал занавес густого голубого дыма, а когда дым расплывался, можно было видеть между его облаками сражающихся воинов, поднявшиеся на мгновения столбы пыли и множество падающих целыми рядами под ударами тяжёлых ядер. Кони без всадников в ужасе металась с испуганным ржанием между рядами сражающихся, редевшими с каждой минутой... Часто бывает, что когда кавалерия атакует кавалерию, в какой-то момент, внезапно, обе останавливаются, будто наткнувшись на преграду, разворачиваются и отступают. Так стало и здесь. Эскадроны с

пронзительным грохотом бросались друг на друга, отскакивали дикими прыжками и вновь бросались в бой, под удары сабель и смертельный огонь. Целые ряды всадников падали, как вихрем поражённые, а другие за несколько шагов до линии неприятеля разворачивались. С поля боя к Наполеону и от него без усталости носились адъютанты и ординарцы его маршалов с сообщениями о ходе всей битвы.

На опасные и находящиеся под угрозой места Наполеон всегда вовремя направлял подкрепления.

С невиданной отвагой сражался небольшой отряд мамелюков, которые после Египетской кампании добровольно вступили в ряды войска Наполеона. Они носили зелёные колпаки с белыми тюрбанами на головах, светло-зелёные кафтаны и широкие шаровары цвета кирпича. Наполеон собрал из них эскадрон в 250 человек и придал их к своей гвардии, к полку конных егерей. Мамелюки, умелые и ловкие наездники, которые могли одним ударом своего кривого ятагана снести голову противнику, смертельным ударом обрушились на фланг войска союзников. Один из них трижды рысью въезжал на холм к Наполеону, каждый раз неся новое окровавленное русское знамя. На третий раз Наполеон предложил ему остаться, но напрасно; мамелюк отправился за свежей добычей — но больше уже не возвратился.

Тяжёлый и кровавый бой разгорелся за Блажовице, где перед глазами Наполеона, наблюдавшего за корпусом Бернадота, гвардия сражалась против гвардии. Несколько французских полков с музыкой и песней вошли в село. В деревне быстро установили баррикады, укрепили изгороди, и в огородах, дворах, на баррикадах и на ровной дороге бились с невиданным запалом. Огороды горящей деревни были затоптаны, заборы сорваны, деревья обрублены и шумный ручеек Блажовицкий окрасился красным. Наконец Константин и Лихтенштейн, покрыв себя воистину кровавым венцом, отступили к Крженовицам и Славкову. Многие русские дворяне там сражались и остались на поле боя у Блажовиц и Праце. Кавалерия Лихтенштейна до самого вечера стояла на склоне Праценского холма у Крженовиц.

Тем временем по обеим сторонам Оломоуцкого тракта, у Тварожны, Круга, Голубиц, у Позорицкой почты и в буераках (на Роусиновском ручье) отважно сражались Багратион (F) и Ланн (f) со своей пехотой, кавалерией и артиллерией. Хотя на некоторое время неустранимый Багратион сумел со своей пехотой войти в деревню Тварожну, в конце концов ему всё же пришлось отступить через Позоржицкую почту к Роусинову, а позже между 5 и 6 часами вечера к Славкову, причём большая часть обоза союзной армии на Вышковском тракте попала в руки французов. Тяжёлые ядра преследовавших союзников французских батарей падали аж до самого Роусинова. Однако в ответ с удачно выбранных Роусиновских высот регулярно гремели выстрелы двух 12-фунтовых австрийских батарей, которые вовремя прибыли от Оломоуца, чтобы храбро и деятельно прикрыть отступление колонны Багратиона.

Майор Фриренбергер, командовавший двумя этими батареями (12 орудий) был за свой героический поступок, который он исполнил без всякого приказа, награждён рыцарским орденом Марии-Терезии.

Единственный трофей союзников за всю битву Славковскую добыли русские кавалергарды в жестоком бою у Блажовиц, наехав рысью, они опрокинули два батальона французского 4-го пехотного полка дивизии Вандама на северном склоне высоты «Старые винограды» и захватили знамя первого из них, но и сами потеряли своего командира Репнина, которого взял в плен в жарком бою генерал Рапп во главе конных егерей и эскадрона диких мамелюков с помощью конных гренадёров Бессьера, и привёл к Наполеону. Французское знамя, об утрате которого горько жалел сам Наполеон, сегодня висит в одном из храмов Петербурга.

Тяжело раненый французский генерал Рожер Валубер перед смертью ещё на поле боя написал императору: «Я желал сделать для Вас больше; через час я умру; мне не жаль жизни, ведь я участвовал в победе, которая принесёт счастливое правление. Когда будете вспоминать героев, преданных Вам, вспомните и обо мне. Довольно мне упомянуть, что у меня есть семья; нет нужды поручать Вам заботу о ней!»

Генерал Валубер умер только 6 декабря в Брно, куда был вынесен из боя.

Французская гвардия горько оплакивала своего полковника Морлана, сражённого картечью при атаке на артиллерию русской гвардии.

После полудня победоносная французская армия стояла на поле боя таким образом: Отмаров, Сокольнице (замок), Праце, Блажовице, Круг и Коваловице.

Брно во время битвы.

В Брно уже между 7 и 8 часами утра был слышен рокот канонады, который необычайно усилился между 9 и 10 часами. Уже в полдень первые раненые были отправлены в город —, тяжело раненый русский генерал с тремя солдатами в телеге, истекающий кровью. Во второй половине дня их число неуклонно росло, и при виде раненых или пленных русских и австрийцев, или французов, покрытых кровью, сердце сжималось от жалости. Хотя после битвы у Славкова в Брно было организовано 32 госпиталя для раненых, очень скоро перестало хватать мест, чтобы разместить такое множество людей.

В день достопамятной битвы у Славкова город выглядел невообразимо. На Калварии, нынешнем Франтишкове, толпились в страшном беспокойстве люди, желающие узнать, на чью сторону склонилось военное счастье. В подзорную трубу было хорошо видно сверкание пушек на поле боя. Наконец пришло горестное известие, что битва проиграна, и союзное русско-австрийское войско поражено Наполеоном.

Интересный эпизод ещё в начале битвы случился в Брно на Крженовой улице. В первые часы битвы казак гнался за французом по Оломоуцкому тракту к городу. Французский кавалерист, державший в руке обнажённую саблю, казался напуганным своим преследователем, и, похоже, как некоторые видели, был уже ранен. Его конь, как бы чувствуя общую опасность, мчался рысью, казак с копьём в руке, наклонившись вперёд — за ним. Француз, спеша по Крженове, быстро свернул на Дорных и въехал за ворота фабрики Оффермана, где и спасся. Казак постоял несколько минут и ворот, затем развернулся и поскакал обратно на поле боя.

О казаках, «зенице войска русского», в Брно рассказывали разные героические истории. Когда пришли французы, они больше всего опасались казаков, которые служили авангардом и объявлялись то тут, то там.

Отступление и бегство.

Посмотрим ещё раз на левое крыло союзников, которое начало бой у Тельнице и Сокольников, и упорно сражалось против Даву и Лёграна.

Хотя Кутузов после поражения своей колонны отправил Буксгевдену приказ немедленно отступить, Буксгевден его не исполнил. Теперь уже было поздно!

Настал полдень. По приказу Наполеона, оставив Бернадота на Праценской горе, корпус Сульта и гренадёры Удино спустились тем же путём, которым утром отправилось левое русское крыло, чтобы напасть на него с тыла, сломить сопротивление и полностью разгромить его. Два полка русской пехоты (Курский и Подольский), которые попались Сульту по дороге на Праценской горе и её склоне, обращённом к Сокольницам, были быстро побеждены и обращены в бегство. Таким образом была скоро решена судьба этих безнадежно отрезанных от основного войска батальонов. После воистину героического и столь же отчаянного сопротивления около двух часов пополудни началось всеобщее отступление, которое быстро превратилось в явное и паническое бегство (см. карту). Отступление прикрывал своей самоотверженной кавалерией и своими батареями храбрый австрийский генерал Кинмайер, который, хотя и был весь день в бою, сумел сохранить все орудия. Отважный Кинмайер занял со своими гусарами высоту между Рыхмановым и Зачанами, (Н') чтобы французы не могли задержать отряды, бегущие по Зачанской дамбе. Лёгкая кавалерия О'Рейли и венгерские гусары обороняли Тельницкий холм у путевого столба, а позже на пустоши (Н', Виноградки) у Менина, храбрый русский генерал Левиз со своим пехотным полком удерживал Тельнице.

«Я повидал много проигранных битв, — рассказывает Ланжерон, — но такого поражения до сих пор не мог себе представить». Ланжерон, заметив неприятеля в тылу своей колонны, поспешил к Буксгевдену и доложил ему о том, что происходит. «Вам повсюду видится неприятель», — грубо ответил Буксгевден. «А Вы, — парировал Ланжерон, — в таком состоянии, что вовсе ничего не видите». —

Первая колонна и часть второй бежала к Уезду, другая часть второй и третья колонна — наверх к Кобельницкому пруду, но они были либо убиты, либо захвачены в плен. В плен попал сам командующий третьей колонной Пржибышевский с двумя генералами, 119 офицерами, 6000 солдат и почти всей артиллерией второй и третьей колонны! Именно этим объясняется, почему больше всего пуль, конских подков, солдатских пуговиц, знаков отличий и пр. — по любезному сообщению пана директора Кобельницкой школы — обнаруживаются до сих пор в той части Кобельницкого пруда, которая соседствует с Фазанным парком Сокольников. Много тамошних находок хранит в школьной коллекции вышеупомянутый старший учитель Свобода. Генерал Пржибышевский был позже военным судом разжалован в простые солдаты.

Часть первой колонны надеялась спастись в Уезде, но тот ещё раньше был взят Вандамом. Тогда солдаты начали отступать между Уездом и Зачанским прудом к Отницам, но были либо убиты, либо рассеяны, и большей частью — несколько тысяч — взяты в плен, когда мост, по которому они должны были отступать, проломился под их тяжестью.

Единственным спасением была узкая дамба между обоими прудами, Зачанским и Менинским, куда многие бежали мимо горящей мельницы. Чтобы попасть на эту дамбу, большинству убегающих надо было обойти Зачанский пруд с севера, то есть со стороны Уезда и Тельнице. Если бы они могли бы и хотели бы бежать через замёрзший пруд прямо к Зачанам, что

безосновательно утверждают французские историки, им не было бы нужды обходить пруд и отчаянно прорываться к дамбе! Это замечание будет важно для наших исследований о числе утонувших в Зачанском и Менинском прудах!

Ужас и паника среди убегающих особенно возросли в тот момент, когда на Зачанской дамбе взлетел на воздух подбитый французской артиллерией зарядный ящик, перекрыв своими обломками часть и без того узкой дамбы. Рысью несущийся по дамбе отряд казаков ещё усиливал сумятицу.

Смертоносная французская артиллерия от Уезда и Тельнице, особенно с краю Праценских высот, с холма у часовни св. Антония, который был увенчан чудовищной короной из 24 пушечных стволов, продолжала прореживать ряды бегущих. Четыре железных пушечных ядра в стене Зачанской мельницы до сих пор свидетельствуют о силе огня французских батарей.

Байки об утонувших в Зачанском и Менинском прудах.

Предметом частых и долгих споров всегда был вопрос о том, правда ли, что множество солдат союзной русско-австрийской армии утонуло в Зачанском и Менинском прудах при бегстве после Аустерлицкой битвы, и сколько именно.

Хотя французские писатели (Тьер, Дюма и другие) и утверждали, что достаточно прочный лёд на прудах проломился под тяжестью бегущих и жарким обстрелом французских орудий, и около 2000 солдат нашло смерть в воде, да и 23-летний адъютант Наполеона барон Марселлен Марбо рассказывает, что своими глазами видел, что 500 или 600 русских солдат провалилось посреди пруда с лошадьми и пушками — однако австрийские историки и надёжные местные источники объявляют это всё пустым вымыслом.

Серюрье, полковник французской артиллерии, представляет в своих «Военных мемуарах» следующую сцену после битвы у Славкова:

«В тот момент, когда русские войска начали жалкое, но организованное (!) отступление по замёрзшему озеру, император Наполеон примчался к артиллерии. — Вы теряете время, — кричал он, — стреляя в толпу; вам надо их потопить, стреляйте по льду! — Десять минут никто не мог выполнить приказ. (?) Напрасно несколько офицеров, которые были поставлены на склоне холма, в том числе и я, пытались добиться того, чего он хотел; и их, и мои ядра скользили по льду, но не разбивали его. (?) Тогда я попробовал другой способ. Я направил самые тяжёлые орудия вверх, откуда тяжёлые снаряды падали на лёд и разбивали его. Мой способ быстро переняли некоторые другие батареи и в короткое время мы отправили несколько тысяч русских и австрийцев в воды озера.» (??)

Однако, мы повторяем своё утверждение, уже выше сказанное: «Если бы наши солдаты могли бы и хотели бы бежать через замёрзший пруд прямо к Зачанам, им не было бы нужды обходить пруд и отчаянно прорываться к дамбе!»

Вот доказательства этого утверждения:

Достопочтенный декан Уездский, каноник Карел Беранек, который говорил ещё с современниками Славковской битвы, и архивы Менинские и особенно подробный домашний протокол Тельницкого прихода решительно опровергают, что в прудах утонуло большое число убежавших солдат. Более того, протокол Тельницкий, приводящий тщательный подсчёт погибших и раненых в самой деревне Тельнице, наконец сообщает, что в пруду были найдены только три застреленных (!) русских солдата.

Достопочтенный Беранек рассказывает, как свидетели битвы — в то время ещё ребята 14 или 16 лет — вытягивали канатами русские пушки, которые завязли после битвы в плавнях на краю пруда со стороны Рыхманова, однако об утонувших или погибших в пруду солдатах никто из них никогда не упомянул ни слова.

А что пишет домашний протокол Тельницкого прихода? Слушайте.

«Французы вторглись в Моравию 19 (?) ноября 1805, когда союзная русско-австрийская армия отступила за Дунай.

Первым пришёл на высоты Менинские к Тельнице корпус из 7000 человек под командованием французского генерала маркиза ле Вассёра; авангард целую ночь не давал покоя Тельницкому настоятелю Петру Кржидловскому и всей деревне, требуя хлеба на следующий день, мяса и разных видов продовольствия, затем все ушли к Славкову. С того дня — 20 ноября 1805 — непрерывно шли французские войска через Тельнице от Райграда, Менина и Жидлоховиц. Ежедневно стояло у нас лагерем до 2000 человек, среди прочих 55-й гренадерский полк генерала Варрэ, которые хотя и вели себя спокойно, но требовали, чтобы их снабжали всем нужным. Марши, кормление и постои войска продолжались до 30 ноября.

Как только в четверг 28 ноября начали говорить о предстоящей битве, в армии появилось сильное беспокойство; мы должны были постоянно готовить для них еду и доставлять всё необходимое в изобилии.

Император Наполеон Бонапарт два часа отдыхал в приходском доме на соломе, после чего вся армия ушла на позиции. От субботы до воскресенья из войск в Тельнице был только французский авангард.

В воскресенье 1 декабря в 4 часа пополудни с большим шумом австрийский ротмистр граф Лажанский в сопровождении русской пехоты с австрийскими гусарами и русским ротмистром князем Голицыным прибыл в Тельнице, выгнал оттуда к Брно французский авангард, застрелив некоторых из них, и остался здесь до трёх часов утра. Семь офицеров было в приходском доме.

В 3 часа утра 2 декабря 1805 года в понедельник вышеупомянутые русские и австрийские императорские отряды были разбужены жуткими криками о приближении неприятеля, после чего бежали к Зачанам. Началась великая, памятная битва (в истории названная битвой у Славкова), началась около 6 часов утра, а окончилась почти в 4 часа пополудни у Сокольниц и Тельнице.

Особенно подчеркнём, что русские покинули высоты Праценские и Уездские, и попали так под перекрёстный огонь и позже были вынуждены бежать через земёрзший Зачанский пруд, в котором потеряли много орудий и обоза.

Осталось в зарослях камыша вышеупомянутого пруда (на его окраине!) 250 коней, много телег, а из солдат были в пруду найдены только трое застреленных русских, так что никто не утонул. Хотя пруд и был подо льдом, когда телеги заехали в камыш, увязли в нём, однако подчеркнём, что из солдат, вопреки сообщениям французов, не утонул никто.

Во время битвы в деревне Тельнице случилось несколько стычек; французы укрылись за стеной нового кладбища, откуда и нанесли русским много ущерба. В приходском огороде осталось 8 мёртвых французов, из них 7 были ночью убраны и похоронены. Приходской дом сильно пострадал; из-за того, что пули попадали прямо в окна светлицы, настоятель со своими домашними должны были спрятаться в углу столовой, чтобы спасти свою жизнь. Пушечные ядра падали, к счастью, рядом с домом на дорогу (до сих пор можно видеть ядро в башне костёла). Из тельницких никто не был ранен, кроме мельника Алексия Гаага, который был ранен пулей в своей комнате, но быстро выздоровел.

За время грозной битвы были в деревне то русские, то французы, нам приходилось несколько раз открывать французам приходской дом, потому что там укрывались русские.

После битвы лежало у нас много мёртвых, которых тельницкие похоронили. На приходском поле выкопали три больших ямы, которые были заполнены трупами (140).»

Более краткие, но не менее интересные сообщения хранятся в Менинских архивах, приходском и школьном.

«2 декабря 1805 года в 5 часов утра началась перестрелка между авангардами на полях между Тельнице и Уездом, что послужило началом Славковской битвы. Скоро начали греметь пушки после первого пушечного сигнала, поданного недалеко от часовни Св. Антония у Уезда.

Старенький (72-летний) духовный отец созвал жителей в костёл молиться об удаче нашего оружия. Дрожащий старец служил св. мессу — последнюю в своей жизни — под грозный грохот обстрела на недалёком поле сражения и под конец остался там наедине с прислужником (позже учителем Франтишком Жачеком). Достопочтенный священник Франтишек Выслоужил, родом из Бедигоште у Простеёва, умер вследствие жестокого обращения французских солдат 26 января 1806 года.

Большая часть жителей Менина собрались на церковной башне, откуда с немым ужасом наблюдали, насколько позволял дым, наступающие друг на друга отряды под боевые выкрики и оглушительную пальбу ружей и пушек.

Пять раз русские входили в Тельнице, где были укрепления французов, и пять раз их отгоняли к Уезду. К 9 часам по дороге от Райграда примчались несколько полков французской кавалерии и встали на полях за Тельницкой мельницей. Русские начали их обстреливать, после чего кавалерия свои позиции покинула.

До тех пор можно было видеть только отдельных раненых или пленных французов, без каких-либо сведений об исходе битвы. Однако около 4 часов пополудни русские покинули свои позиции и нашли свою гибель. 8000 русских было взято в плен у Сокольницкого амбара, остальные бежали к Зачанскому рыбнику, который был едва замёрзшим, и в нём потеряли много орудий и обоза, потом повернули полями и огородами к Менину. Вся кавалерия, артиллерия, егеря, все бежали в разные стороны, толпились, крича «Спасайтесь!» Жители Менина присоединялись к убегающим солдатам, а французы по ним стреляли из пушек. (Большое пушечное ядро в ризнице теперь служит Менинскими церковникам).

Что столько русских и пушек на пруду под лёд провалилось, совершенная неправда; лёд был слишком слабым, чтобы по нему могли бежать (!)

Только 4 декабря вернулись бедные обыватели, найдя всё разграбленным. По меньшей мере деревня насчитала ущерба (без округления) 56 946 зл. 36 кр. Мёртвые на поле боя были 9 декабря похоронены».

Однако доказательство, я бы сказал «официальное», подтверждающее правду моего утверждения, происходит из богатого и интересного архива Хрлицкого имения, которому принадлежал и до сих пор принадлежит бывший Зачанский пруд (312 моргов площади), чьи относящиеся к делу страницы имеют поистине историческую ценность. Там можно прочесть дословно:

«Уже в первые дни после битвы французский артиллерийский офицер в Уезде, Камп, приказал Зачанскому рыбному старосте, чтобы, по приказу Наполеона пруд был спущен, дабы из него можно было на Рыхмановском берегу вытащить русские пушки (17-18), лошадиные туши и утонувших солдат. Когда генерал Сюше, кавалер Почётного легиона и командующий в Брно, особым указом подтвердил, что по высочайшему повелению это должно быть сделано, был Зачанский пруд в дни 8-16 декабря совершенно спущен. Целых восемь дней из пруда вытаскивали коней и пушки, однако трупов людей — ни единого. Зато днём и ночью на пруду собирались 200-300 местных и соседских жителей, усердно ловящих — разумеется, не человеческие трупы, которых вовсе не было — а больших заповедных зачанских рыб, и с такой отвагой и смелостью, что французам пришлось по ним стрелять.

12 декабря управа Хрлицкого имения испросила у генерала Сюше, а также у верховного полицейского начальства в Брно посредничества у французского командования, чтобы этот приказ о спуске пруда был отменён, иначе это грозило большим ущербом рыбам хозяйства.

Только после новых сообщений, что кроме нескольких лошадей, уже никаких орудий в пруду не находится, и что рыбы вследствие мороза помёрзли, генерал Суше 16 декабря откликнулся на просьбу и с его дозволения пруд спускать перестали».

Вторая запись:

В Хрлицах 29 декабря 1805.

«На сделанный приказ рыбному старосте Петру Шварцу, доложить, были ли русские артиллерийские лошади, которые после битвы в рыбном пруду остались, сёлами Зачаны, Тржебомыслице, Уезд и Штернов (Штернхоф) из пруда вытащены и закопаны, отвечает по болезни своего отца сын рыбного старосты Ян Шварц следующее:

Поименованные сёла вытащили из пруда Зачанского 133 лошади, из которых сёла Зачаны, Тржебомыслице и Рыхманов относящуюся к ним часть уже закопали. Село Несвачилка закопало 7 штук, а 10 штук ещё лежит у пруда; остальные сёла до сих пор копают ямы. Следует добавить, что в пруду лежит ещё 27 лошадей. До сих пор к ним невозможно подобраться, лёд ломается, и нижеподписавшийся, желая лично убедиться, можно ли к ним подойти, провалился в трясину глубиной в локоть. Выжидаем, чтобы пруд сильнее замёрз и лёд стал крепче. Из русских солдат были в пруду найдены только два. (!)

Далее нижеподписавшегося спрашивали о нынешнем состоянии рыб в Зачанском пруду, на что он отвечает:

Не могу сказать ничего определённого, нежели что по моему суждению осталось в пруду едва ли ещё 5 центнеров рыбы. Поскольку большая часть рыбы при спуске пруда и наступившем морозе помёрзла в иле, а та, что не погибла, была выловлена сельчанами местными и чужими. Много рыбы взяли также французские сапёры. Больше по этому делу сообщить не могу.

Подавая этот отчёт просит дальнейших распоряжений
Ян Шварц.

Данное сообщение прилагается к следующему отчёту.
Франт. Буртманн
управляющий.»

Третья запись:

«Отчёт подан в помещтную инспекцию в Кромержиже.

Хрлицкая управа сообщает, что по причине битвы Славковской и утонувших в пруду Зачанском солдат и лошадей было проведено расследование земской канцелярией.

Чтобы отчёт о Зачанском пруду после битвы Славковской был принят к высочайшему сведению, нижеподписавшаяся управа имения сообщает, что моравские рыбаки не могли продать в Вене рыбы. В Вене их обвиняли в том, что рыба происходит из пруда, куда во время битвы Славковской были загнаны люди и кони и там утонули.

На поданную жалобу здешних рыбаков было высочайше (от двора) назначено расследование, которое было проведено вчера 8 февраля 1806 г. королевской земской канцелярией в Сокольницах, Зачанах и Менине. Главные вопросы при расследовании были следующие:

- a) был ли во время битвы Славковской Зачанский пруд наполнен?
- b) был ли он выловлен поле битвы?
- c) сколько солдат и лошадей было в нём найдено?
- d) были ли их тела вытащены ещё перед началом разложения и наконец
- e) когда был запуск рыбы в пруд и когда пруд должен был быть выловлен?

На отдельные вопросы было так отвечено:

Пруд был зарыблен в 1804 г. и должен был быть выловлен осенью этого года (1806). В пруду не было найдено ничего, кроме двух русских солдат (!!), 180 артиллерийских лошадей и 18 орудий. Сразу после битвы были предприняты необходимые меры, чтобы вытащить из пруда людей и лошадей. Это было сделано как можно скорее, и на мёртвых телах не было замечено ни малейших признаков разложения. Кроме того, туши (конские) лежали в камышах, куда рыба не забирается.

Французское командование обо всё этом хорошо знало, и спуск пруда был лишь для того назначен, чтобы они могли себе добыть рыб, которых потом между собою делили (!!).

На вопрос, когда пруд будет выловлен, отвечено, что в этом году до рыбной ловли вряд ли дойдёт, поскольку здешняя канцелярия ожидает решения по этому вопросу от высочайшей архиепископской княжеской инспекции.

В Хрлицах, 9 февраля 1806.

Брутманн,
Управляющий.»

Четвёртая запись:

26 марта 1806 года в Хрлице пришло письмо из Годонинской поместной канцелярии, с запросом, чтобы та канцелярия подала надёжные сведения о погибших в прудах государственному советнику фон Ридлеру в Вене, писавшему хроники обо всей кампании 1805 г и об Аустерлицкой (Славковской) битве.

Что же ответила Хрлицкая канцелярия?

«В достославную поместную канцелярию!

В местном господском Зачанском пруду после битвы у Славкова в 1805 г. остался один израненный егерь на льду и один казак под плотиной; оба были около пруда похоронены. (!)

При рыбной ловле в этом пруду, как и ранее при особой комиссии, проведённой по случаю вышеупомянутой битвы, в которой нижеподписавшийся счетовод имения принимал участие, не был найден в пруду ни один солдат, ни русский, ни императорский, ни неприятельский.

Было там после битвы в плавнях 28-30 орудий, в которые было запряжено 130 лошадей, кроме того несколько пушечных ядер.

Запряжённые лошади были убиты неприятелем, орудия вытащены и соседними подданными увезены в Брно, конечно, в сопровождении солдат.

Такое разъяснение подаёт нижеподписавшаяся управляющая канцелярия достославной поместной канцелярии в ответ на прочитанный запрос 26 числа сего месяца.

Управа в Хрлицах, 26 марта 1806.

Вацлав Лутонский м. п.
управляющий.

Антонин Пелзак м. п.
счетовод.»

Пятая запись:

«Согласно весьма подробному и добросовестному списку от 8 февраля 1806 г. было всего во всём имении Хрлицком (Хрлице, Уезд, Зачаны, Стернов, Решов, Гостерадки, Шлапанице и Максдорф) похоронен в братских могилах только 301 солдат!»

Все эти сведения получены из записей лет 1805, 1806 и 1816 вышеупомянутого архива благодаря любезности пана епископского управляющего Франт. Гомолки, с которым я соответствующие записи дважды изучил.

Сходство всех приведённых записей очевидно, даже удивительно, и потому справедливость нашего утверждения — неоспорима!

Кто видел и читал все эти груды бумаг, в которых чиновники с необычной тщательностью отмечают каждую зарытую конскую тушу, должен задаться вопросом: «Почему же те же канцелярии не заботились о том, чтобы вытащить и достойно похоронить столько погибших и утонувших солдат?»

Вот и всё про пруд Зачанский.

А как звучит «официальная» справка про пруд Менинский? (Пруд Менинский, он же Нессет, площадью 4000 моргов находится в Жидлоховицком имении).

Ян Эдер пишет в своей интересной и подробной хронике Жидлоховиц, Погорелиц и их окрестностей (изд. в Брно 1859) следующее:

«Совершенно бессовестная ложь содержится во французском бюллетене (официальной справке) о битве Аустерлицкой, утверждающем, что здесь в Менинских болотах и озёрах при бегстве погибло 20 000 русских. Поскольку

1. у Менина нет никаких болот или озёр, только искусственные пруды;
2. никто не бежал через пруд, лёд которого был слишком слаб, а достаточно широкая плотина между прудами была свободна.

На третий день после битвы тогдашний управляющий жидлоховицкого имения Гайслер был отправлен с работниками в Менин, чтобы похоронить мёртвых в окрестностях Менина. Согласно его сообщению во всей окрестности Менина было найдено только пять мёртвых, которых похоронили. Хотя у Тельнице и Сокольниц лежало много мёртвых, они находились на земле Сокольницкого имения.

Село Менин полностью обезлюдело, только от тамошнего трактирщика Гайслер узнал, что в зарослях у пруда скрывалось 73 русских, которых его сын окликами отвёл к остальным товарищам. Нигде не было признаков проломленного льда, а когда вскоре после того пруды были до самого дна спущены, перед многими тысячами свидетелей стало ясно, что никаких 20 000 русских, ни одного солдата, и ни одного коня в нашем пруду не утонуло, даже ни одного колеса от телеги не нашлось, что доказывает пустословие французских бюллетеней!»

Известный немецкий военный писатель Бюлов (1756—1807) в своей работе «Война 1805 года» во втором томе на стр. 44 отзывается о большом числе утонувших в прудах просто с насмешкой.

Заслуженный австрийский военный, генерал Штуттергейм, опубликовавший свою ясную и аккуратную книгу об Аустерлицком сражении на французском языке (*Materiaux pour servir à l'histoire de la Bataille d'Austerlitz*), пишет о бегстве левого крыла союзников так: «Генерал пехоты, Буксгевден, отступил Уездом с несколькими батальонами и соединился возле Аустерлица с остальной армией; в этом месте творился беспорядок, в Уезде и около него было взято в плен 4000 солдат и захвачено много орудий. Многие солдаты в панике бежали на пруд, лёд на котором не был настолько прочным, чтобы некоторые из них не провалились и не утонули».

В подобном смысле выражается австрийский военный писатель Карл Шонгалс, капитан третьего охотничьего батальона, который называет французский бюллетень о числе утонувших в прудах байкой, которой «хотели усилить ужас парижан перед их императором!»

«Но откуда же взялись в пруду пушки и кони?» — спрашивал меня кто-то из несогласных. Ответ прост:

Мы выше писали, что часть первой колонны хотела спастись в Уезде, который тем временем уже был захвачен Вандамом. Тогда начали отступать между Уездом и Зачанским прудом к Отницам. Пространство между Уездом и Зачанским прудом не было настолько широким, чтобы вместить всех бегущих; часть кавалерии и артиллерии двигалась по краю замёрзшего пруда, увязая в ледяной грязи. Здесь падали и лошади, измученные за целый день и утомлённые от бега; солдаты же, быстро соскочив, хоть и с трудом — всё же сохранили свою драгоценную жизнь бегством.

Те, кто знают, что у бывшего Зачанского пруда со стороны Уезда и Рыхманова не было никакой насыпи, зато со стороны Тельнице был высокий берег и плотина, признают моё объяснение справедливым.

Но и я позволю себе спросить тех, кого не убеждают мои доказательства: «Куда же делись все эти тысячи солдат, которые по французским сообщениям утонули в прудах? Из прудов их не вытащили, не похоронили, и хотя на месте спущенных прудов сейчас только пашни, не нашли там до сих пор при пахоте ни человеческих костей, ни оружия, ни чего либо иного, как на других местах сражения?»

Этими доказательствами, как мы надеемся, опровергаются все байки о сотнях, даже тысячах утонувших в Зачанском и Менинском прудах при Аустерлицком сражении.

После битвы.

Умолк гром орудий. — Пушки и ружья стихли, только тут и там были слышны стоны умирающих, вперемешку со страшными проклятиями.

Рассеянные батальоны соответствующих колонн собирались отчасти у Славкова и Годьежиц, отчасти у Отниц и Бошовиц.

Император Александр, совершенно раздавленный, бежал в сопровождении только своего лейб-медика Виллие и своего берейтора к Годьежице. Во время отступления, перебравшись через довольно мелкую канаву, он слез с коня, сел под дерево на мокрую землю, и, прикрыв лицо платком, заплакал. Подполковник Толь подъехал и утешал его, глубоко опечаленного. Через некоторое время Александр встал, молча обнял Толя и поехал в Годьежице.

Оба императора после краткого совещания с Кутузовым ещё ночью доехали через Гершпице и Угржице до Жарошиц, где переночевали.

В Гершпицах остановились в доме (№45) бедного крестьянина Яна Малзанка, где их угостили тминной похлёбкой и картошкой; через два часа доехали до Жарошиц. Бедный селянин, получивший за своё гостеприимство несколько дукатов, на следующий день должен был отдать их французам.

Памятная книга Жарошицкого прихода рассказывает, что император австрийский ночевал в ратуше, царь Александр у крестьянина Исидора Валы, №45, а остальные шесть генералов в приходе. Нужда во всей деревне была такова, что высоким гостям пришлось довольствоваться миской картошки без соли.

Быстро сгущалась ночь, последние удары были нанесены в туманных сумерках. Мелкий дождь начал кропить убитых, раненых, напуганных, измученных... пламя битвы уже догорало. Каждый бы хотел воззвать: «Люди, хватит. Остановитесь... Опомнитесь. Что творите?» Ночь завершила сражение.

Всё поле, недавно так блиставшее под зимним солнцем, теперь было покрыто сырým туманом и дымом и источало странный кислый запах испражнений и крови...

Вскоре после полуночи со 2 на 3 декабря началось всеобщее отступление утомлённой и поредевшей союзной армии от Славкова и Годьежиц Жданским лесом через Чейч и Годонин к Голичу. Багратион составлял арьергард. Кинмайер со всей австрийской кавалерией встал у Нижковиц, днём 3 декабря у Угржиц, а вечером того же дня на Наседловских высотах над Спаленой мельницей, выслав авангард к Жарошицам и Угржицам. Можно только одобрить решение главного штаба союзников не продолжать бой, а как можно быстрее отступить. Французское войско по приказу Наполеона преследовало побеждённую армию во всех направлениях, хотя и не слишком настойчиво; Наполеон сперва не знал, куда отступают главные силы союзников. 4 декабря остатки союзной армии стояли лагерем около Голича на левом берегу Моравы, Кинмайер и Багратион встали на правом берегу между Чейчем и Годонином как авангард.

Французская армия заняла вечером 2 декабря те же позиции, на которых ещё утром стояла армия союзников.

Наполеон командовал битвой с самого утра на высотах у Шлапаниц, с холма Журань, а не с Твароженского холма. Когда принц Мюрат сражался за Блажовице при поддержке дивизий Каффарелли и Риво, Наполеон поспешил за корпусом Бернадота к Блажовицам, потом на Праценские высоты, а после полудня наблюдал конец битвы от часовни св. Антония над Уездом. После битвы по своему обыкновению он объехал всё поле сражения, отдавая последние приказы. Поле было усеяно телами раненых и мёртвых солдат. Страшная, ужасная картина, но и удивительно трогательная! На лицах павших здесь героев как бы замерло их последнее чувство, отображалась их последняя мысль... Здесь лежал солдат, закрывший лицо руками, тут с раскинутыми руками и сжатыми кулаками, там с пальцами, впившимися в землю, а рядом с широко открытыми глазами и улыбкой, замершей на губах... О чём они думали, испуская последний вздох?

Автор школьной хроники Менин, учитель Франт. Жачек, пишет о своём посещении поля боя так: «8 декабря, в воскресенье, посетили мы опустевшее поле сражения. Кошмары, которые мы тут увидели, нельзя и описать. Тут лежала рука, там нога, здесь половина тела, там опять безголовый труп. Тут калека протягивал к нам окровавленную руку и взывал о помощи, там другой, по бёдра замёрзший в трясине, глядя на свою ужасную рану, в отчаянии просил, чтобы мы его прикончили. С ужасом покинули мы страшное место беды и отчаяния и вернулись восвояси».

Наверняка Наполеон мог бы одержать такую же победу и с меньшей силой войска. Ведь некоторые подразделения его армии (гвардия) и не были под огнём. Когда солдаты одного подразделения сокрушались, что не смогли приложить руку к победе, говорят, император утешал их такими словами: «Радуйтесь, что вы ничего не делаете; вы настолько хороши, что сегодня в вас нет нужды!»

Наполеон, проезжая полем боя, выделял раненым охрану, чтобы вынести их на перевязочный пункт, не забывая и неприятельских солдат. Слушая рассказы о подвигах некоторых солдат, говорил: «Надеюсь, я смогу вознаградить этих храбрецов».

Французская артиллерия нанесла армии союзников особенно сильный ущерб. Когда Наполеону об этом доложили, он сказал: «Эти успехи меня очень радуют; ведь я не забыл, что сам начал свою солдатскую дорогу в этом роде войск». Только одним батальоном 4 полка своей пехоты Наполеон был недоволен; за то, что русская гвардия в жарком бою у Блажовиц захватила его знамя, хотя и сама при этом потеряла два своих.

После такого кровавого сражения, несмотря на все усилия армейских врачей, ещё 48 часов спустя после битвы на поле ещё оставалось большое число раненых!

Холм Журань французские солдаты называли «императорским».

Едва ли было когда-то во французском лагере так весело, как в незабываемый день 2 декабря у Славкова! Упоенные победой солдаты, ликуя, встречали императорского адъютанта вопросами: «Был ли император доволен нами сегодня?»

Поздно ночью Наполеон перенёс свой главный штаб на Позорицкую почту, где и переночевал; дом (с пушечным ядром во дворе) по левой стороне императорского тракта принадлежит теперь крестьянину Франт. Жемле. Так Наполеон исполнил слова, которые сказал в битве при Маренго (1800 г.) своим солдатам: «Детки! Помните, что я привык спать на поле боя».

Рассказ адъютанта Наполеона

«Утром²⁶ 3 декабря Наполеон верхом осматривал поле боя. Доехав до Зачанского пруда он сошёл с коня и говорил у костра со своими маршалами. Тут он заметил на пруду, на расстоянии примерно 100 шагов от дамбы довольно большую плавучую льдину, на которой лежал русский унтер-офицер в орденах, с простреленным бедром, так что он не мог себе помочь. Лёд был окрашен кровью бедняги. Этот человек, заметив на берегу многочисленную группу высших офицеров в сопровождении гвардии, догадался, что среди них есть император; приподнялся, насколько мог, и начал кричать, что после боя солдаты всех наций становятся братьями, и что он просит могущественного императора французов о спасении жизни. Наполеон, выслушав перевод этих слов и будучи тронут такой просьбой, поручил своему адъютанту генералу Бертрану сделать всё возможное, чтобы спасти несчастного.

Несколько человек из свиты, даже и два офицера генерального штаба, заметив на берегу два бревна, скатили их в пруд и, не раздеваясь, сели на них, надеясь грести ногами. Однако, едва отчалив от берега, брёвна начали вертеться, и все упали в воду. Вода намочила их одежду, а из-за сильного холода сукно их рукавов и штанов смёрзлось так, что они не могли пошевелить членами и плыть; некоторые из них так бы и утонули, если бы с берегу им не бросили верёвки, с помощью которых они выбрались из беды.

Воодушевлённый вниманием императора, я сам слез с коня и, раздевшись донага, прыгнул в пруд. Хотя в тот день я уже много ездил и был разгорячён, меня пронзило морозом; но я был молод и силён, и присутствие императора меня подстёгивало, я упорно плыл к русскому унтер-офицеру. Вероятно, мой пример, и, конечно, ещё более похвала из уст императора, побудили поручика артиллерии Руместена последовать за мной.

Я встретил больше трудностей, нежели предвидел, ведь из-за катастрофы (?) вчерашнего дня старый и прочный лёд на этом месте практически исчез. Вместо него появилась тонкая пластина нового льда, и его острые края жестоко раздирали мне кожу на плечах, груди и шее. Артиллерийский офицер, догнав меня на полдороге, пострадал не так сильно, ведь он плыл путём, который я проложил в новом льду. Но он был так учтив, что попросил у меня дать ему плыть первым, на что я с радостью согласился, так как был уже весь в порезах. Наконец мы добрались до льдины, на которой лежал несчастный русский. Толкая льдину вперёд, мы почти выбились из сил. Наконец, в довершение невезения, неподалёку от берега льдина развалилась на несколько кусков, и кусок, на котором лежал русский, шириной только в несколько футов, не мог уже удержать беднягу, начавшего тонуть. Тут я и мой товарищ почувствовали под ногами дно пруда, после чего подставили плечи под льдину и вынесли её к берегу, откуда нам кинули верёвки, к которым мы привязали русского, чтобы его вытащили на дамбу. Тем же способом и мы выбрались из воды; однако, обессиленные, исцарапанные, в порезах и крови, уже едва держались на ногах.

Мой добрый приятель Масси, который с величайшим беспокойством следил за мной во всё время этого предприятия, придумал отличную идею. Он расстелил попону своего коня перед огнём и завернул меня в неё, как только я оказался на берегу. Хорошенько вытершись и одевшись, я хотел лечь на землю, однако, врач императора Ларрей этого не позволил и сказал мне ходить, хотя это было возможно только с помощью двух солдат. Император, подойдя, благодарил меня и лейтенанта артиллерии за храбрость, проявленную нами при

²⁶ Из мемуаров адъютанта Наполеона Марселлена Марбо.

спасении русского, и, подозвав своего мамелюка Рустана, у которого на коне всегда висели различные принадлежности, велел налить нам лучшего рому и с улыбкой спросил, как нам понравилось купание.

Затем он приказал Ларрею перевязать русского офицера и поручил дать тому несколько золотых. Его накормили и, одев в тёплую и сухую одежду, отправили в Тельнице, где в одном здании был устроен госпиталь; а на следующий день его перевезли в больницу в Брно. Этот страдалец благословлял императора, Руместена и меня, и хотел целовать нам руки. Он был родом из Литвы. Когда он выздоровел, объявил, что не будет служить никому иному, кроме императора Наполеона. Он присоединился к нашим раненым, возвращавшимся во Францию, и затем был принят в польский легион; позже он стал унтер-офицером гвардейского уланского полка, и когда бы не встречал меня, рассыпался в благодарностях со всей польско-французской галантностью.

Ледяное купание и сверхчеловеческие усилия, которые мы приложили к спасению этого русского, могли бы стоить мне жизни, если бы я был не так здоров и силен. А Руместен ещё в тот же вечер заболел особенно тяжёлым воспалением лёгких и был вынужден отправиться в Брно в больницу, где провёл несколько месяцев между жизнью и смертью. Он так никогда полностью не оправился и через несколько лет был вынужден по болезни оставить службу.

Что до меня, то, сильно ослабев, я дал посадить себя на коня, как только император отъехал от прудов в Аустерлиц, где был его главный штаб. Наполеон, будучи отличным наездником, имел привычку всегда ехать галопом; мне, обессилевшему, этот аллюр не подходил. Однако, я пустился за ним — близилась ночь. Когда я добрался до Аустерлица, потребовалось несколько человек, чтобы снять меня с коня. Всё моё тело охватил озноб, зубы стучали, я был сильно болен. Полковник Дальманн, командир конных егерей императорской гвардии, который как раз был произведён в генералы вместо павшего в бою Морлана, отвёл меня на замковую конюшню, где он стоял со своими офицерами.

Там мне дали напиться горячим чаем; врач растёр мне тело тёплым маслом; затем меня тщательно укутали и засунули в огромный стог сена, так что только голова торчала.

Вскоре приятное тепло проникло в мои застывшие члены; я отлично выспался и благодаря врачебному уходу и своей молодости (23 года), проснулся наутро свежим и бодрым и мог сам сесть на коня». —

Итоги сражения

Поражение союзников было полным, хотя они и храбро сражались.

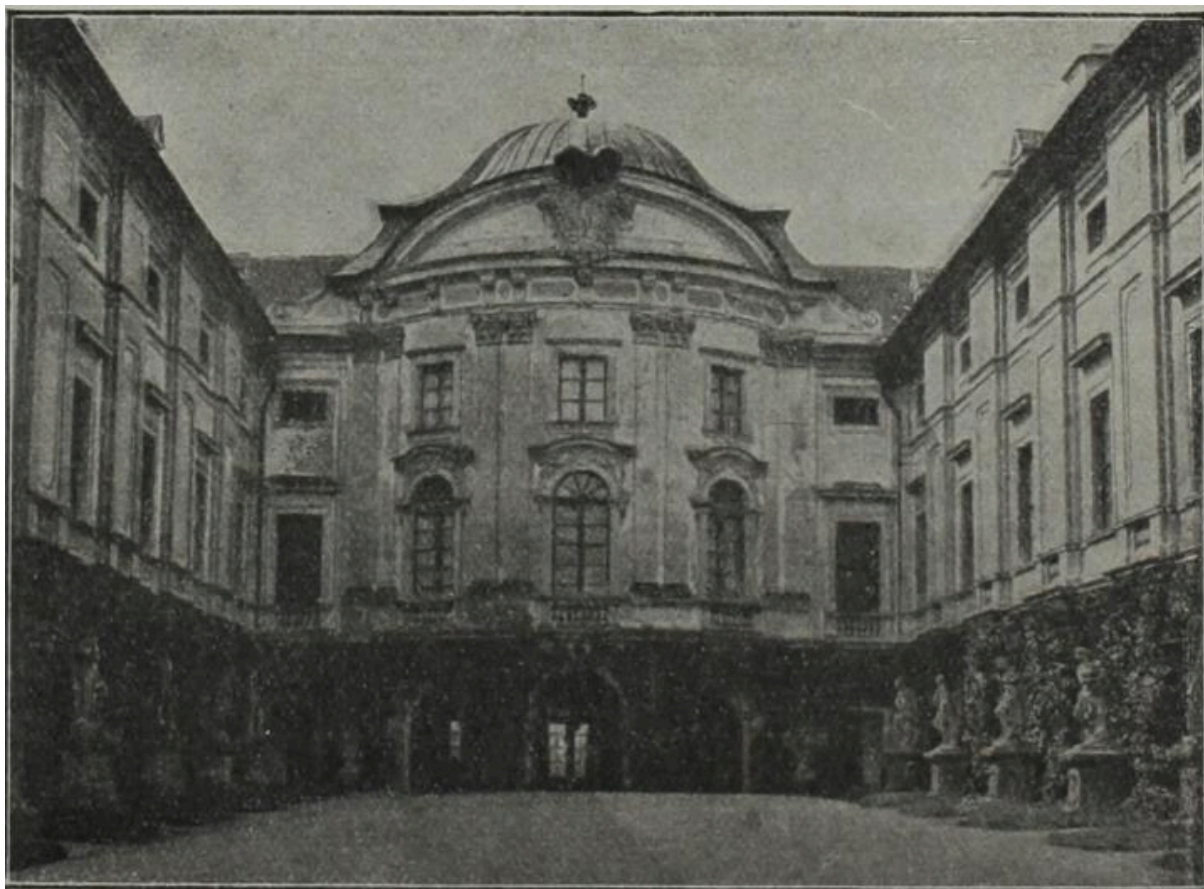
Потери австрийцев погибшими, ранеными, пропавшими без вести и пленными составляли не меньше 5922 солдат, потери русских 21 000 солдат, из них 15 000 пленными. Две трети артиллерии были уничтожены. Все потери союзников составляли более 27 000, среди них 9 генералов и 273 офицера! Кроме того, армия лишилась 186 орудий, около 400 зарядных ящиков, большей части обоза и 50 знамён.

Французские потери тоже были значительными, по их собственным сообщениям более 9000 ранеными и мёртвыми, в том числе 9 генералов.

На поле битвы Славковской осталось до 10 000 мертвецов, офицеров и простых, австрийских, русских и французских.

Вечером 2 декабря, в годовщину провозглашения Наполеона императором, солдаты поздравили его букетом, составленным из сорока знамён, отбитых в боях.

3 декабря Наполеон поселился в великолепном, достойном королей замке Славковском, принадлежавшем графам Кауниц, в глубоком крепостном рву которого ещё недавно прогуливалось прекрасное стадо ланей. Ложе, на котором спал Наполеон, стояло раньше в нише другой комнаты, и посетители из Франции выдёргивали себе шёлковые нити из его покрывала на память о своём императоре Наполеоне.

Замок графов Кауниц в Славкове (Аустерлице).

Наполеон поблагодарил войско победителей своим знаменитым бюллетенем, в котором честь своего пребывания в замке Славковском — Аустерлицком — назвал сражение 2 декабря, его сороковое и наилучшее, Аустерлицким, тогда как солдаты прозвали его битвой трёх императоров, или битвой годовщины (со дня коронации).

Дневной приказ Наполеона звучал:

«В Аустерлице, 3 декабря.

Солдаты, я доволен вами: в день Аустерлица вы осуществили все, чего я ждал от вашей храбрости. Вы украсили ваших орлов бессмертной славой. Армия в 100 тысяч человек под начальством русского и австрийского императоров меньше чем в четыре часа была разрезана и рассеяна. Те, которые ускользнули от вашего меча, потоплены в озерах²⁷.

Сорок знамён, хоругви императорской гвардии русской, 120 орудий, 20 генералов, более 20 000 пленных — вот итог этого памятного дня!

Столь прославленная русская пехота, несмотря на численное превосходство, не смогла противостоять вашему натиску и теперь вам не страшен уже никакой противник. Так была в два месяца эта третья коалиция побеждена и уничтожена. Мир уже недалёк, а я исполнил обещание, которое дал своему народу, прежде чем перейти Рейн: я заключу только такой мир, который обеспечит нам гарантию безопасности, а нашим союзникам вознаграждение.

Солдаты! Когда народ французский возложил на мою голову императорскую корону, я полагался на вас, чтобы удерживать её в том блеске славы, за который я её ценил. Однако в то же время наши неприятели хотели её омрачить и унижить, хотели вынудить меня возложить эту железную, добытую кровью стольких французов корону на головы наших злейших врагов: пустые и бессмысленные замыслы, которые вы разрушили и предали позору в самый день годовщины коронации вашего императора. Вы доказали им, что легче бравировать и угрожать нам, чем победить нас.

Солдаты! Когда я довершу то, что необходимо для счастья и блага нашей родины, я приведу вас обратно во Францию, там вы будете предметом моей нежнейшей заботы. Мой народ радостно встретит вас, и достаточно будет кому-нибудь из вас сказать: «Я был под Аустерлицем», чтобы ему ответили: «Вот герой!»

Наполеон».

Кроме того, Наполеон издал следующий приказ:

«Великая армия — Главный штаб.

Штаб-квартира в Брно, 8 декабря 1805.

Дневной приказ.

Из императорского лагеря под Аустерлицем, 7 декабря 1805.

Мы, Наполеон, император Франции и король Италии, постановили и указали следующее:

²⁷ Первый абзац приводится по книге Евгения Тарле «Наполеон».

Параграф первый: Детей французских генералов, офицеров и солдат, павших в битве под Аустерлицем, я принимаю за Своих.

Параграф второй: все они будут содержаться и воспитываться за Наш счёт; мальчики Нашем императорском дворце Рамбуйе, девочки в нашем императорском дворце Сен-Жермен.

Параграф третий: кроме своих имени и фамилии они будут иметь право носить имя Наполеон.

Параграф четвёртый: гофмаршалу Своего дворца и главному интенданту Своей короны поручаем исполнить это постановление, особым приказом по армии объявил и в кодекс включил.

Наполеон.

По приказу Наполеона генерал-майор маршал Бертье.

Брно после битвы.

На брненских улицах в день битвы было час от часу оживлённее, город наполнялся скорбью и ужасом. С поля боя, выглядящего жутко и неопишимо, до самого города по всему тракту шёл единый поток пленных и раненых. Пленные русские, по большей части раненые, были размещены в замке Шпильберк, в храмах: Доминиканском, Иезуитском, на Петрове и в школах. Когда Шпильберк был переполнен, они разбивали лагерь в глубоких крепостных рвах, где ночной порой полыхали огромные костры, у которых грелись люди. Захваченные русские пушки стояли рядами на Большой площади. Все больницы, монастыри и фабрики были переполнены ранеными, по большей частью французами; в одной только забрдовицкой больнице лежало более 1500 французов. Бедные русские пленники спускали из окон на верёвках свои каски и шапки, чтобы собирать подаяние продуктами и спастись от голодной смерти. Сострадательные горожане клали им туда хлеб, фрукты и похлёбку. Все сословия состязались в заботе о раненых, и многие стали жертвами своих благородных милосердных усилий. Ангел смерти собрал богатую жатву!

В частности, несколько миноритов умерло, ухаживая за ранеными. Смертность росла с каждым днём, грозила страшная эпидемия и нужда. Такого грустного рождества в Брно до тех пор не бывало. Ещё 21 декабря на поле боя лежало около 100 тел человеческих и несколько сот лошадиных.

Четыре русских солдата, потерявшие в сражении ноги, дотащились в таком жалостном состоянии из Сокольников до Туржан. Они бы и до Брно хотели так доползти; ведь в селениях у поля битвы нужда была ещё горше, а помощь намного скуднее, чем в Брно. Даже французские солдаты, стоявшие после битвы на квартирах в Брно, падали духом, думая об огромных потерях, которые понесли их ряды, о смерти стольких товарищей, видя столько замёрзших и немощных, к тому же изнурённых непрерывными походами.

На Капустном рынке стояло несколько раненых русских и австрийских солдат. Их глубокие раны будили сострадание горожан, которые их сочувственно обступили. Это заметил французский солдат. «Глядите, — заорал он на обывателей, — глядите на этих убогих, на их окровавленные измождённые лица, они выглядят как мученики». Он выругался и, ударив ружьём о мостовую, злобно проворчал: «А всё из-за этих англичан». Общее несчастье примиряет и тех, кто сходилась, как враги на поле боя. Но часто бывает и наоборот.

В одной больнице лежали двумя рядами на одной стороне французы, на другой русские. По полутёмным проходам свободно проходил смотритель — несколько тяжело раненых отходили. Умирили тяжело, ведь умирали по весне, в полном расцвете своей жизни; особенно жестокой была борьба со смертью одного молодого, миловидного русского солдата. Видимо, он мужественно сражался, раз получил столько ран. Его смертный хрип сильно беспокоил его старшего товарища, лежавшего рядом. Возможно, они были земляками или даже родственниками. Глубокая боль отражалась на лице старшего, когда он слышал стоны умирающего. А через несколько мгновений после того, как молодой скончался, выражение лица старшего солдата резко переменилось, его глаза вспыхнули — а поскольку он был ранен только в руку, быстро вскочил и, оглянувшись вокруг себя, яростно набросился на одного француза, кусая его за плечи, как будто хотел отомстить за смерть своего верного товарища. Вызванный военный лекарь, старик, уверял, что никогда ничего подобного не встречал.

Похороны умерших не создавали больших трудностей. Выкапывали шахту и складывали в неё. Умершие в больнице в Лужанках были похоронены в братских могилах поблизости, у выхода из Лужанок в Чёрное Поле²⁸.

Раненых в Брно было так много, что Брненский магистрат обратился с особым предписанием с 6 декабря 1805 года в управу Хрлицкого имения, чтобы впредь не посылали раненых в Брно, поскольку всё уже переполнено — иначе раненые будут отправлены обратно на попечение Хрлицкого имения.

Некоторые моравские города, например, Вел. Мезиржичи, Йиглава и др. послали пожертвования в пользу нуждающихся раненых и госпиталей.

6 декабря в Брно умер французский генерал Валюбер, которому в битве раздробило ноги. Тяжелораненого принесли с поля боя на носилках пленные австрийские солдаты эрцгерцога Людвига. На Большой площади к носилкам бросился французских гренадёр с горестным криком: «Генерал, Вы ранены?» Генерал молча подал ему с носилок руку. Валюбер умер в доме барона Хлумецкого, на нынешней Рудольфской²⁹ улице. Он был очень торжественно похоронен утром в воскресенье 8 декабря, отпевание прошло в храме Божиим св. Якуба; из-за этого не проводилась литургия. Говорят, что французские офицеры и гвардейцы во время печального обряда в костёле ходили с покрытой головой, как в трактире, к огорчению всех присутствовавших. Общего салюта не было, но солдаты, идя по двое в ряд, по очереди стреляли над могилой. Генерал Валюбер был похоронен на городском кладбище возле нынешнего памятника епископу фон Штуфлеру³⁰.

Что некоторые раненые русские были французами заживо на поле боя похоронены, как написано в одной в остальном серьёзной монографии в музее императора Франца в Брно, — мы не верим.

Жителей Брно сильно занимала судьба пленного офицера русской гвардии, которого французы вечером в день битвы привели в город. В жарком бою с французской гвардией генерала Раппа он случайно заметил офицера французского штаба, которого по многочисленным знакам отличия принял за Бонапарта. Русский офицер с усиленной яростью бросился на него, оба жестоко бились. Тщетно француз пытался уйти от русского, и вскоре испустил последний вздох у его ног. Русский офицер, утомлённый дракой и покрытый ранами, был обезоружен и взят в плен.

Когда его привели в Брно, в его движениях чувствовалась большая радость. Хотя он истекал кровью и был бледен, восторг, что он победил Бонапарта, удерживал его силы. По дороге он радостно кричал, любезно приветствовал прохожих, повторяя: «Буонапарте, Буонапапрте!»

Так он дошёл до больницы, и только там от товарищей узнал о своей ошибке. В этот момент бедняга с последними силами потерял и сознание, и несколько дней лежал, как мёртвый. Выжил ли он, неизвестно.

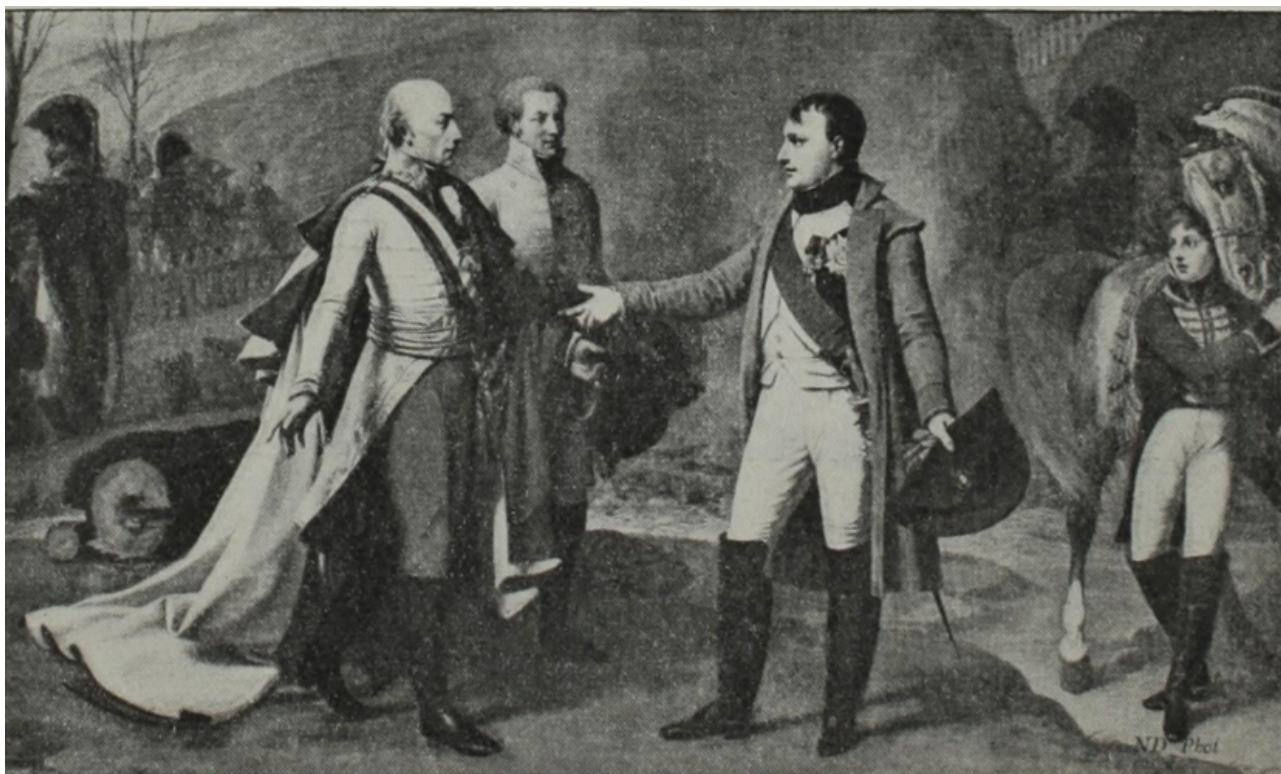
²⁸ Впоследствии братские могилы были перенесены на Центральное кладбище города Брно — NB.

²⁹ Сейчас улица Чешская (Česká) — NB.

³⁰ Сейчас на месте бывшего кладбища разбит городской Тыршув сад, и памятник епископа там не сохранился, в отличие от памятника генералу Рожеру Валюберу — NB.

Встреча двух императоров у Жарошиц

Страшнее, чем гибель людей, был моральный упадок после поражения. Император Франц был вынужден для общего блага просить у победившего Корсиканца о встрече и предлагать перемирие. Встреча обоих государей, о которой вскоре после битвы договорился с Наполеоном на Позорицкой почте достойный князь Лихтенштейн, состоялась 4 декабря пополудни между Жарошицами и Наседловицами у Спаленой мельницы (или у Спаленце), возле флангов французских и австрийских.

Антуан-Жан Гро. Встреча двух императоров, Франца I и Наполеона I после Аустерлицкого сражения.

Император Франц приехал из Чейча с князьями Лихтенштейном и Шварценбергом. Наполеон, ожидавший императора с двумя маршалами, пошёл навстречу Францу прямо к повозке, обнял его, и, указав на палатку у костра, сказал:

— Вот палаты, в которых из-за Вашего Величества мне приходится жить уже два месяца.

На что император Франц ответил:

— Однако, в этом жилище Вам всё удаётся так превосходно, что, полагаю, у Вас нет причин на меня гневаться.

Беседа продолжалась полтора часа в дружеском тоне. Оба государя зашли в светлицу, однако, из-за неприятного запаха вышли наружу. Так они беседовали под открытым небом, сидя на чурбачках у разложенного костра, возле семи лип и большого красного деревянного креста у пруда. На расстоянии выстрела стояли генералы, примерно в двадцати шагах два мельниковых сына. Наполеон согласился на перемирие, однако при условии, чтобы русская армия быстро покинула австрийские земли указанным направлением, мир с Россией он сам

устроит позднее. Пусть император Франц пошлёт своих уполномоченных в Брно, чтобы заключить сепаратный мир.

Одна из памятных лип у Спаленой мельницы до сих пор стоит в ограде новой усадьбы, раскинув у Годонинского тракта свои могучие тенистые вековые ветви. Народ называет её «исторической липой»³¹.

В честь встречи двух императоров у Жарошиц во Франции была отчеканена медаль. У Славиковиц, где дядя императора Франца I, император Йозеф II распахал борозду на поле крестьянина Антонина Трнки, моравские строители поставили большой железный памятник. А в краю Жарошицком, где наш дорогой государь Франц после великой битвы Славковской заключил перемирие, нет даже небольшого знака благодарности!...

Затем Наполеон отправил генерала Савари в Голич к Александру, чтобы узнать, согласен ли российский император с капитуляцией, которую его именем заключил император Франц. Войско Александра лишилось артиллерии, обозов и было в страшном беспорядке. Генерал Мерфельд был отогнан от Годонина маршалом Даву, и русские были окружены со всех сторон.

Князь Чарторыйский провёл генерала Савари к императору.

— Скажите своему государю, что мы уходим, он сотворил чудо, — сказал император Александр. — В день битвы моё восхищение им выросло: он избранник небес, и моей армии нужно ещё сто лет, чтобы сравняться с его войском. Я впервые был в сражении, и должен признать, что его быстрые манёвры не давали мне возможности оказать помощь тем отрядам, которые он атаковал: вас всюду было вдвое больше, чем нас.

— Сир, — ответил генерал Савари, — Ваше Величество неверно информировали. Ваше войско имело численное превосходство в 25 000 над нашим; ещё три дивизии нашей пехоты даже не участвовали в бою. Правда, мы много маневрировали: одна и та же дивизия наступала последовательно разными направлениями, это нас весь день и приумножало.

Это мастерство ведения войны; император, который был уже в сороковой своей битве, им никогда не пренебрегает. Он мог бы из тех, кто не побывал в сражении, составить такое же сильное войско, как то, что сражалось позавчера, и выступить против эрцгерцога Карла, если бы всё не было кончено. Остальное зависит от Вашего Величества.

— О чём идёт речь? — спросил Александр.

— Сир, я бы хотел узнать, примет ли Ваше Величество условия, о которых договорились император австрийский с императором Наполеоном в той части, которая Вас касается.

— Да, принимаю, — ответил Александр. — Если император Австрии согласен со всем, что ему обещано, я также согласен; у меня не было собственных интересов.

— Мой император поручил мне передать, что он желает, чтобы армия Вашего Величества покинула австрийские земли кратчайшим военным путём и проходила ежедневно столько, сколько проходит войско на марше.

³¹ Теперь уже на этом месте растут молодые липы, а ствол «исторической» липы хранится в музее в Жарошице. - NB

— Пусть будет так, — согласился русский император. — Но каких гарантий хочет Ваш государь, и какие гарантии буду иметь я сам, что, пока Вы здесь остаётесь, Ваши войска не выдвинутся против меня? Я в безопасности?

— Император предвидел это возражение.

— Так каких гарантий он требует от меня?

— Государь, император поручил мне просить Ваше Величество дать честное слово, и распорядился, чтобы получив его, я отправился к корпусу генерала Даву, чтобы остановить его.

— Даю Вам слово, — сказал успокоенный Александр, — и немедленно приготовлюсь исполнить то, о чём мы договорились.

Русский император ночью с 4 на 5 декабря покинул Голич, а через два дня после его отъезда русское войско отправилось тремя колоннами — на свою родину.

Картины бедствий после битвы

После сражения французы совершенно потеряли человеческий облик, пустившись, как безумные, во все тяжкие. Ни храмов, ни святынь они не жалели. Упомянем, для примера, только приходы: Ивановский, Швабенский, Новогвездлицкий, Славковский, Кржижиновский, Твароженский, Тельницкий, Позорский, Немчицкий, Дрновский, Дедицкий и пр. В Тельнице, Менине и пр. пострадали даже священнослужители!

И протокола Дравовского прихода:

«2 декабря была битва у Славкова.

4 декабря явился ко мне французский император Наполеон с пятью офицерами; он не хотел поселиться наверху, вместо этого остался внизу в людской. Я приготовил им ужин. Однако, поскольку ни в доме, ни в селе не было вина, я послал за ним в соседние деревни. За ужином тогда пили воду. Только после ужина один из посланных принёс несколько жбанов пива, которым они удовольствовались. Во время ужина потихоньку прибыло больше ста человек гвардии, которые спали все в одной комнате на первом этаже.

5 декабря император со всеми сопровождающими в полной тишине уехал.

6 декабря французы меня ограбили. Обошли все комнаты, амбары, погреб и кладовые, и, забрав всё бельё, забили всю птицу и скот, которые у меня ещё оставались, и, сложив на мою телегу, ушли. Так я потерпел ущерба, равным счётом, на 1000 зл., а платы — никакой».

В домашней хронике Позоржицкого прихода пишет достп. патер Микулаш Квапил помимо прочего так: «...Линия фронта проходила от Позоржиц к Голубицам, Тварожне, Уезду, Сокольницам и Тельнице. Бой окончен в два часа пополудни решительным успехом французов, которые поразили центр армии союзников у Праце.. После своей победы здесь и в других местах французская армия бесчинствовала без жалости. Увели много лошадей. У меня забрали 149 сосудов вина, 2 коней, 12 свиней, 3 коров и всю одежду, 200 зл. денег наличными, перины и т. д. Вход в храм Господень был взломан, украдены все белые одежды, серебряная чаша, дароносица и прочее. Тяжкие страдания достались нам, но Бог те испытания сократил...»

И протокола Жданицкого прихода извлечём кратко: «После битвы Славковской, чей гром артиллерии мы слышали целый день, 4 декабря к нам прибыло 300 французских кавалеристов с полковником и несколькими офицерами и остались у нас до утра 7 декабря. Этот день был одним из ужаснейших дней за всю войну. Едва уехали кавалеристы, из Архлебова явилось большое число так называемых мародёров, которые тут же начали грабить, жечь, разбойничать и стрелять в нас. Отряд кавалерии, который генерал Бернадот послал для охраны нашего бедного местечка, ещё увеличил число грабителей и разбойников. Они вели себя совершенно бесчеловечно. Опустошив всё, они уносили и увозили то, что ещё оставалось, а что увезти не могли, то просто портили. В винных погребах нашего, Брумовского и Ловчицкого приходов, инспектора, старосты и ездового за три дня выпили больше 150 вёдер вина, однако ещё больше просто разлили, так что только на упомянутом вине нанесли ущерба как минимум на 40 000 зл. Местечко наше совершенно опустело; большая часть жителей бежала в ближайшие тёмные леса. Последние французы ушли от нас только 6 января 1806».

Из домашней хроники Тельницкого прихода: «После битвы многочисленные французы ворвались в Тельнице, всюду творя разбой. В приходе взяли двух лошадей, 4 коровы, телёнка, 16 голов чёрного скота, всю птицу, из погреба 44 ведра вина, 200 мер овса и сено, все продукты, одежду и всякое белье, приходской священник лишился также шубы, рубашки и обуви. Из-за большого числа жильцов и из-за сурового обращения генерала Вандама пришлось священнику уйти из приходского дома в костёл, где он спал на холодной кафедре. Не в силах дальше выносить неудобства, он ушёл к селянину Карлу Шустру, №40, к своему счастью. Потому что в ту же ночь французы вломились в костёл, вышибив двери, и ограбили его. Кроме того, священник лишился всех хозяйственных принадлежностей: телеги, плуги, бороны, мебель, дрова и хозяйственные постройки, всё после битвы обратилось в пепел. Ущерб был для него тем чувствительней, что приход он получил только 10 марта 1805 и для этого влез в большие долги.

Вследствие жестокого обстрела в костёле не только были разбиты все окна, но и в сводах появились большие трещины. Костёл был укреплён прочными стяжками и восстановлен за счёт пожертвований его сиятельства графа Франца Дитрихштейна.

Кроме вышеупомянутых трёх генералов, Вандама, Левассёра и Варрэ, в Тельнице после битвы побывали Мюрат, Сульт, Сент-Илер, Бернадот и другие. В Тельницкий трактир принесли 68 раненых русских, из которых в живых осталось только 6; остальные умерли и были похоронены за трактиром. Ещё интересно, что в этой великой битве участвовало трое императоров: французский Наполеон Бонапарт, австрийский Франц I и русский Александр со своим братом Константином».

Дальше в хронике упоминается встреча императоров у Спаленой мельницы у Жарошиц, а завершается словами: «При всей нужде и несчастьях в Тельнице умерло немного жителей, хотя было много больных».

Латинская домашняя хроника Райградского прихода сообщает нам интересные известия о вторжении французов на Мораву в 1805 г. и о битве трёх императоров у Славкова.

«Вскоре после объявления войны удача покинула австрийское оружие; так Наполеон в краткое время дошёл со своей армией до Вены, где не задержался надолго, а пошёл на Моравию. 19 ноября неприятель приветствовал Райград непомерными запросами; ведь уже в первый день потребовали для 30 000 солдат кавалерии и пехоты хлеб, вино, овёс и сено.

2 декабря свершилась вблизи Райграда (у Менина, Тельнице, Сокольниц, Кобельниц и т. д.) битва, из которой французы вышли победителями. В тот же день в монастырском храме Господнем было заперто 1500 пленных русских, а в монастыре устроен госпиталь, в котором ухаживали за больными и ранеными французами аж до 28 февраля 1806 г.

Многие солдаты по их просьбе получили святое причастие от П. Жерара Лефевра, урождённого француза, который уже несколько лет жил в Райграде. Ему охотно помогал здешний приходской священник П. Петр Сейтл, уроженец Славкова, который, однако, сам подхватил заразу и 1 января 1806 г. отошёл к Господу».

Вышеупомянутый приходской настоятель П. Петр Сейтл вплоть до 8 декабря усердно записывал все местные события в приходскую домашнюю хронику, из которой процитируем следующее:

«17 ноября через Райград по направлению к Брно и Туржанам непрерывно шли австрийские и русские войска в такой спешке и суматохе, как будто французы следовали за ними по пятам. Русские, наши союзники, брали, что могли, причинив местным жителям и нам ущерб на 5000 зл. Ночью 19 ноября перед своим уходом сожгли новый деревянный мост через реку Шварцаву, который мы поставили за три года перед тем, стоимостью 400 зл., и под страхом смерти запретили горящий мост гасить.

В тот же день, 19 ноября, похоронив одного умершего русского солдата, я уже заметил в местечке трёх французских кавалеристов. Они поблагодарили, когда я их любезно приветствовал. За полчаса мы видели, как по императорскому тракту к Брно промчалось более 2000 французской кавалерии, разделённой на четыре взвода. Начались тяготы войны, для нашей родины и для нашего милого Райграда весьма губительные.

Подошло последнее воскресенье после св. Духа — 24 ноября. Мы отслужили святую мессу без проповеди; сразу же после службы все верующие поспешили домой. Число больных росло день ото дня, пятерых я навещал в тот же день в Ребешовицах со страхом и боязнью, однако с твёрдой верой в помощь Божью и присутствие Христова в Святая Святых алтаря. Возвращаясь домой, я видел, как французы тем временем уводили двух прекраснейших коней почт. аббата, ограбив уже перед тем монастырь на 19 лошадей. Райград и соседние деревни были полны французами. В прелатуре жило 19 офицеров, монастырь покуда пощадили.

Вечером 25 ноября почт. аббат получил охрану, вооружённого французского кирасира, который днём и ночью сторожил двери его кельи; зачем, никто из нас не знал.

1 декабря, в первое воскресенье Адвента, днём приехало 300 человек французской кавалерии с офицерами, которые, угрожая смертью жителям местечка, положили нам разные реквизиции. Офицеры этого отряда, числом 30, получили угощение в прелатуре, после чего уехали к Туржанам. Беспokoйство того дня в Райграде было таково, что похороны умершей Марии Метелковы пришлось перенести на другой день.

Сурово обошёлся в тот день Бог со своим народом, который, покинув свои дома, скрывался в ближайшем лесочке.

А ужасы дня 2 декабря — дня битвы — невозможно передать словами. Около восьми часов утра через Райград по направлению к Туржанам проехало 8000 кавалерии и пехоты, в девятом часу началась грозная и кровавая битва Славковская, и длилась до четвёртого часа пополудни. Весь день можно было слышать только бряцание оружия и рёв грохочущих пушек, так что дрожали основания здания нашего монастыря. В половину третьего пополудни в наш монастырь привезли множество раненых французов, на их ужасные раны мы и взглянуть не могли. Оказывая раненым всевозможные проявления деятельной любви, мы подносили им масла и вина. Со всех постелей в прелатуре раздавались крики раненых, многие из них умирали без какого-либо признака раскаяния и сокрушения сердца.

Около 6 часов вечера в монастырь привели пленных русских, которые были на ночь без еды и питья заперты в храме Господнем.

3 декабря также были слышны отдалённые выстрелы. В тот же день умерли пять раненых французов, из них двое были похоронены в общей могиле с Марией Метелковой, а остальные три в монастырской ограде.

Из раненых, которых было больше 300, никто не проявлял духа раскаяния, хотя я навещал их ежедневно в 8 часов утра.

4 декабря храм Господень был очищен, а Святая Святых перенесена из ризницы в скинию. Из раненых многих отвезли в Густопече, а других снова привезли.

Ранним утром 5 декабря колёсных дел мастер Йиржи Покорны принёс мне печальное известие, что костёл св. Креста в местечке был ночью разграблен французам; забрали серебряный дискос, серебряные сосуды для масла и богослужebные облачения; скинию со Святой Святых однако то ли из почтения, то ли из страха пощадили. В тот же день я перенёс святыню под охраной трёх солдат в монастырский храм Господень. Также мне удалось исповедовать нескольких раненых. Были то поляки, служившие в русской армии и тяжело раненые в сражении.

Райградские жители были за то краткое время доведены до нищеты.

7 декабря П. Жерар Лефевр навел несколько раненых французов, из них один сержант 8 декабря умер и был по его желанию мною похоронен по католическому обряду в монастырской ограде».

До этих пор писал, как выше указано, приходской настоятель П. Петр Сейтл. Он не догадывался, что так скоро умрёт. Вероятно, он уже хворал, когда вёл эти записи. Продолжил их помощник П. Бернард Пивонька:

«12 декабря в больнице Райградского монастыря умер Жан Дюма, ромистр 40-го полка, и на следующий день его похоронил на кладбище дп. приор Бонифаций Келлер при содействии почти всей братии.

В 1809 г. французы второй раз пришли к нам и стояли в Райграде и окрестностях от 13 июля до 4 ноября. На этот раз Райградский монастырь понёс ущерб свыше 100 000 зл.»

Жители Моутниц, выгнав скот в чистое поле, во время битвы попрятались в Шитборжицких и Дивацких лесах. Когда же через два дня вернулись, старики, остававшиеся в селе, рассказали, что отступавшие русские ходили из дома в дом и всё грабили. А наступающие за ними французы, говорят, оставили всех в покое.

Немало пострадала перед битвой и после битвы деревня Блучина. Старики рассказывали, что французские солдаты перед сражением ходили в чулках. Эта народная повесть показывает осторожность французов перед битвой.

Немилосердным реквизициям как перед битвой, так и после битвы, подверглись и имение и город Босковице, Черна Гора, Боротин, Летовице, Йевичко и др.

Из одной рукописи приведём две короткие грустные цитаты:

«В одной деревенской хижине нашли мы саблю умершего здесь русского гусара. Пытаясь защитить в жестокой сече своего командира, бедняга потерял левую руку, зато правой разрубил голову французскому офицеру. Он остался на поле боя, покрытый пятнадцатью ранами, и только к вечеру с помощью своих товарищей добрался до хижины. Оставив его, они пустились в бегство. В ту же ночь он умер, жалея только о гибели своего доброго командира».

«Через шесть недель после битвы я навестил поле боя — всюду ещё ужасные следы пролитой крови. Многочисленные холмики свежей глины свидетельствовали о бессчётных могилах. Всюду различные остатки разбитого оружия, разорванных одежд, на которые не польстились даже нищие. Из многих и многих мест мы как можно скорее убегали из-за невыносимого запаха плохо зарытых гниющих конских туш, на которых устраивали свои богатые погребальные пиршества вороны и грачи. Ах! Мы видели тут и там и части тел павших или замёрзших бойцов, обглоданные черепа, кости, рёбра и т. д.»

Пресбургский мир.

Только 6 декабря 1805 было заключено перемирие между Наполеоном и императором Францем на твёрдых условиях, за демаркационную линию установлена река Морава; Наполеон перенёс 7 декабря свою штаб-квартиру в Брно, после чего был заключён мир. Сражения повсюду были остановлены. Наполеон, который с 12 декабря жил в Вене, добился заключения договора с Пруссией в Шённбрунне (Гаугвиц), в котором обещал уступить Пруссии Ганновер в обмен на владения рода Гогенцоллернов (Ансбах, Клеве, Нёшатель).

Наконец принесла голубица пальму мира — 26 декабря был заключён между Францией и Австрией Пресбургский мир, при котором миродержец Наполеон мерил право только длиной своего меча. Он был совершенно безжалостен, и как верно заметил в своих «Представителях человечества» Р. В. Эмерсон, лишён всякого благородного чувства. Для Наполеона было позволено и справедливо всё, чего требовал его собственный интерес и успех; потому-то на его могиле едва ли люди будут проливать слёзы!

Славковская битва только теперь обрела своё историческое значение. Насколько хорошо французы вели военные действия, настолько успешны были для Наполеона их результаты.

1. Австрия должна была уступить а) земли Венецианские, полученные по условиям Кампо-Формийского мира, Итальянскому королевству; признавая Наполеона королём Италии и соглашаясь, чтобы Франция сохранила занятые территории; б) Тироль с епископствами Бриксен и Трент Баварии; в) владения в Швабии Баварии, Вюртембергу и Бадену.
2. Брейсгау было отобрано у эрцгерцога Фердинанда без какого либо возмещения и передано Бадену.
3. Австрия утрачивала земли Зальцбурга и Берхтесгаденера, за них эрцгерцогу Фердинанду Тосканскому было дано епископство Вюрцбургское.
4. Курфюрсты Баварии и Вюртемберга были признаны королями, а маркграф Бадена — курфюрстом.

Россия оставалась в состоянии войны с Францией. Всего Австрия потеряла 1100 квадратных миль земли, 3 миллиона населения и 14 миллионов золотых дохода.

Прежде, чем покинуть Вену, Наполеон опубликовал два обращения, одно к жителям Вены, другое к своим солдатам.

«Солдаты!

Мир между мной и австрийским императором подписан. Вы провели за прошлую осень две кампании, вы исполнили всё, чего я от вас ожидал.

Я уезжаю в нашу столицу.

Я повысил и наградил тех, кто наиболее отличился: я исполняю всё, что вам обещал.

Вы видели своего императора, разделяющего с вами все опасности и все тяготы. Хочу, чтобы вы видели его также в блеске величия, который подобает государю величайшего народа на свете!

В первых числах мая в Париже я устрою великое празднование; вы все будете на нём. А потом пойдём туда, куда призовет нас благо нашей родины и нужды нашей славы!

Солдаты! Будьте образцовой армией в те три месяца, которые займёт у вас возвращение во Францию. Вам надо доказать уже не свою доблесть и неустрашимость, но строгую дисциплину.

Пусть у моих союзников не будет повода жаловаться на ваш поход, а когда вернётесь в нашу святую землю, ведите себя, как дети в окружении своей семьи; мой народ примет вас, как своих героев и защитников.

Солдаты! Я с радостью предвкушаю, как встречу вас, собравшихся возле моего дворца, и уже заранее я нежно тронут; восславим память тех, кто погиб в этих двух кампаниях на поле чести, и свет увидит, что мы готовы следовать их примеру и снова исполнить то, что мы исполнили, против тех, кто хотел бы напасть на нашу честь, или кто соблазнился бы на золото наших вечных неприятелей на суше!» —

В благодарность Господу за заключение мира в воскресенье 5 января 1806 в Брно на Петрове была проведена праздничная служба *Te Deum*, к которой и французские генералы — хотя, говорят, с опозданием — пришли с музыкой. В школах, которые были закрыты во время войны, учёба началась 1 февраля, а в Брно и Оломоуце, где в школьных зданиях размещались госпитали, 24 февраля.

8 февраля 1806 года бургомистр Брно Ян Чиканн, который во время пребывания французов в Брно постоянно хворал, издал указ, что «согласно высочайшему распоряжению, которое дошло до магистрата, должны брненские жители всё оружие, австрийское, французское и русское, сдать в ратуше за вознаграждение, где для этой цели будет присутствовать один офицер. За сданное ружьё плата 30 кр. У кого оружие будет найдено позже, тот будет подвергнут строгому, в том числе телесному наказанию».

Подобный указ был опубликован и в имени Хрлицком, и подробная опись сданного оружия со всего имения сохранилась в Хрлицком архиве.

Последние французы покинули бедный брненский край 12 января 1806, чтобы вновь навестить его летом 1809 г.

Брненскому городскому ополчению, сохранившему во время пребывания французов особую доблесть и верность, император Франц даровал почётную ленту с надписью «На память о проявленной верности горожан от их владыки Франца I. 1807».

А то «солнце Аустерлица», которое вышло для Бонапарта — сына войны — над полем боя, могло бы оно оставить его сны и воспоминания о славе, когда запертый, как королевский орёл в клетке, стоял он на берегах позабытого острова святой Елены, на границе своей тюрьмы, и смотрел в сторону Европы...? Когда он умер там 5 мая 1821 г. согласно его последней просьбе верный слуга Маршан прикрыл бездыханное тело синим плащом, который Наполеон носил под Маренго, а тело его положили на железную походную кровать аустерлицкую. Чем было Маренго для Наполеона-консула, тем был Аустерлиц для императора.

«Гениальные люди — это метеоры, призванные сгореть, чтобы озарить свой век».
Наполеон.

«Исчезновение великого человека было необходимо для наступления великого века».
В. Гюго.

Прокламация после войны.

После своего возвращения в Брно тогдашний моравско-силезский губернатор граф Проккоп Лажанский опубликовал следующее сердечное обращение:

«Достойные жители Моравии и Силезии!

Прошла пора страданий, великодушный владыка заключил для нас мир. Он не пожалел никаких жертв, чтобы освободить своих подданных от тягот войны. Покой и порядок вновь пришли на место страшных тревог о сохранении своей жизни и собственности. Всё оживляющим трудом, взаимной помощью, неустанной заботой правительства скоро исцелятся военные раны, и Моравия и Силезия вернуться к своему прежнему благополучию и процветанию. С терпением и стойкостью перенося страдания, сохраняя верность Своему возлюбленному государю, все сословия, все слои населения моравского и силезского показали новый пример, что жив ещё патриотический дух их предков, которые отдавали имение, кровь и жизнь за императора, за родину свою.

Наш добрый государь был очевидцем вашего терпения во всех испытаниях, вашей доброй воли при снабжении союзной армии, многочисленных доказательств вашей верности и преданности Своей священной особе. Ваш возлюбленный император убедился в реальной доблести и несломленной верности своих мораван.

Память о вашей верности никогда не погаснет в Его отеческом сердце! О том вас по приказу нашего доброго государя уведомляю, благородные, достойные, верные жители Моравии и Силезии!

Ещё посреди волнений войны неустанно заботящийся о благе Своих подданных государь отдал соответствующие распоряжения, чтобы избежать обычных последствий губительной войны, дефицита и повышения цен. Его первой мыслью после заключения мира было: уменьшить страдания Своих добрых подданных, Его первым приказом: подробно информировать Его обо всех нуждах Его верных жителей Моравии, где требуется немедленная помощь, быстро её оказывать и средства для восстановления благополучия Ему предложить.

Благородные, достойные жители Моравии и Силезии!

Кто из вас после таких доказательств заботы и любви вашего государя не забудет о прошедших страданиях! Кто из вас не смотрит спокойно и радостно в будущее!

Кто из вас не чувствует новые силы, новое мужество, чтобы всё отдать для обеспечения общего блага, для поддержки своих страдающих сограждан!

Я исполнил приказы доброго государя. Я разослал специальных комиссаров, на рвение, знание и честность которых я полностью полагаюсь, чтобы досконально определили нужды жителей и подданных, и подали мне быстрый отчёт о том, где нужна немедленная помощь. Я сам как можно быстрее посещу наиболее пострадавшие области, и заверяю, что каждого потерпевшего ожидает самая быстрая помощь.

Однако с таким же доверием я ожидаю от достойных жителей Моравии и Силезии, что они будут обращаться только за действительно необходимой помощью, что охотно окажут моим посланникам, взаимную помощь, что с радостью меня будут поддерживать в

исполнении приказов нашего доброго государя, чтобы он получил наилучшее вознаграждение своим усилиям: благополучие всех и каждого.

В Брно, 16 января 1806 г.

По Высочайшему приказу Его имп. и кор. Величества:

Прокор, граф Лажанский,
мор.-силез. губернатор

Душечки на поле боя!

Был пасмурный ноябрьский день. В задумчивости шёл я извилистой дорогой, одиноко, не обращая внимания на проходивших мимо крестьян, хотя и они шли, как и я — на кладбище! То был день, посвящённый поминовению мертвых — были душечки³²...

Боже мой! Есть ли кто-нибудь среди нас, кто бы не жалел и не оплакивал кого-нибудь, кто уже там, за стеной кладбищенской спит своим вечным сном! И потому, кто только может, навещает в этот день своего дорогого усопшего, зажигает лампадку у его последнего пристанища и молится усердно и искренне за упокой души его...

И всё же — Бог тому свидетель — знаю кладбище, безграничное кладбище, четыре часа пути в длину, два часа в ширину, знаю кладбище, где покоится более тысячи усопших: сыновей, братьев, отцов — и никто не украшает их могилы, никто не зажигает на их могилах лампы, никто на их могилах не молится...! То забытые могилы павших на широком поле Праценском...!

Кладбище Праценское — поле святое! Свято ты потому, что сам небесный Владыка о тебе печётся! Ибо свет так скоро позабыл о твоих усопших!

Лет 18 назад прошёл слух, что могилы павших в последней русско-турецкой войне русских остались в Болгарии без ухода. Болгарское правительство тут же с возмущением отвергло подобные обвинения. Однако по всей России раздавались призывы: «Давайте выкопаем своих павших, вернём их останки на родину, достойно похороним их в их родной земле!»

Погружён в такие и подобные размышления, брёл я через поле. В задумчивости добрался я до бедной церковки Праценской. Под её сводами гас последний звук душичковой песни: «Упокойтесь в мире!» И я благочестиво за всех павших из глубины сердца помолился:

«Упокойтесь в мире после боя,
верны душечки —
царства небесного голушки!»

Уходя домой, я ещё раз приветствовал ту тихую, просторную обитель павших благочестивым вздохом: «Покой вам! Мы поставим вам памятник и крест, чтобы Спаситель не забыл в день суда ни одного, самого забытого из вас, кто сложил здесь голову за отчизну свою!»

«...Здесь плакал наш государь император», — рассказывал старый церковный служитель, сопровождавший меня к церкви Хлумской на поле Краловоградецкого сражения³³, усеянном лесом могильных крестов и памятников. «Был он у нас на душичках в 1866 г., да, в тот же год навестил нас и долго здесь молился. Там рыдал и плакал... А когда вышел из церкви, мы все плакали, потому что он так горько плакал, наш добрый государь император...»

³² Душечки (dušičky) — чешское народное название Дня поминовения усопших, который отмечается католической церковью 2 ноября. — NB

³³ Битва при Садове или Битва при Кёниггреце (немецкое название Градца-Краловете), 3 июля 1866 г. — самое крупное сражение австро-прусской войны, которое Австрия проиграла, вторая по числу участников (после Битвы под Лейпцигом) в XIX веке. — NB

А кто бы из нас не плакал, навещая поле боя Славковское и не встречая ни одного памятника, ни единого креста на том безграничном кладбище Праценском!

«Пусть ставят памятник победившие французы!» – произнёс кто-то, чтобы нас успокоить, и тут же отошёл. Соглашаемся, но всё же полагаем, что действительный акт милосердия «хоронить мёртвых» дан божественным Спасителем всем людям. Тем более, как учит учитель, проповедует проповедник, воспевает поэт, прекраснейшая смерть — «умереть за родину»!

Я уходил с поля боя — бледный месяц обливал своим серебряным светом тихое, позабытое поле Славковское, и чувство чистейшей радости переполняло моё сердце; я уже видел в душе своей на горе Праценской величественный намогильный памятник с гробницей, в которой павшие будут ожидать своего предсказанного совместного воскресения!...

Чтя мёртвых — давайте не забывать о павших! Не про честь и славу свою, но лишь про честь и славу мёртвых!

Курган мира на поле Славковском.

Сразу после битвы осиротело это огромное Славковское кладбище, на котором в 22 братских могилах покоились павшие воины, «как предписывали законы», сразу после битвы осиротело, и оставалось осиротевшим и забытым целое столетие. Но разве благодарность — не первейшее достоинство человека? Потому в 1899 г. более 60 человек разных сословий основали в Сокольницах у Брно комитет, чтобы достойно похоронить и почтить всех павших воинов «врагов на поле боя — друзей в покое», чьи истлевшие останки до сих пор находят, выпахивают из земли, вытягивают из воды и грязи. В своё время и в Славкове образовался кружок энтузиастов с той же целью, затем было установлено, что на возведение мемориала потребуется 100 000 крон.

Комитет Сокольницкий, будучи противником братоубийственных войн, не хотел ставить воинский памятник, одного только хотел, чтобы на кровавом, заброшенном поле Славковском восторжествовали, наконец, человечность и уважение к мёртвым. Поэтому из предложенных проектов памятника комитет выбрал проект, предложенный на общественных началах архитектором Йозефом Фантой, профессором высшей технической школы в Праге, проекту, которому автор дал предварительное название «Курган мира». В оформлении этого проекта комитет увидел настоящее воплощение своих устремлений, человеческих и христианских.

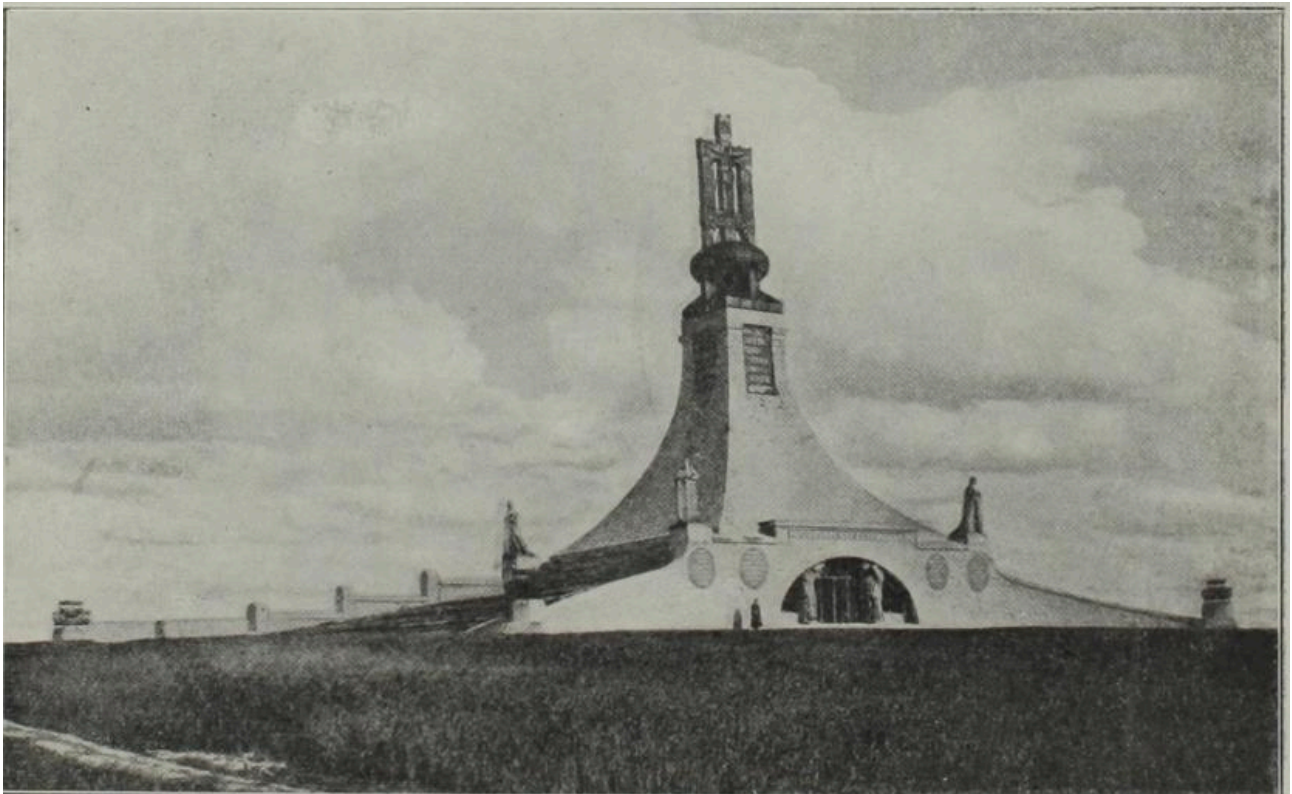
«Посреди славковского поля битвы на 324-метровой горе у села Праце, ключа Аустерлицкого сражения, воздвигнуть высокий мемориал, завершённый массивным крестом, символом мира, под ним часовню с алтарём. На нём будет принесена молитва миру за павших воинов, их тела будут уложены в могилу, где пребудет с ними мир переходящий, и будут для них просить живые о мире вечном».

Курган мира, символ мира, приношение миру, мир погибших воинов, переходящий и вечный...

Начался сбор средств, однако же не публичный; комитет просил только у тех, кто мог дать, и кто должен был дать. Только когда русское военное министерство в 1904 г. выделило великодушный дар в 50 000 крон, Франция в 1906 г. дар в 11 000 крон, а в Австрии собрали более 30 000 крон, предприятие было финансово и морально обеспечено.

Из-за больших размеров мемориала комитет закупил земельные участки щедрых жителей Праце площадью 14 мер, из них 8 мер предназначалось для памятника, прилегающих строений и просторного сада, а шесть мер будет использовать постоянный смотритель мемориала. После проведения закрытого конкурса строительство было поручено проверенной строительной компании архитектора Вацл. Неквасила в Праге и в Брно, и в 1910 г. началось строительство памятника. В виду отсутствия воды на Праценской горе был выкопан колодец для текущих и будущих нужд.

Курган мира, высотой 26 м 30 см от основания, воздвигнутый на горе Праценской, соответствует не только той могиле, вырытой в её основании, куда будут уложены останки павших воинов, но и той огромной могиле, которой стало 2 декабря 1805 г. поле Славковское для воинов трёх европейских держав. Потому четыре его равновеликих фасада постепенно расширяются книзу, занимая прямоугольное основание 19 м в длину, 18 м в ширину.

Курган мира на поле Аустерлицкого сражения.

Интерьер этого мемориала представляет собой кирпичный параболический свод, почти 9-метровой высоты над полом, открытый на запад (к Брно) и богато украшенный, как часовня с мраморным алтарём. В центре часовни, имеющей 10 м в длину и 9 в ширину, встроен оссарий или могила, 3 м в ширину, 5 м в длину, и 3 м в глубину. С правой и левой стороны к этому монументальному центральному строению примыкают ступенчатые изогнутые ramпы, суммарной длины (вместе с памятником) 66 м, заканчивающиеся четырьмя массивными светильниками с железными корзинами для церемониальных костров. Обеими этими ramпами Курган мира как бы врастает в ту кровавую Славковскую землю, на которой умирали славные воины Аустерлица, осеняя не только останки павших воинов, уложенные в гробницу, но и те, что остались разрозненными на всём Славковском поле.

Могила означает покой. Христианскую могилу венчает крест, символ покоя, большую могилу — большой крест, потому вершину пирамиды венчает скульптурная группа, с крестом, опирающимся на земной шар, с барельефами распятого Христа, Девы Марии, Иоанна Евангелиста, Бога-Отца и головы Адама. Эта скульптура имеет форму старохристианского креста. На передней стороне креста в головах Спасителя начертаны слова псалма Господу: «Правда и суд — дело Его». А на задней стороне креста изображён пеликан, символ бога Искупителя, Того, который поит нас Своей кровью, Того, чьей крови мы только и можем жаждать. Далее здесь написаны имена четырёх евангелистов, которые поведали нам об искупительной смерти Спасителя, и, наконец, молитвенные слова «Господи, помилуй нас, Иисусе Христе, помилуй нас». Эта скульптурная группа с крестом, уникальное произведение искусства работы фирмы Франты Аныжа в Праге, отлита из ковanej меди и покоится на железной конструкции, которая весит более 4500 кг и возвышается над каменным зданием кургана на 9 м 80 см.

Под эллипсоидом (земным шаром), из которого растёт искупительный крест, расположены четыре большие медные доски со строфами старохристианского латинского гимна *Dies irae*:

*День суда и воздаянья
в прах повергнет мирозданье.
То — Сибиллы предвещанье.*

*Пробужденный трубным звоном,
бросит мир свой гроб со стоном
и, дрожа, падет пред троном.*

*О, не я ли безрассудный
влек Тебя стезею трудной?
Не покинь раба в День Судный!*

*Боже, дай ему прощенье,
Иисус и Царь благой,
вечный дай ему покой!³⁴*

Над входом в часовню главная латинская надпись из пророка Исайи гласит: «Мои мёртвые воскреснут!» Идея предсказанного воскресения павших здесь мощно перекликается со всем внешним обликом Кургана мира: главная надпись провозглашает воскресение, четыре большие надписи на медных досках описывают это воскресение, а могучий крест на вершине Кургана будит радостную надежду на это славное воскресение!

По обе стороны от входа на четырёх одинаковых эллиптических досках из шведского гранита выгравированы позолоченные посвящения «Памяти австрийских, русских и французских воинов, павших в битве под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.» (на чешском, французском и немецком языках). Русская надпись гласит «Русскимъ воинамъ на полях Аустерлица погибшим г.1805 20 ноября вѣчная память».

У входа в часовню, закрытого железной позолоченной решёткой, стоят две каменные статуи тех, кто более всего потерял у Славкова. Справа страдающая старая мать с закрытым лицом, слева скорбящая жена с венком, символизирующим вечную память, и ветвью липы, старинным даром героям. И здесь оживают в скульптурных образах Боль и тяжкая, близкая могилам Печаль тех, кто более всего горевал после битвы, матерей и жён.

В углах Кургана, над часовней, стоят четыре щитоносца. В щитоносцах отзывается другая нота, гимн богатырям, напоминающий о сражавшихся у Славкова. Мужественные

³⁴ Перевод на русский язык Эллиса. После Второй мировой войны из-за значительных повреждений таблички пришлось снять и заменить новыми с другими текстами. — NB

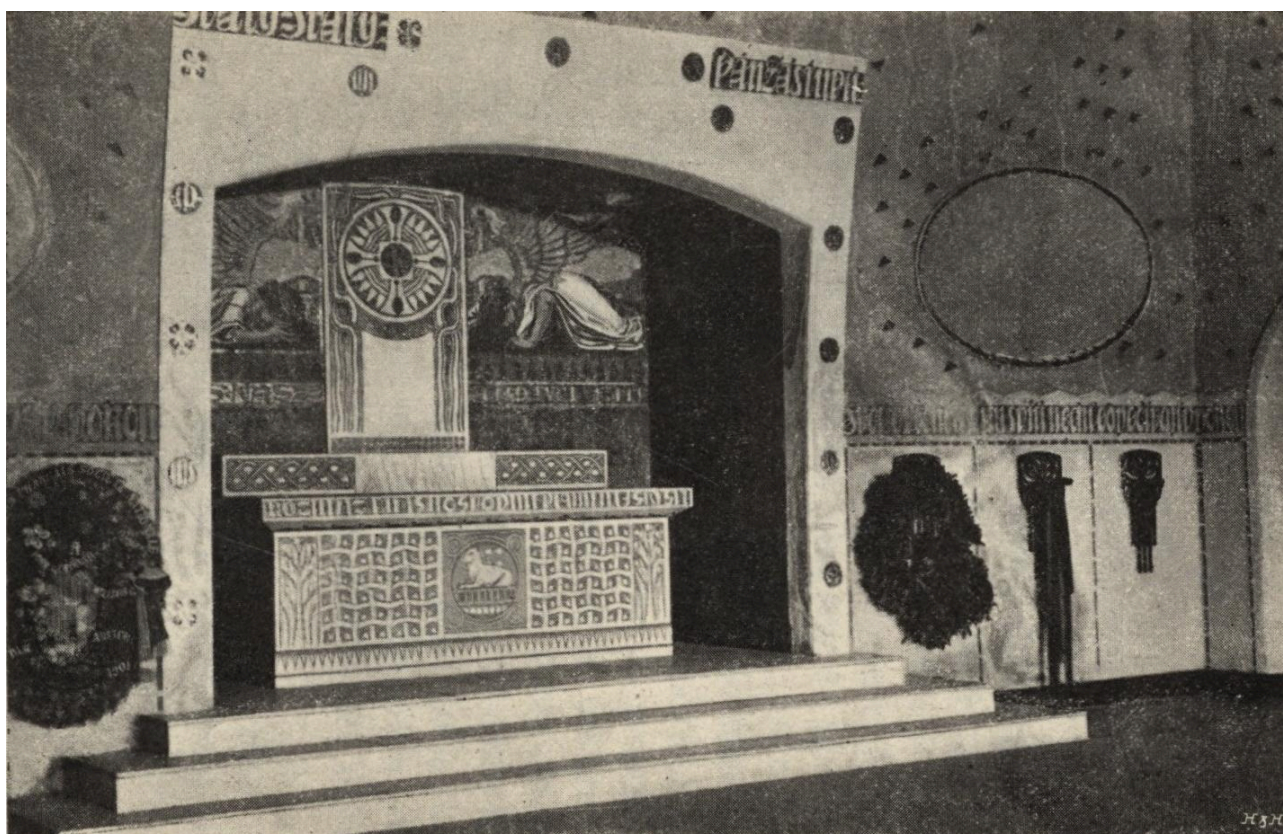
статные юноши опираются на щиты своих государств, о щиты с позолоченными гербами русским, французским, моравским и австрийским.

Особое внимание и заботу комитет уделил достойному оформлению интерьера часовни, ядра всего мемориала. Стены и потолок отчасти украшены в технике сграффито, отчасти покрыты напыляемой штукатуркой. Центр оформления в перекрестье центрального свода обозначен крестом с изображением позолоченного пеликана, к которому примыкают символы райских рек и четырёх евангелистов. Один лишь крест — источник, из которого сияет и вытекает спасение мира христианского, с этой идеей связана надпись наверху свода: «Высок над всеми народами Господь; над небесами слава Его. Из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями»³⁵ (Пс. 112).

Стены часовни разделены надвое, на них будут вывешены дарованные венки на кованых золочёных подвесах. Настенные светильники со свечами дают достаточно света для заупокойной службы. Из центра свода свисает позолоченная лампа, днём и ночью горящая над камнем, закрывающим братскую могилу. Из шести ниш у часовни две предназначены для нужд богослужений, остальные четыре оставлены для отдельных лиц в память об их предках, покоящихся у Славкова.

Алтарь часовни, сложенный из кирпича, отделан каррарским мрамором и кроме того украшен травлением и позолотой; основание алтаря и пол около него тоже сложен из каррарского мрамора. Внутренняя часть алтаря с символом Христа — в глубине ниши — тоже выполнена из мрамора, с позолотой и отделкой из тесаного камня. По сторонам Креста изображены итальянской мозаикой скорбящие ангелы, свод алтарной ниши покрыт соответствующим орнаментом. Эта часть часовни производит впечатление как цветом, так и формой. Грани алтарного стола украшает травлёная позолоченная надпись: «Из глубины взываю: Разожги в нас, Господи, огонь любви своей и вечной милости»; стены из венгерского мрамора украшают слова: «Боже, оживи нас, чтобы народ Твой возрадовался о Тебе». А вокруг алтаря и всей часовни большие буквы просят: «Покой вечный подай им, Господи, и свет вечный им да сияет, да упокоятся с миром. На день св. Вивианы 2 дек. лета Господня 1805».

³⁵ Тексты псалмов в оформлении часовни написаны по-чешски, русский текст по возможности даётся в синодальном переводе. - NB

Алтарь в часовне памятника.

Справа и слева от алтаря расположены две большие мемориальные доски из каррарского мрамора с надлежащими надписями. Плита, закрывающая братскую могилу в часовне, сделана из сиенита из Нижней Австрии, на ней выгравирован орнамент и простые латинские слова «Покой — Честь». Одноцветная шамотная плитка для пола, как и вся отделка плиткой из мастерских Раковницких, принесена в дар паном Яном Лихтенштейном.

Поскольку всё здание расположено на глинистой почве, было необходимо выкопать глубокий котлован и заложить фундамент из 40 метрических центнеров железных, залитых бетоном стержней, которые удерживают горизонтальное давление всей постройки. Весь строительный камень, песчаник, на строительство кургана получен из карьера господ Докупил из Уезда и Сокольников, немного из карьеров Праце, тесаный камень также из карьера Уезда, немного из карьеров Велешовецких.

Скульптурные работы — шесть вышеупомянутых статуй — по модели господ Восмик из Праги, выполнило с позволения министерства общественных работ добровольно и бесплатно Горицкое профессиональное училище из Горицкого песчаника.

Однако ещё много работы предстоит Сокольниковскому комитету. Предстоит ещё построить жильё для постоянного смотрителя, скромное кафе для посетителей и музей для довольно многочисленных военных реликвий. Затем нужно будет привести в порядок окрестности памятника и проложить нужные дороги, и учредить фонд для поддержания и охраны памятника. Всё это, конечно, потребует ещё значительного бюджета, которого, к сожалению, пока нет; поэтому с учётом ограниченности суммы, с которой автору проекта приходилось считаться, при общей внушительности памятника, у комитета не было возможности воплотить всё, что было задумано.

Нет никаких сомнений в том, что Славковский памятник станет постоянной целью для туристов со всего мира; ведь уже сейчас число ежегодных посетителей приближается к тысяче, чего же ожидать в будущем времени. Приезжают местные туристы, приезжают туристы со всей Европы, да и из остальных частей света. И с каким почтением они посещают это священное место, потому что оно освящено людской кровью, неоднократно слеза появлялась даже в глазах закалённых мужчин.

Вам, дорогие жители Праге и окрестных селений, вашему попечению поручаем этот священный памятник. Заботьтесь о доме павших, и когда будете проходить мимо, пожалуйста, хотя бы крестом почтите тех, кто здесь у Господа Бога упокоен, ибо себя чтит тот, кто усопших чтит, и лишь тот умер, кто забыт! Пусть от Кургана мира идея мира и покоя распространится далеко за пределы нашей любимой свободной Чехословацкой республики, пусть Курганом мира идея мира и покоя укрепляется и растёт!

После бессмысленной кровавой битвы при Прейсиш-Эйлау в 1807 г. Наполеон осматривал сильно поредевшие ряды своего войска. Прекрасная дивизия Сент-Илера, которая прославилась в битве под Аустерлицем мощной атакой от Понетовиц на Праценские высоты, на этот раз понесла особенно тяжёлые потери, и вид её вызывал чувство жалости. Потому 43-й полк после битвы завесил своего орла траурной драпировкой. Когда это заметил Наполеон, воскликнул со строгостью и упрёком: «Я никогда не желаю видеть свои знамёна в печали. Хотя мы и потеряли много друзей и товарищей, они пали на поле битвы с честью. Их судьба достойна зависти. Отомстите за них, но не плачьте, слёзы подобают женщинам!» Когда Наполеон договорил, некоторые из его солдат начали, как обычно, кричать : «Vive l'Empereur! Да здравствует император!» Однако на этот раз с ликующими криками смешивались другие восклицания: «Да здравствует мир и Франция! Хлеб и мир!» — И как солдаты французской армии у Прейсиш-Эйлау, так в наши дни призывает человечество, и будет призывать чем дальше, тем громче:

Хлеб и мир!

«Не мечом, но оралом, не кровью, но трудом, не насилием, но мирно, не смертью, но жизнью к жизни, вот — ответ чешского гения, вот смысл нашей истории и завет великих предков».

Масарик.

Память об Аустерлицком сражении

1. Могилы павших

После битвы на Аустерлицком поле осталось более 6000 трупов офицеров и простых солдат русских, французских и австрийских. Время отделило нас больше чем на сто лет от тех событий, забрало из наших рядов их свидетелей, заглушило долетающие издали воспоминания о невернувшихся сыновьях, отцах, братьях и мужьях, и только внимательному взгляду открываются найденные под плугом ядра и пули, рассыпанные побелевшие кости, а островки буйной травы над братскими могилами напоминают, что идёшь просторным кладбищем.

Павшие солдаты были похоронены все вместе в шахтах, их в настоящее время известно 22. Часто в этих краях обнаруживают и могилы с единственным скелетом, при котором положены разные погребальные принадлежности.

Вот бы сочувствующие жители окрестных деревень, находя при полевых работах подобные памятные предметы, их не выбрасывали в металлолом, а относили в дар комитету по постройке памятника у Праце, чтобы планируемый там музей мог собрать достаточно материала!

2. Амулеты

В религиозной вере в защиту Бога, семья снабжала своих уходящих в бой родных предметами, которые должны были им быть защитой в час опасности. Солдаты носили их подвешенными на шею, при них творили молитвы и вспоминали в часы отдыха, они давали последнее утешение в смертельной борьбе, с ними товарищи укладывали погибших на вечный сон.

К таким амулетам относятся в первую очередь оловянные, бронзовые или свинцовые медальоны с латинскими или немецкими надписями, с образами Матери Божьей разных паломнических мест и другие подобные. Довольно часто попадаются и кресты, разных форм.

Среди всех упомянутых амулетов выделяются изящностью и красотой русские иконы. Все эти иконы отлиты из бронзы с фигурным рельефным орнаментом, некоторые инкрустированы цветными эмалями. По видам можно эти иконы разделить на четыре группы: а) образки, б) складенцы, в) молитвенные книжечки и г) нательные кресты.

Русская икона-складенец в музее памятника.

3. Оружие стрелковое, рубящее и колющее.

Целого оружия сохранилось очень мало. Главную причину этого, конечно, следует искать в распоряжении, выданном после битвы в первых числах января 1806 г., для сёл, затронутых битвой, согласно которому «всё оружие, австрийское, французское и русское, сдать. У кого оружие будет найдено позже, тот будет подвергнут строгому, в том числе телесному наказанию».

4. Снаряды.

Самые частые находки на поле боя — пули и ядра; ведь этот край обстреливало более 500 пушек и более 100 000 ружей, и теперь многое обнаруживают при полевых работах. Большое число железных предметов было вмуровано в стены некоторых зданий на память.

Снаряды, железные, которыми заряжали пушки, или свинцовые, для ружей и винтовок, можно разделить на:

- а) гранаты, полые шары с отверстием, наполненные порохом, в их отверстие вставляли запал. Их задачей было взорваться над головой отряда и нести смерть дождём осколков;
- б) обычные пушечные ядра, гладкие и массивные, разного размера и веса;
- в) железные шарики, которые наполняли снаряды как картечь;
- г) свинцовые пули для ружей и винтовок, которые часто находят до сих пор.

Из цепных снарядов (два снаряда, соединённые цепью) один из-под Блажовиц хранится в нашей коллекции.

5. Разные предметы.

Шомпол железный для чистки пушечных стволов.

Многочисленные подковы шире, но слабее нынешних.

К частым находкам относятся также шнеки или штопоры для извлечения снарядов, застрявших в стволе орудия. Шнек вводился в ствол пушки и вращался, чтобы зацепить застрявший предмет и вытащить его.

Кавалерийское седло, шитое серебром, из Рыхманова.

Подъёмный механизм пушечного ствола, из Тельниц.

Примечание: Большинство военных реликвий музея были куплены комитетом у археолога-любителя Антонина Прохазки, ныне директора школы в Кобержице-у-Славкова.

Приложение.

Падучая Наполеона I.

Есть популярная удивительная теория знаменитого итальянского врача проф. Чезаре Ломброзо, согласно которой падучая и эпилепсия является основой и причиной гениальности, как хорошей, так и дурной. И никакая биография не иллюстрирует его теорию лучше, чем биография Наполеона.

Падучая Наполеона была, как ей свойственно, наследственной. Общеизвестно, что дети часто наследуют эпилепсию от родителей, подверженных пьянству. И действительно, отец Наполеона — Карло Бонапарте — был подвержен этому пороку и умер ещё молодым (39 лет) от рака. Сёстры Наполеона, особенно Полина, были безнравственными, брат Люсьен — скупым, эгоистичным и при этом чувственным, зато мать — Мария Летиция Рамолино — была женщиной серьёзной, целеустремлённой и разумной.

Наполеон был невысокого роста, примерно 1.59 м, однако с непропорционально длинными руками, 1.67 м в размахе. Череп его был объёмом 56 см, у него были впалые виски, необычно большие нёбо, глазницы и нижняя челюсть; ноги сравнительно короткие, голова низко опущена и зажата между плечами. Уже его тело показывало некоторые признаки человека, подверженного падучей.

Наполеон страдал удивительной чувствительностью. В его кабинете и спальне топили до самого июня, у него был необычайно острый нюх, он часто жаловался на односторонние боли в голове, предчувствовал каждую перемену погоды, был очень раздражительным, особенно в сухую и ясную погоду.

Он страдал и от судорог мышц и конечностей. Уже в детстве у него бывали эпилептические припадки. Когда однажды в Париже в школе он должен был в наказание одеться в грубую одежду и есть, стоя на коленях, с ним случился настолько жестокий припадок, что его освободили от наказания.

10 сентября 1804 судороги были настолько сильными, что императрице Жозефине пришлось звать присутствовавших на помощь, и лишь через несколько часов приступ прошёл, и император запретил об этом говорить. В другой раз судороги у него начались во сне; он корчился на постели, задыхался и кричал, когда же его разбудили, рассказал, что ему приснился медведь, пытавшийся его растерзать.

В 1805 г. Талейран сопровождал Наполеона до Страсбурга и видел, как однажды после обеда тот ушёл в комнату к императрице. Но тут же вернулся, схватил Талейрана за плечо, отвёл его в соседнюю комнату, и обеспокоенно сказав запереть двери, упал, как мёртвый.

Как у многих эпилептиков, у Наполеона был слабый пульс, 48, позднее 60 ударов в минуту.

Однако намного важнее его душевные припадки. Говорят, отчасти с этим связаны некоторые его неудачи в битвах, например, у Бородина, под Дрезденом и др. Некоторые историки утверждают, что Наполеону у Бородина было достаточно послать в бой свою

старую гвардию, чтобы бесспорно выиграть сражение. Однако он этого не сделал, хотя генералы его уговаривали.

Как эпилептику, Наполеону не доставало нравственного чувства, он, как совершенно справедливо утверждает французский историк Тэн, производил впечатление великого бандита.

Когда австрийский министр Меттерних во время переговоров в Дрездене высказал замечание, что Франция в последней войне потеряла 200 000 человек, Наполеон ему ответил: «Что мне какие-то 200 000?»

Возвращаясь на родину после непомерных поражений и потерь в России, он сообщил в бюллетене своим соотечественникам: «Состояние здоровья императора никогда не было лучше!»

Уже в школе Наполеон бывал дерзким и нечестным. Дядя ему предсказывал великую будущность, говоря, что он был мастером лжи; так же его позже оценил и Меттерних.

В общении с другими — без различия рода и сословия — он часто бывал грубым, заносчивым и не в меру самолюбивым. Ещё мальчиком он дрался с одноклассниками, которые ему не покорялись, а потом жаловался, что они его били.

Велики были его нетерпение и порывистость, как часто у эпилептиков. Он пинал, хлестал и бранил даже своих генералов, разбивал в гневе драгоценные вазы, бросал невычищенную одежду в огонь, и беда была писарям, не поспевавшим за его необычайно быстрой диктовкой.

Огромными были разум и душевные силы Наполеона. Был на коне по 10-12 часов, спал только 4-6 часов, просыпаясь при каждом сигнале, и это накануне битвы, после того, как весь день был в седле!

Неоднократно бывало, что после целого дня трудов и размышлений он вскакивал среди ночи, чтобы диктовать нескольким секретарям, которые бодрствовали, как на страже.

Прогнав министров и генералов, он принимал на их место художников и писателей. «Дух его превосходил человеческую мощь и силу», — пишет о нём Тэн. —

«Я думаю, — говорил Наполеон сам о себе, — намного быстрее, чем все остальные люди».

Но, как у всех эпилептиков, у Наполеона бывали моменты удивительной тупости, он также допускал большие ошибки и промахи в жизни военной, политической и личной, и часто сам себе противоречил. Вопреки всем возражениям и предостережениям он предпринял несчастный военный поход в Россию; во Франции ввёл католическое богослужение, однако папу сделал своим пленником; разведённой мадам Гер. запретил появляться при дворе, сам же развёлся со своей супругой Жозефиной.

С особой охотой и увлечением он подбирал невест для сыновей своих генералов и губернаторов, и даже для денщиков своей свиты; бывал он и усердным сватом.

Он совершенно не разбирался в живописи — покупал и оценивал картины за их размеры.

Наполеон был ещё и довольно суеверным. Твёрдо верил в звезду, которая его ведёт, на острове св. Елены боялся кометы, считал пятницу днём неудач, беспокоился за жизнь своей супруги Жозефины, когда разбил стекло её портрета; для сражений выбирал благоприятные дни, и когда был во главе своей армии, не забывал считать окна и дома улиц, по которым проезжал.

Вот всё об эпилепсии Наполеона.

Если правда, что эпилептиками были и Юлий Цезарь, Петрарка, Пётр Великий, Мухаммед, Ришелье, Карл V, то эпилепсия скорее не исключение, а правило у гениальных мужей!

Критикам Наполеона.

Каждый раз, когда я читаю или слышу людские суждения о Наполеоне, мне невольно приходят в голову слова чешского писателя:

«Падение Наполеона было великим, сокрушительным в своей трагичности. Думаю, был он подобен орлу, чей самый славный и смелый полёт к солнцу прервала судьба. Орёл рухнул в глубокие расщелины скал и гор, на пронзающих небо гребнях которых он некогда сиживал, пока не устремился в полёт над вершинами. И когда тут в ущельях нашли упавшего орла, сороки, удода, сверчки и прочая мелюзга, судили, рядили, жалели его, что грешно взлетать на такую опасную высоту, что он слишком возвысился над остальными, что был государем вовсе безнравственным и т. д. ...»

Напишет ли историк, что Наполеон был великим духом, хорошим знатоком людей и величайшим полководцем своего времени, никто с этим не спорит; когда же заходит речь о его натуре, суждения разнятся.

Плохие стороны его характера — те, которые привели и удерживали Наполеона на пути неограниченного господства и владычества, но стороны хорошие украшали его в его повседневной жизни!

Посмотрите на некоторые небольшие примеры!

Внутри Наполеона правили властолюбие и раздражительность, которые не знали меры и вели его к злым делам и грешным поступкам. Однако, когда эти страсти отступали в его частной жизни, вместо Наполеона перед нами вставал приветливый, добрый Бонапарте!

Когда Наполеон находился в Италии, враги подкупили его повара, итальянца, чтобы его отравил. Сперва повар держался, но потом золото победило, и повар подмешал яду в шоколад.

Наполеон стоял у окна, беседуя с несколькими генералами. Затем он подал знак слуге, который принес чашку шоколада на серебряном блюде и поставил ее на стол у окна. Тем временем, пока Наполеон ещё говорил, с занавески над окном спустился паук и упал в шоколад. Император заметил его и вскрикнул:

— Эй, мерзкий паук!

— Пауки предвещают удачу, — сказал один из присутствующих генералов.

— Не понимаю, как этот паук может означать удачу. Он же испортил мне шоколад и аппетит, — ответил Наполеон и приказал унести шоколад.

Повар, дрожа, ждал на кухне. Когда же узнал, почему Наполеон не выпил шоколад, бросился в покои императора и, упав к его ногам, кричал: «Прощения, прощения!» И Наполеон — простил.

В битве при Бауцене 22 мая 1813 года был смертельно ранен друг и любимец императора генерал Дюрок — пушечное ядро оторвало ему обе ноги. Умирая, восклицал «Vive l'empereur» (да здравствует император), а Наполеон, стоя рядом с ним — горько плакал.

Был ли он верующим? Был, но его вера не была «подобна закваске, которая квасит всё тесто».

После битвы у Ваграма, 5 июля 1809 г. к Наполеону подошёл солдат огромного роста с просьбой принять его в свою старую гвардию. Наполеон просмотрел его документы и спросил:

— Ты иудей?

— Ни в коем случае, Ваше Величество, — ответил солдат. — Я был иудеем, теперь же во всей своей армии вы не найдёте лучшего христианина, чем я. После возвращения из Испании мы пять месяцев стояли на квартирах в Риме, и тогда я четырежды принял крещение, и каждый раз получал хорошие подарки!

Самообладание покинуло Наполеона: император вышел из себя.

— Ты бесстыдник! — закричал Наполеон в гневе. — Ты глумишься над нашими святынями? Несчастный, тебя бы следовало расстрелять. Ты хочешь быть принятым в мою верную гвардию? Если мне понадобятся красные мундиры или бродяги, я тебя позову. Отойти от меня, проклятый жид!

Очевидцы рассказывали, что никогда не видели Наполеона в столь сильном гневе, как в тот раз. В течение дня несколько раз слышали, как император про себя бормотал: «Какой ужас!»

В 1811 году Наполеон находился в расцвете своей славы и могущества. И когда стоящие рядом генералы, говорившие о его триумфах и победах, спросили его, какой день своей жизни он считает самым счастливым, император ответил:

— День своего первого святого причастия!

Генерал Рапп назвал ответ императора удивительным. Император на него за это рассердился и брезгливо сказал:

— Если бы я знал, что Вы атеист, я никогда не назначил бы Вас своим генералом.

Известно, что генерал граф Бертран со своей семьёй добровольно разделил с императором Наполеоном его изгнание на острове св. Елены. Там Наполеон готовил дочку своего друга к первому причастию.

Однажды на острове св. Елены между Наполеоном и его сопровождающими состоялся следующий разговор:

«Величайшее чудо Христово, — сказал пленный император, — то царство любви, которое он основал. Одному только Иисусу удалось добыть людские сердца. И то, что Ему это удалось, служит для меня доказательством Его Божественности.

Я в изгнании. Кто сегодня сражается за меня? Кто в Европе вспоминает обо мне? Кто остался мне верен? Где мои друзья?

Это судьба великих мужей, такая же судьба постигла и Цезаря, и Александра! Нас забывают, и имя великого завоевателя остаётся только предметом для изучения в школах. О наших подвигах судит только педант (школьный учитель).

Чем стал Людовик IV после смерти? Труп — гроб — могила — тлен...

Ещё чуть-чуть — та же судьба ждёт и меня. Коварно осуждённый Англией на смерть, умираю до срока...

Вот грядущая судьба великого Наполеона! Какая пропасть между моим глубоким несчастьем и владычеством Христовым, который во всё мире прославлен, возлюблен и

избран, и всё ещё жив! Его смерть — означает ли умирание? Не означает ли торжество жизни?»

Наполеон просил папу о священниках. Они прибыли в 1819 г. и были приняты с почтением.

Когда усиливалась болезнь Наполеона (страдавшего раком желудка) и приближался конец его жизни, аббат Виньоли последний раз причастил его. Это произошло 3 мая 1821 г. Наполеон распорядился, как поступить с его телом, по поводу чего сказал:

«Я не философ и не материалист. Верую в Бога и исповедую веру своих предков. Я родился католиком и хочу исполнить все обязанности, которые мне предписывает католическая церковь».

Завещание Наполеона от 15 апреля 1821 г. начинается словами:

«Я умираю в вере римско-католической, в которой родился более 50 лет назад».

5 мая 1821 — день был ветреный и дождливый — отошла душа Наполеона после тяжёлой агонии в вечность. Последние слова его были «tête d'armée» (во главе армии).

В 11 минут шестого часа вечера испустил Наполеон последний вздох...

Душу его взял милосердный Бог на свой суд, тело его взяла позднее (1840) Франция, которую он любил больше всего на свете.

Песня об Аустерлицкой битве.

Чешский текст Владимира Штястного.

О путник, здесь останови свой шаг,
Где памятник стоит над тихим лесом,
Где Марс, владыка яростных атак,
Богиню Мира взял себе в невесты.

Где в бой смертельный, порожденье пекла,
За войском войско шло и шло тогда,
Из разных стран, из всех народов света
В Моравии просторные луга.

О сколько тех, кто смерть нашёл когда-то,
Чужой землёй накрыты, здесь лежат,
Мадьяр и грек, и чехи, и хорваты,
Француз и русский, немец и козак.

Когда-то убивавшие друг друга,
Сражаясь за родимую страну,
Теперь они легли, рука об руку,
И мир сменил прошедшую войну.

Покойтесь в мире, где исчезла злоба,
И в день, когда разбудит трубный глас,
Вы равными восстанете из гроба,
И кровь уже не запятнает вас.

Когда, разбуженные звоном горна,
Поднимитесь вы из сырой земли,
Не ради горя и вражды упорной,
Но перед Тем, Кто вас вознаградит.

Аустерлиц! Свидетель неизменный
Тех тысяч, павших на твоих полях,
Тех, умиравших под трубой военной,
Теперь лишь мир царит в твоих краях.

Благодарности к изданию 1898 г.

Исполняя приятную обязанность принести заслуженную благодарность всем, кто как-либо помогал мне в этом труде, с признательностью вспоминаю особую поддержку, которую мне оказали:

Многоуважаемые и достойные учителя края Праценского и Славковского, преп. Доктор Павел Выходил, член-корреспондент Чешской Академии и директор папского издательства райградских бенедиктинцев в Брно, преп. Цирил Ридл, председатель епископской консистории и приходской священник кафедрального собора в Брно, дстп. Ян Вилим, владелец ксило- и фотографической лаборатории в Праге, дстп. Франтишек Гомолка, епископский управляющий имения в Хрлицах, дстп. Доктор Вилем Шрамм, библиотекарь Франтишкова музея в Брно, дстп. коллега Губерт Фиала, профессор в Брно, преп. Вацлав Угирек, приходской священник в Славкове, и дстп. коллега Вацлав Бица, помощник учителя в Брно.

Особенно тёплую благодарность я должен принести дстп. Антонину Лангу, неумолимому директору школы в Жабовржесках у Брна, за прекрасную карту сражения и портреты трёх императоров, а также многоуважаемому П. Клименту Янечку, писателю и члену почётного конвента ордена Августинцев на Старом Брно, который охотно и тщательно перевёл мою работу на немецкий язык.

За их любовь к общему делу — сохранению памяти поля боя Славковского — да вознаградит их Господь Бог!

Не секрет, что этот труд мог бы быть более тщательным и полным — изначально он писался для учебной программы чешского реального училища в Брно. Однако утешением и извинением мне может быть то, что из тех источников, которые были у меня под рукой, я старался извлечь верные и справедливые данные об изучаемых событиях, полагаясь на сведения, заслуживающие доверия и надёжные.

Я написал свой труд как вклад в историю нашей дорогой родины, дабы милый народ мой не возгордился успехами и не унывал в невзгодах!

Покупая нашу скромную брошюру, которая не претендует на литературное достоинство, каждый читатель внесёт вклад в строительство памятника на горе Праценской!

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Многочисленные приходские архивы, архив имения Хрлицкого и брненского военного гарнизона.

Th. Bernhardí. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des russischen Generals K. Fr. v. Toll. Leipzig 1856.

Plk. **Jindřich Bubla.** Válka roku 1805. Praha 1922.

La campagne d'Austerlitz par **L. Couailhac** et **V. Fleury.** Paris 1832.

Dr. **Heinrich Elsner.** Geschichte des Kaisers Napoleon. Stuttgart, 1835.

Christ. d'Elvert. Beiträge zur Geschichte der königl. Städte Mährens, insbesondere der k. Landeshauptstadt Brünn. Brünn, 1860.

Dr. **Aug. Fourniér.** Napoleon I. Praha 1886.

Dr. **Ctib. Helcelet.** Bitva u Slavkova. Moravská orlice, Brno 1889.

Gen-m. **A. Kraus.** 1805 der Feldzug von Ulm. Wien 1912.

Št. kap. **Josef Kropáč.** Válečné dějiny. Hranice 1922.

W. Rústow. Der Krieg von 1805 in Deutschland und Italien. Zürich 1859.

Karl v. Schönhals. Die Schlacht von Austerlitz. Streffleurs Militärische Zeitschrift 6, 1822.

Karl v. Schönhals. Der Krieg 1805 in Deutschland. Wien 1874.

Walter Scott (Gener. J. v. Theobald). Das Leben Napoleon Bonaparte's. Wien 1828³⁶.

Ad. Thiers. Geschichte des Konsulats und des Kaiserthums. (Übersetzt von Bülau). Leipzig 1845³⁷.

Oberstleutn. im Generalstab **Eberh. Mayerhoffer v. Vedropolje.** Die Schlacht bei Austerlitz. Wien 1912.

Gr. **Yorck v. Wartenburg.** Napoleon als Feldherr. Berlin 1887.

Dr. **J. B. v. Weiss.** Lehrbuch der Weltgeschichte. Wien 1874.

Die Schlacht bei Austerlitz. Von einem Offizier und Augenzeugen. Hamburg 1806.

Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Paris 1862.

Wiener Kriegsarchiv. Die Relation der Schlacht bei Austerlitz, aufgenommen durch den **General-Quartiermeisterstab** im Februar und März 1806.

Leitfaden der allgemeinen Kriegsgeschichte. Wien 1896.

Наилучшим подспорьем для меня был уникальный рельефный макет карты Славковского поля боя в замковом архиве Шварценбергов в Орлике-над-Влтавою. Эту карту Наполеон повелел изготовить после битвы в Париже, а после подарил австрийскому послу при Парижском дворе, Карлу Шварценбергу, в знак своей личной приязни. Это великолепное произведение искусства, довольно крупное, стол более 1½ м длины и более метра ширины, ландшафт изготовлен из раскрашенного папье-маше со всей точностью. Расположение обеих армий перед битвой обозначено деревянными палатками, после битвы - крохотными, около 2 мм, фигурками. Позиции на конец битвы карандашом обозначил на карте собственноручно сам Наполеон I.

³⁶ Перевод на русский язык: Вальтер Скотт «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», перевёл С. де Шаплет, С.Петербург. 1832. — NB

³⁷ Перевод на русский язык: Луи-Адольф Тьер «История Консульства и Империи», перевела Ольга Вайнер, издательство Захаров. Москва 2013. — NB